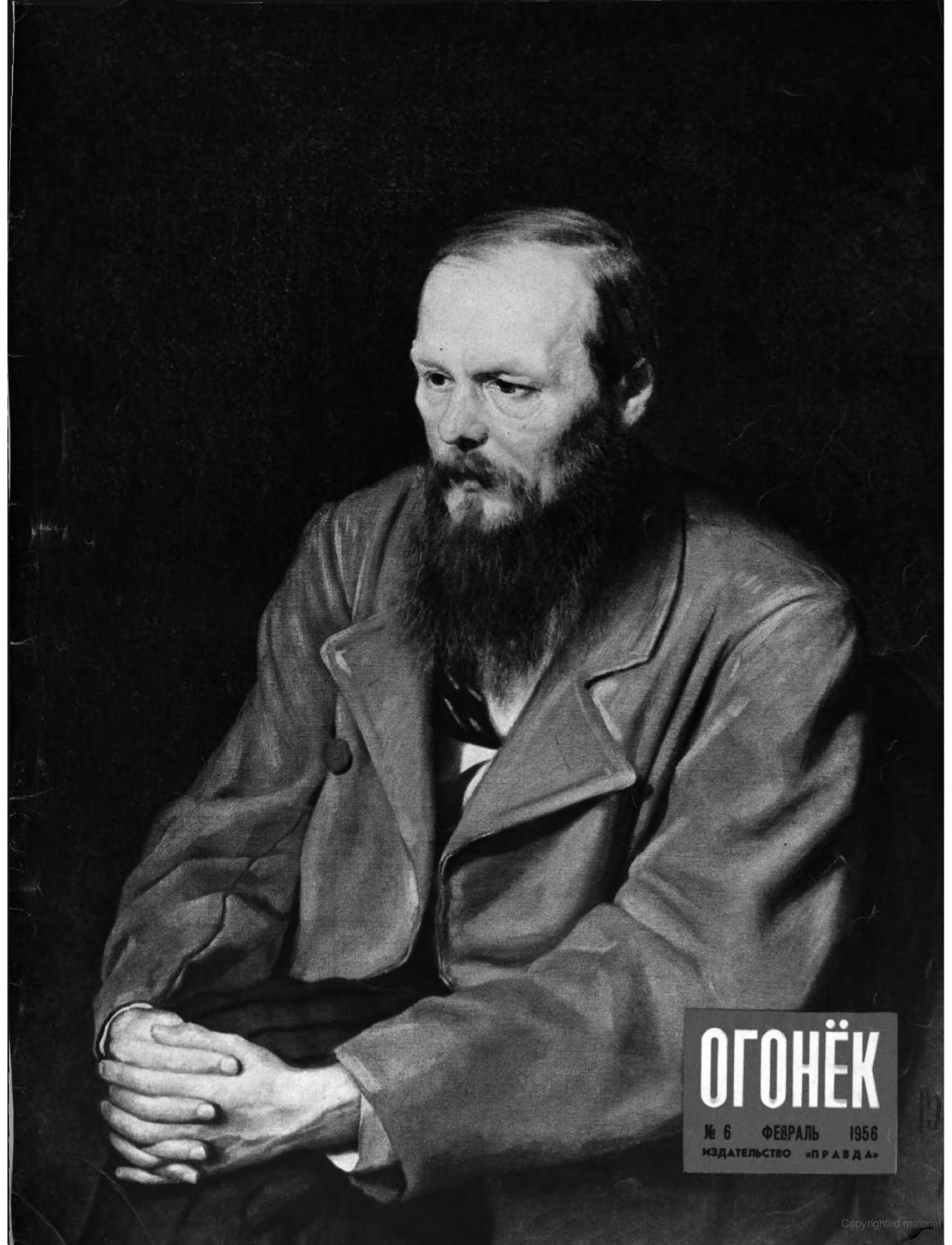
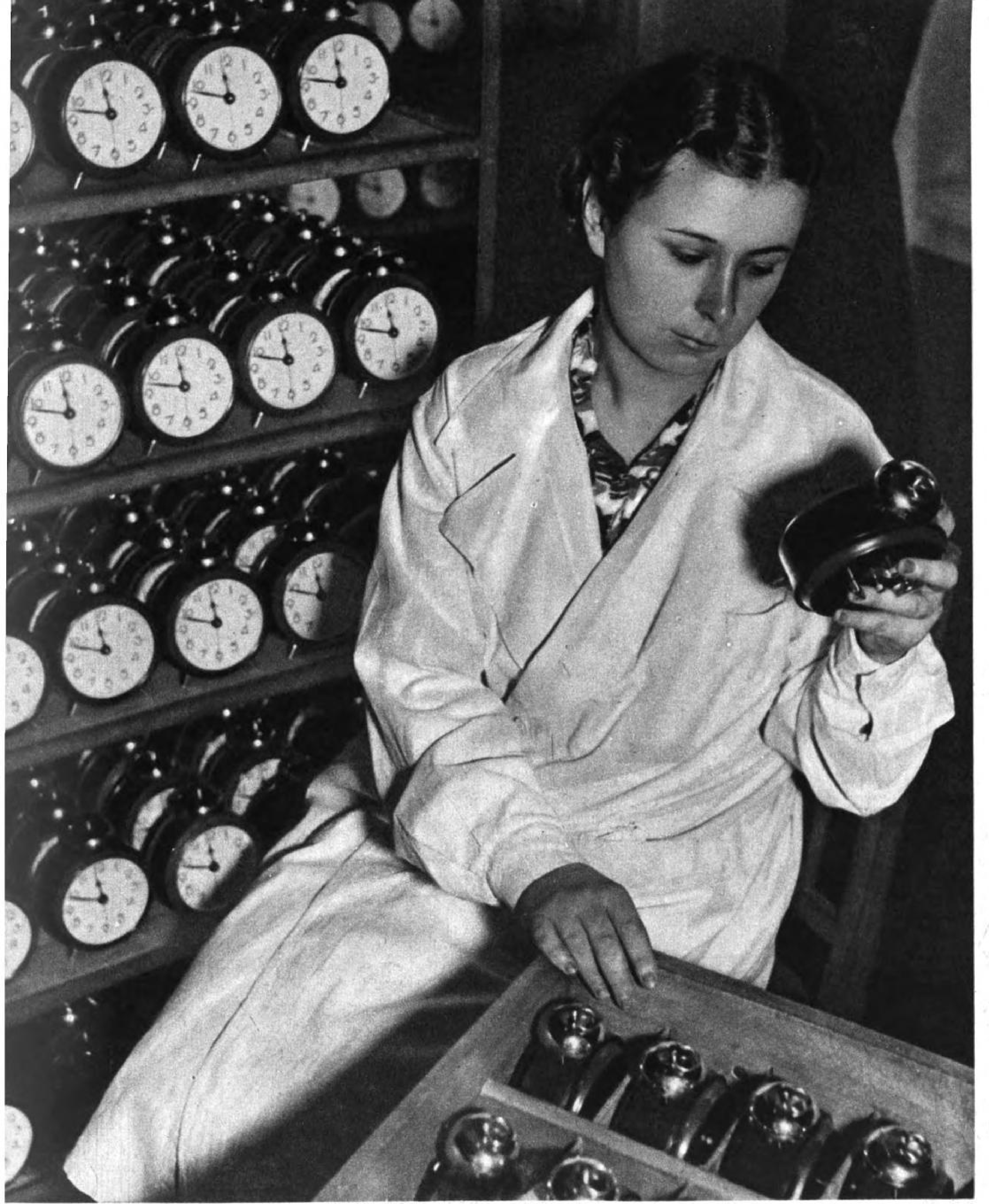

ОГОНЁК
№ 6 ФЕВРАЛЬ 1956
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»



Государственный часовой завод в Ростове-на-Дону. Инженер Э. С. Фролова за проверкой будильников.

Фото М. Савина.

На первой странице обложки: Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ. 1872 год. Портрет работы **В. Г. Перова.**

Государственная Третьяковская галерея.

На последней странице обложки: Сцена из оперы «Ньюргун Боотур». Туйарыма Куо — артистка А. Лыткина и богатырь Юргонь Уолан — заслуженный артист Якутской АССР Н. Харитонов. Недавно общественность Якутии отмечала тридцатилетие республиканского музыкально-драматического театра. К своему юбилею театр возобновил постановку первой национальной оперы, «Ньюргун Боотур» М. Жиркова и Г. Литинского. В основу либретто Д. Сивцева положена старинная якутская легенда.

Фото Я. Рюмкина.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК № 6 (1495) 5 ФЕВРАЛЯ 1956

34-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

В колхозе имени Ленина, Дымерского района, Киевской области, обсуждают проект Директив XX съезда КПСС по шестому пятилетнему плану. Выступает звеньевая овощной бригады Е. П. Радченко. За столом в центре — агитатор бригадир строительной бригады А. П. Столярчук.

Фото Н. Козловского.

Навстречу XX съезду КПСС

КОММУНИСТЫ ВПЕРЕДИ

На одном из больших домов Запорожья мы читаем:

Я знаю —
город
будет,
я знаю,
саду —
цвесть,
когда
такие люди
в стране
в советской
есть!

Буквы сложены из неоновых трубок. Днем они сверкают на солнце, а ночью горят мягким алым светом.

Сегодняшнее Запорожье — это прекрасный город с цветущими садами.

В большую семью отечественных заводов запорожские предприятия вступили уже в советское время. Вступили и заняли почетное место. Можно ли теперь представить советскую металлургию без такой жемчужины, как «Запорожсталь», или без «Днепроспецстали», энергопромышленность — без запорожского трансформаторного завода?! Могучая система «Днепроэнерго» распространилась и на соседние области — Херсонскую, Днепропетровскую, Кировоградскую...

Ф. В. Пирогов с молодыми металлургами.

Сталевар П. Кириченко.

Хорошо известна запорожская марка. Тонкий стальной лист, алюминий, трансформаторы отгружают отсюда в разные концы страны и за ее пределы. «Дадим сверх плана в 1956 году 15 тысяч тонн чугуна, 25 тысяч тонн стали, 18 тысяч тонн проката!» — призывает плакат у самого входа на «Запорожсталь».

В многотысячном трудовом коллективе запорожцев, как и в любом другом, вожаками масс выступают коммунисты. Они застрельщики борьбы за технический прогресс, они инициаторы внедрения новой техники; коммунисты — инженеры и рабочие — вместе с беспартийными, показывая им пример, совершенствуют технологию производства.

Коммунисты стали первыми организаторами соревнования в честь XX съезда КПСС. Их имена на досках почета, в стенных газетах, их упоминают на производственных летучках, они открывают длинный список передовиков запорожской индустрии.

Братья Емельяненко — Григорий и Леонид...

Старший оператор первого поста Григорий Емельяненко передвигает рукоятку пульта, и раскаленная добела глыба металла несется по рольгангам к отжимным валкам. Еще нажим... И «похудевший» слиток откатывается назад.

— Кантуй! — тихо говорит Григорий брату Леониду.

И гигантские железные щупальца поднимают, переворачивают пышущую жаром плиту стали. Проходит минута, и многотонная сила обжимных валков превращает стальной слиток в заготовку нужного размера.

Коммунисты Григорий и Леонид Емельяненко слывут на заводе отличными мастерами своего де-

Григорий (с п р а в а) и Леонид Емельяненко.

ла. Овладев механизмами, они сократили длительность прокатки на десять минут.

— А что значит десять минут?— говорит Леонид. — Это дополнительная прокатка не менее восьмидесяти тонн металла.

Григорий, старший, пришел на «Запорожсталь» двадцать лет назад. В 1947 году к нему присоединился Леонид.

Пятнадцать лет здесь же, в цехах завода, проработала жена Григория Андреевича Клавдия Кузьминична. В минувшем году их дочь Аня окончила Запорожский строительный техникум и теперь осваивает целинные земли в Кокчетавской области. Сын Гриша — рулевой одного из судов Днепровского пароходства. А самый младший, Толя, учится в шестом классе и мечтает стать металлургом.

Немало в Запорожье таких славных рабочих семей.

Высокого качества электростали дает народному хозяйству «Днепроспецсталь». Коммунист Павел Ефремович Кириченко в канун XX съезда КПСС выдал шеститысячную плавку.

С кем бы на этом заводе вы ни познакомились, едва ли не каждый спросит: а с батькой Федором говорили? Иначе и не назовешь, пожалуй, коммуниста Федора Викторовича Пирогова, как «батько». Более полувека имеет он дело с металлом, зовется теперь почетным металлургом. Не счесть всех, кого вырастил он за 50 лет. Побеседовать с «батьком Федором» всегда рада молодежь. Вот и сейчас Федора Викторовича окружили ковшевой Петр Муха, разливщик стали Виктор Старых, крановщик Константин Фатьянов.

Перед XX съездом Пирогов обратился к заводской молодежи с такими словами:

— Трудитесь, ребята, как большевики. Высоко держите марку своего завода, дорожите великой честью быть металлургами Страны Советов!

«ЗТЗ» — производственная марка запорожского трансформаторного завода. На Куйбышевской ГЭС, на линии электропередачи Куйбышев — Москва, на Каховской ГЭС действует высоковольтная аппаратура, изготовленная в огромных, светлых цехах этого завода. Конструкторы досрочно выполнили свое предсъездовское обязательство: закончили эскизную разработку комплектных распределительных устройств. Они предназначены для работы в тропических условиях на металлургическом комбинате Индии.

Главный конструктор завода Иван Алексеевич Антонов полтора месяца находился в Индии, знакомился с особенностями работы электрооборудования в тропиках. Вернувшись, он рассказал, какой должна быть специальная конструкция аппаратуры.

Вскоре в сборочном цехе завода был предъявлен для испытаний новый образец мощного трансформатора.

Чтобы плавить сталь, выпускать машины, строить дома, необходима электроэнергия.

У Лидии Васильевны Еременко, старшего дежурного диспетчера «Днепроэнерго», будто и незаметная работа. Но это лишь на первый взгляд. Отсюда, с пульта управления мощной энергосистемы, как бы видишь возросшую индустриальную мощь страны. Один человек стоит на вахте, а электрические потоки приводят в действие машины и станки нескольких областей.

...Металлурги, строители, энергетики — все они вносят свой вклад во всенародное соревнование, которым наша страна отмечает предстоящий XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. И, как всегда, коммунисты в авангарде, вместе с массами, во главе масс.

А. ДОЛЕНКО

Фото С. Фридлянда.

Старший диспетчер «Днепроэнерго» Л. В. Еременко.

И. Антонов беседует с заводскими инженерами.

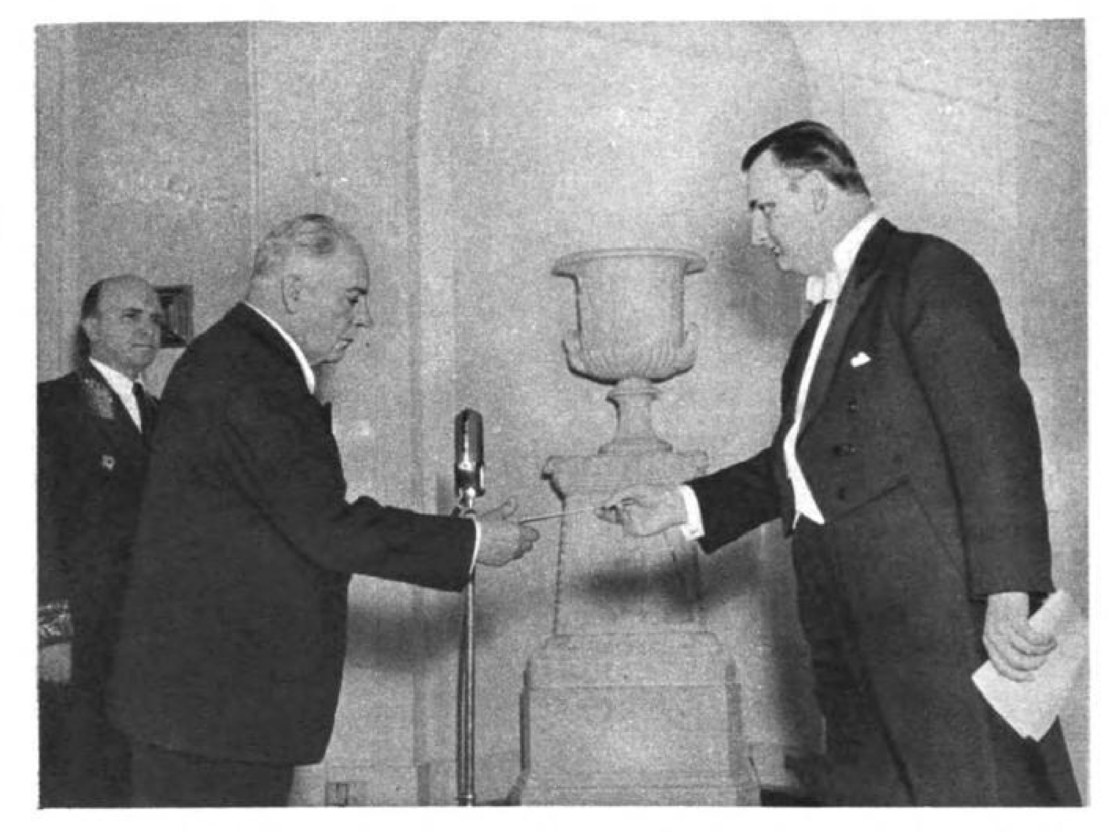
Дневник ОГОНЬКА

★ ЗАСЕДАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНСУЛЬТАТИВНОГО КОМИТЕТА, УЧРЕЖДЕННОГО В СООТВЕТСТВИИ С ВАРШАВСКИМ ДОГОВОРОМ.

★ НОВЫЙ ПОСОЛ ИСЛАНДИИ В СССР.

★ СООТНОШЕНИЕ СИЛ В НАЦИОНАЛЬНОМ СОБРАНИИ ФРАНЦИИ.

★ ДЛЯ ЗАЩИТЫ СУВЕРЕНИТЕТА ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ГЕРМАНСКОГО ГОСУДАРСТВА.



31 января в Кремле Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилов принял Чрезвычайного и Полномочного Посла Исландии в СССР Пьетура Торстейнссона, вручившего свои верительные грамоты.

Фото М. Савина.

Прага, 27—28 января

Представители Советского Союза в зале заседаний.

27—28 января в Праге происходили заседания Политического Консультативного Комитета, учрежденного в соответствии с Варшавским договором.

В работе Комитета приняли участие представители Албании, Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Румынии, Советского Союза, Чехословакии. Советский Союз представляли Первый Заместитель Председателя Совета Министров СССР и Министр Иностранных Дел СССР В. М. Молотов и Министр Обороны Маршал Советского Союза Г. К. Жуков.

В заседаниях Комитета участвовали также Главнокомандующий объединенными вооруженными силами, выделенными государствами — участниками Варшавского договора, — Маршал Советского Союза И. С. Конев и генерал армии А. И. Антонов.

Наблюдателем от Китайской Народной Республики являлся Маршал Не Жун-чжэнь.

Политический Консультативный Комитет принял положение об объединенном командовании вооруженными силами, а также предложение делегации Германской Демократической Республики о том, что после создания национальной народной армии ГДР ее вооруженные контингенты будут включе-

Народный зал Вальдштейнского дворца. Декларация государств — участников Варшавского договора — подписана. С заявлением от имени правительства Китайской Народной Республики выступает заместитель председателя Государственного комитета обороны Маршал Не Жун-чжэнь.

26 января в Хельсинки, в Посольстве СССР, состоялось подписание Заключительного Протокола о передаче Финляндии Советским Союзом территории Порккала-Удд и находящегося на ней имущества.
На снимке: Первый Заместитель Председателя Совета Министров СССР М. Г. Первухин произносит речь после подписания Протокола.

В НАЦИОНАЛЬНОМ СОБРАНИИ ФРАНЦИИ

— Существует или не существует «левое большинство» во французском Национальном собрании нового состава? — таков вопрос, ставший в эти дни центральным в политической жизни Французской республики.

«Нет,— говорят правые газеты страны,— не существует». Однако уже выборы председателя Национального собрания доказали обратное. Социалист Ле Трокер был избран на этот пост голосами депутатов—коммунистов, социалистов и радикалов.

Посмотрите на публикуемую здесь схему распределения мест в старом и новом Национальном собрании Франции. Вот оно, «левое большинство», возникшее после выборов 2 января,— коммунисты, социалисты, лидер которых Ги Молле сформировал, как известно, правительство, и радикалы. Именно о таком большинстве пишет сейчас демократическая пресса Франции как о реальной силе, с которой нельзя не считаться, ибо она занимает бо̀льшую часть зала Национального собрания. К «левому большинству» примыкают ЮДСР — «Демократический и социалистический союз сопротивления», РДА — «Демократическое объединение Африки», РЖР — «Объединение левых республиканцев».

В правой, меньшей части зала расположились депутаты католической партии МРП, так называемые «умеренные» («независимые», крестьяне и «Независимая группа республиканского и социального действия»), социальные республиканцы (бывшие деголлевцы) и члены «Союза защиты торговцев и ремесленников» (сторонники младофашиста Пужада).

Даже беглого взгляда на эту схему, составленную по данным агентства Франс Пресс на 23 января, достаточно, чтобы увидеть наличие «левого большинства».

ны в объединенные вооруженные силы. Всю работу Политического Консультативного Комитета пронизывал дух подлинного единства и взаимопонимания.

28 января в Вальдштейнском дворце состоялось подписание Декларации государств — участников Варшавского договора о дружбе, сотрудничестве, взаимной помощи. Декларацию подписали представители государств, участвовавшие в заседаниях Политического Консультативного Комитета. При подписании Декларации присутствовал Президент Чехословацкой Республики А. Запотоцкий.

Миллионы миролюбивых людей расценивают Пражскую Декларацию как важный исторический документ, имеющий огромное международное значение. Повсеместно Пражскую Декларацию называют программой упрочения мира между народами.

Прага.

Фото специального корреспондента «Огонька» Н. Драчинского.

Представители Германской Демократической Республики: первый заместитель Премьер-Министра ГДР Вальтер Ульбрихт и заместитель Премьер-Министра ГДР и министр национальной обороны генерал-полковник Вилли Штоф.

Участники заседания: Маршал Польши К. Рокоссовский, Маршалы Советского Союза Г. К. Жуков и И. С. Конев беседуют с Президентом Чехословацкой Республики А. Запотоцким.

НАРОДНАЯ АРМИЯ ГДР

Этот снимок отражает важную веху в жизни Германской Демократической Республики. Народной палатой ГДР принят «Закон о создании национальной народной армии и министерства национальной обороны».

Трудящиеся республики горячо поддерживают создание национальной народной армии для защиты суверенитета демократического и миролюбивого германского государства, связанного тесными узами с лагерем мира.

Группа офицеров и солдат в форме национальной народной армии.

Дневник ОГОНЬКА

★ БЕСЕДА С НЬЮ-ЙОРКСКИМ ЮРИСТОМ МАРШАЛОМ МАКДАФФИ.

★ 55 ГРАММОВ ЯДЕРНОГО «ГОРЮЧЕГО» ВМЕСТО 85 ТОНН ЖИДКОГО ТОПЛИВА.

★ «СТАВРОПОЛЬ» УШЕЛ В ДАЛЕКИЙ РЕЙС.

★ ТАМ, ГДЕ СТРОИТСЯ ПОСЕЛОК МИРНЫЙ.

★ КАК ПРОВОДЯТ СТУДЕНТЫ СВОИ КАНИКУЛЫ.

Макдаффи: «Между советским и американским народами много общего»

Нью-йоркский юрист Маршал Макдаффи за время своих поездок по Советскому Союзу сделал около трех тысяч фотоснимков. В прошлом году в США и Англии вышла его книга «Красный ковер». Как говорит автор, книга имела большой успех главным образом потому, что он пытался дать в ней объективную картину советской жизни. Особый интерес зарубежного читателя вызвали главы, где Макдаффи описывает свои встречи с Н. С. Хрущевым.

В январе нынешнего года Макдаффи снова прибыл в Москву по поручению ряда американских фирм.

— Я вел переговоры с «Интуристом»,— говорит он, —переговоры о взаимных поездках туристских групп из США в СССР и из СССР в США. Руководители «Интуриста» сделали все, чтобы эти переговоры успешно завершились, и уже весной нынешнего года первая группа американских туристов приедет в СССР.

— А как обстоит дело с поездками советских туристов в США?

— Здесь дело сложнее,— отвечает Макдаффи.

Мы говорим об американских законах, затрудняющих обмен делегациями и туристами.

— Я лично ничего не вижу плохого,— продолжает Макдаффи,— если в нашей стране берут отпечатки с пальцев, но если так много людей выступает против этого, и не только у вас, но и у нас, в США, то, очевидно, это препятствие лучше ликвидировать.

Маршал Макдаффи был огорчен, когда услышал о последних новостях из Нью-Йорка. Он был в дороге и не читал газет. Представьте себе его состояние в этот момент: он прибыл в Москву с поручением крупнейшей туристской фирмы США и вдруг узнает, что Национальный Совет Безопасности получил от высокопоставленных правительственных, официальных, лиц, в том числе от заместителя государственного секретаря Гувера, рекомендацию фактически прекратить дальнейший обмен делегациями с СССР.

Многие американские газеты теперь пишут о железном занавесе, которым ограждают себя США. Но Маршал Макдаффи надеется, что «все будет хорошо». Он говорит, что огромное количество американских граждан хотело бы своими глазами увидеть Советский Союз (Макдаффи называет цифру: 15 процентов американцев), и с этим нельзя не считаться. Несколько недель, проведенных в Москве, заставили нашего собеседника на многие вещи смотреть по-новому. Нью-Йорк хотел бы познакомиться с Большим театром, и Макдаффи, зондировавший на этот счет почву в Министерстве культуры СССР, верит, что рано или поздно Большой театр прибудет в США.

О чем бы Макдаффи ни вел переговоры в Москве, он встречал, как он сам говорит, «дружеское понимание»: советские люди идут навстречу любой инициативе, если она служит делу мира. Президент компании международных торговых выставок Готтфрид Нейбургер из Нью-Йорк-сити предложил устроить в Москве выставку американских сельскохозяйственных машин и продуктов. Макдаффи сообщил об этом председателю Всесоюзной торговой палаты М. В. Нестерову, и тот выразил согласие устроить такую выставку. Сразу же было найдено для нее место — ЦПКиО имени Горького. И в этом случае дело за американцами. После возвращения Макдаффи в США будет решаться вопрос о времени открытия выставки—летом 1956 года или в будущем году.

— Мне многое нравится в Советском Союзе, — говорит Макдаффи.— Больше всего люди. Между советским и американским народами много общего. Вы так же общительны, энергичны и решительны, как и мы. У вас, как и у нас, есть огромные потенциальные силы.

К. НЕПОМНЯЩИЙ

Маршал Макдаффи.

КОРАБЛИ-АТОМОХОДЫ

БЕСЕДА С ЧЛЕНОМ-КОРРЕСПОНДЕНТОМ АКАДЕМИИ НАУК СССР В. В. ЗВОНКОВЫМ

Проектом Директив XX съезда КПСС по шестому пятилетнему плану предусмотрено широкое использование атомной энергии в мирных целях. В частности, намечается постройка ледокола с атомным двигателем.

Расчеты, произведенные в Институте комплексных транспортных проблем Академии наук СССР, показали, что уже сейчас возможно создание судов нового типа, так называемых атомоходов. Они будут значительно экономичнее не только современных пароходов и теплоходов, но также и газотурбоходов. Дальнейшее развитие Северного морского пути в шестой пятилетке предъявляет серьезные требования прежде всего к флоту. Чтобы беспрепятственно плавать по арктическим морям, нужны суда, обладающие высокой ледопроходимостью. А это зависит как от особенностей судовых корпусов, так и от энергетической вооруженности.

В свое время, создавая первый в мире линейный ледокол, адмирал С. О. Макаров снабдил «Ермак» паровыми машинами общей мощностью 10 тысяч лошадиных сил при водоизмещении корабля около 9 тысяч тонн. Десятки кочегаров трудились у топок «Ермака». Количество угля, которое принимал ледокол в свои бункера, исчислялось тысячами тонн, и все-таки его не хватало кораблю на время экспедиционного плавания. За период арктической навигации «Ермак» и однотипные современные паровые ледоколы вынуждены по нескольку раз пополнять запасы топлива. Это приводит к потере времени на заходы в порты и связано с вызовами в море специальных судов-угольщиков.

Новейшие дизельэлектрические ледоколы, работающие на жидком горючем, хотя и располагают бо́льшим запасом топлива, но тоже требуют дополнительных бункеровок в рейсах. Для завоза жидкого горючего на Крайний Север или в моря Антарктики необходимы специальные нефтеналивные суда. Емкость бункеров на транспортных судах, работающих на твердом или жидком топливе, достигает 30 процентов от полезной грузоподъемности судна.

Атомоходы смогут обходиться ничтожно малыми количествами ядерного «горючего». Расход ядерного «горючего» атомным двигателем порядка 15 тысяч лошадиных сил— 55 граммов в сутки, а теплоход такой же мощности сжигает в сутки 85 тонн жидкого топлива. Судовой атомный двигатель, будет примерно на 20 процентов легче, нежели турбинный двигатель. А площадь, занимаемая атомной установкой на судне, не превысит площади обычных судовых машин, находящихся сейчас в эксплуатации.

Провозная способность атомоходов в сравнении с пароходами и теплоходами увеличится примерно на 15 процентов. Численность обслуживающего персонала на таких судах будет значительно меньшей, и производительность труда моряков возрастет, таким образом, почти в полтора раза.

Преимущества атомоходов особенно наглядны в ледокольном флоте. Сокращение веса судна благодаря замене твердого и жидкого топлива ядерным «горючим» позволит повысить крепость корабельного корпуса, утяжелить его и, следовательно, усилить активность ледокола в борьбе со льдами.

Из практики мирового судостроения известно, что мощность и продолжительность плавания современных ледоколов лимитируются запасами топлива. Машины паровых ледоколов редко превышают 10 тысяч лошадиных сил, а наиболее крупные дизельэлектрические силовые установки на новейших ледоколах достигают самое большее 20—25 тысяч лошадиных сил. Для ледоколов же с атомными двигателями пределов мощности не существует. Значительно возрастают возможности непрерывной эксплуатации атомного ледокола. Приняв запас ядерного «горючего», такое судно сможет уходить в плавание на неограниченно долгий срок.

Огромные энергетические мощности атомных ледоколов в соединении с повышенной крепостью корпусов позволят им ходить с большей скоростью, плавать в гораздо более тяжелых ледовых условиях, чем до сих пор. Тем самым расширяются районы плавания и удлиняются сроки арктической навигации. Под проводкой атомного ледокола транспортный флот сможет плавать не только в прибрежных арктических морях, но и в высоких широтах среди паковых, многолетних, льдов. Наряду с транспортной работой ледокол-атомоход возможно использовать и для научных исследований в центре Ледовитого океана. Давняя мечта адмирала С. О. Макарова «К полюсу — напролом!» в нашу эпоху может стать явью.

Ядерный реактор ледокола-атомохода будет вырабатывать огромное количество энергии. Часть этой энергии может быть использована судовыми гидромониторами. Выбрасывая мощные струи воды, они разрушат окружающие ледяные поля.

Атомоходы будут обеспечены самой совершенной автоматикой управления и сигнализации, электронавигационными и радиолокационными приборами, гарантирующими безопасность плавания.

Резкое сокращение запасов топлива на атомоходах позволит создать наилучшие бытовые условия для моряков: просторные комфортабельные каюты, салоны, спортивные помещения, снабженные кондиционированным воздухом.

Отдыхать везде весело!

На невысокой горке среди молодых берез расположился дом отдыха Московского энергетического института имени В. М. Молотова — три розовых двухэтажных дома. Несмотря на сильные морозы, с раннего утра и до позднего вечера неутомимые лыжники прочесывают редкие леса и сверкающие на солнце заснеженные поля... Для Ли Лу-да — студентки электромеханического факультета энергетического института — лыжи немножко великоваты, но дипломник Анатолий Трутко убедил ее выбраться в экспедицию: нужно исследовать соседнее поле.

Не на всех счастливцев хватило лыж. Но Хэ Да-хой, заигравшись в пинг-понг, не очень огорчен... Он быстро «сделал подъем» заспавшемуся соседу Ярославу Плескоту и пригласил его пробежаться по морозу... Зазевавшаяся Эрна Иванова приняла снежную ванну... Теперь можно и на каток, на котором не успевают подправлять лед — так остро затачивают коньки скороходы.

Из разных концов мира собрались здесь московские студенты: Плескот из Праги, Ли Лу-да и Хэ Да-хой из Китая, Трутко из Шатуры, Иванова из Москвы, группа студентов из Кореи. Все они быстро познакомились, сдружились и чудесно отдыхают.

Если позади экзамены, зачеты и контрольные работы, а впереди десять дней, из которых каждый час, каждую минуту можно заполнить развлечениями, то не страшны ни холод, ни расстояния.

Выбор у студентов огромный. Можно поехать на время каникул в любой город (хватило бы времени на путешествие!), можно в дом отдыха, можно остаться в Москве — ходить по музеям и театрам.

Эрна Иванова и Хэ Да-хой.

Группа китайцев, студентов МГУ, выработала твердую программу, строго сочетав приятное с полезным. Днем — музей, вечером всей компанией — на каток. Наскоро проглатывая завтрак, обед или ужин, устраивают друг другу легкий экзамен: «Во что одета боярыня Морозова?», «Какие картины Левитана висят в Третьяковке?»

Без отдыха, видимо, остались одни спортсмены — в Кишинев выехали мужские и женские сборные команды волейболистов и бас-

Регулярная линия Одесса — Бомбей

Длинная нить протянулась по карте через моря, проливы, океан от Одессы до Бомбея. Это новая регулярная пароходная линия, связывающая Советский Союз и Индию. Решение о ее создании было принято во время пребывания в Индии товарищей Н. А. Булганина и Н. С. Хрущева.

Честь открытия линии выпала экипажу теплохода «Ставрополь» — одного из лучших черноморских судов. Многие моряки теплохода награждены вьетнамскими орденами за участие в перевозках, связанных с выполнением Женевских соглашений, касающихся Вьетнама.

Недавно это судно вернулось из Бирмы, доставив в Советский Союз дар Премьер-Министра У Ну — сотни тонн риса, а также кофе, чай и кустарные изделия искусных бирманских мастеров.

Днем и ночью прибывают в Одесский порт грузы для Индии. Они идут сюда со всех концов страны. Вот огромный портальный кран легко поднял с причала и перенес на судно тяжелый гусеничный трактор. Машина заняла место в обширном трюме рядом с самоходными комбайнами, культиваторами, сеялками.

«Ставрополь» отходит от причала, огибает маяк и уходит в первый рейс шестой пятилетки.

Е. ПЕЧЕНИК
Фото Ю. Владимирского.

Юбилей балетмейстера

Исполнилось пятьдесят лет со дня рождения и тридцать лет творческой деятельности народного артиста СССР Игоря Александровича Моисеева, выдающегося постановщика народного танца. Игорь Александрович занимался и классическим танцем, и все же главным его призванием и творческой страстью всегда был народный танец.

В 1937 году из лучших участников Первого Всесоюзного фестиваля народного танца Моисеев организует Ансамбль народного танца Союза ССР, которым руководит и поныне. Дальнейший творческий путь Моисеева — это творческий путь ансамбля. Сто пятьдесят танцев поставил Моисеев в руководимом им коллективе.

Хореографические сюиты, танцевальные картинки, целые тематические программы, дуэты, отдельные номера, жанровые сценки... В них Моисеев проявляет себя не только как балетмейстер, но и режиссер и даже драматург. В танцах ансамбля всегда интересный, четкий пластический рисунок, ясный и занимательный сюжет. Для каждого участника — будь их хоть двадцать — тридцать человек — намечен свой характер, своя индивидуальная, точно разработанная сценическая жизнь, свое место.

Ансамбль, ставший подлинной лабораторией народного танца, побывал во многих республиках Советского Союза, гастролировал за границей. И всюду этот коллектив восхищал зрителей своим жизнерадостным искусством. Изучая в поездках местный фольклор, Моисеев использовал его во все новых танцевальных картинках.

Немало помог Моисеев развитию искусства народного танца в других странах. Недаром на груди народного артиста СССР красуются ордена Польши, Болгарии, Румынии, Югославии, Монголии, Венгрии.

Сейчас И. А. Моисеев наряду с подготовкой новой программы ансамбля ставит балет А. Хачатуряна «Спартак» на сцене Государственного академического Большого театра.

М. МАРЬЯН

И. А. Моисеев.

Фото Е. Умнова.

Антарктические будни

Е. РЯБЧИКОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Рождение айсберга

Гигантские массы антарктического льда медленно сползают к океану. Постепенно они обламываются, и ледяные горы отправляются в бесконечное плавание. Совсем недавно, когда наш корабль «Обь» стоял вблизи шельфового ледника Шеклтона в бухте Депо, мы наблюдали рождение айсберга: длинный ледяной язык выдвинулся в море Дэвиса и держался на плаву. Внезапно налетела сильная буря. Она оторвала сползший в море язык, и он, став айсбергом — пловучей ледяной горой,— с величавой медлительностью ушел в плавание.

В первый солнечный день я полетел на вертолете, чтобы проследить за айсбергом. На фоне темного моря с белыми барашками волн рисовалась огромная гора, словно отлитая из серебра. Днем айсберг горел белым пламенем, а вечером казался золотым.

Шли дни, айсберг медленно отплывал прочь от ледника Шеклтона, уходил в ту сторону, где белели среди моря такие же ледяные гиганты. чувствуешь, как они горячи. А совсем рядом—бело-голубые ледники, мерцающие каким-то внутренним светом айсберги...

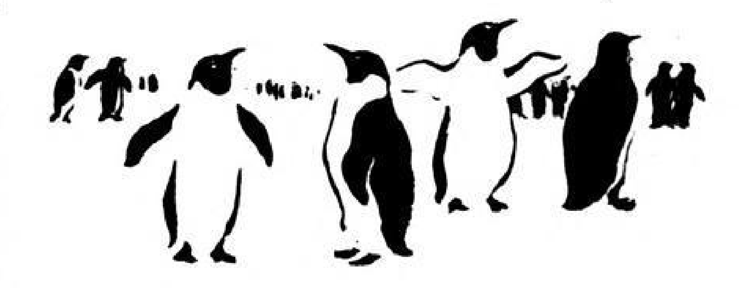
Голубые реки

В Антарктиде господствуют два цвета — белый и голубой: на фоне белых ледников и ледяных куполов плавающих айсбергов выделяются голубые трещины, срезы, карнизы, провалы, снежницы. Заглянешь в трещину — она вся голубая, полная сказочного света, переходящего в густую синеву; идешь по снегу — следы остаются голубыми; прогремит трактор, а за ним — голубая колея.

Недавно во время большого научного полета были обнаружены голубые реки, речки, озерца, заполнившие ледник Шеклтона. Удивительна картина голубых рек, несущих свои воды в океан поверх ледника в ледяных берегах.

Первые рыболовы

Только подошла «Обь» к месту, где строится сейчас Мирный, встала на ледовые якори, как научные работники Алексей Константинович Токарев и Алексей Николаевич Богоявленский захватили удочки и пошли удить рыбу. Рыболовы на льду Антарктиды! Это было столь необычным, что все моряки-полярники вышли посмотреть на рыбалку. Будет ли улов? Но вот вернулись рыбаки, и оказалось, что они поймали двадцать рыбок, похожих на бычков. Кроме того, рыболовы поймали вмерзшего в лед морского ежа. Рыб и ежа поместили в банки со спиртом — их повезут в Москву.



Заповедник Мирный

На архипелаге, расположенном рядом с Мирным, шумят птичьи базары — коричневые скалы усыпаны пингвинами, их тысячи. У подножия скал лежат сонные тюлени, пятнистые морские леопарды, иногда в зеленой бухте покажутся белые фонтаны китов. Это край непуганых птиц и животных.

В первый же день прибытия флагманского корабля был обнародован приказ, по которому все острова, включая остров Огонек, объявлены заповедником, причем вход туда разрешается только руководством экспедиции.

На территории заповедника на камнях мирно гуляют тысячи пингвинов со своими детенышами, есть пляжи пингвинов, даже своеобразные спортивные городки — пингвины учатся нырять в воду, выпрыгивать из нее, скатываться с горки на своем белом, сверкающем, как фаянс, брюшке, бегать по скалам. На острове Огонек, как и на других островах, так жарко от нестерпимо сверкающего солнца, что невольно снимаешь пиджак. Солнце жжет, темная масса камней нагревается. Дотронувшись до камней,

кетболистов МГУ. Торжественная встреча на вокзале, а вечером — первый матч со студентами Кишиневского университета.

Кишиневские студенты поехали в Ленинград и Москву знакомиться с историческими памятниками, музеями, театрами, а туристы всех городов — в поход по родному краю.

Десятки поездов ежедневно приходят и отходят из столицы. И нынче главные пассажиры — студенты.

Светлана Кучерявенко увезла свою подружку болгарку Риту Душкову — обе они студентки филологического факультета МГУ — к себе на Украину, в город Хмельницкий.

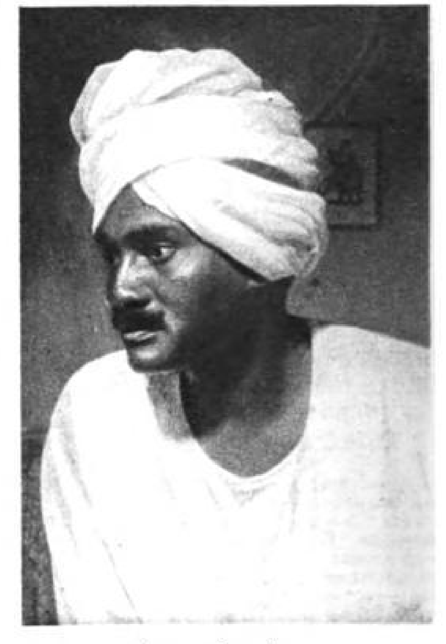
Конечно, они бы не соскучились и в Москве. На Ленинских горах каждый день концерт, бал, то встреча с гостями-киевлянами, то вечер студентов-корейцев. Но отдыхать везде весело!

Т. ТРОИЦКАЯ
Фото С. Фридлянда.

Лыжная прогулка. На первом плане: Анатолий Трутко и Ли Лу-да.

ТРИ ПОКОЛЕНИЯ СУДАНСКОЙ СЕМЬИ

П. КРАВЧЕНКО



Ахмед Сулийман.

Первого января нынешнего года в Хартуме — столице только что образовавшегося суданского государства — был торжественно поднят трехцветный флаг независимой Суданской республики. На карте мира исчезла еще одна колония...

Несколько месяцев назад на Варшавском фестивале я услышал историю трех поколений одной суданской семьи, историю борьбы против колониализма.

В комнате сидел высокий черноусый человек в белом бурнусе и белой чалме. Лицо его было спокойно, и только в глубоких глазах под сросшимися бровями иногда поблескивали искорки. Он был обут в туфли на подошве из слоновой кожи. Имя его — Ахмед Сулийман.

— Я родился в день смерти Ленина, сейчас мне тридцать один год и семь месяцев. История моей семьи — это, вероятно, довольно поучительная история...

Вы знаете, как суданцы на юге охотятся на огромную змею асала? У нее хорошая шкура для женских сумок, туфель, украшений. Суданец ложится у змеиного логова, широко расставив ноги. Одну голую ногу, смазанную верблюжьим жиром, он протягивает к самой норе и ждет. Асала выползает и прикасается головой к ноге. Если бы нога двинулась, асала обвилась бы вокруг человека и задушила его перед тем, как начать заглатывать. Но охотник лежит неподвижно. Асала начинает заглатывать ногу, и, когда добирается уже выше колена, охотник садится, снимает нож, прикрепленный у левого плеча, и, сунув его в пасть змеи, распарывает ей голову и начало туловища вдоль своей ноги, как чулок...

Теперь я расскажу о своей семье. Мой дед был самым крупным работорговцем Судана. У него было много денег и много оружия. Страной управляли ставленники англичан. Против их диктатуры в 1881 году поднялось восстание суданцев. Неожиданно для всех дед мой присоединился к восстанию. В 1885 году губернатору Судана Гордону восставшие отрубили голову. В боях погиб и мой дед-работорговец. Родственники были довольны, потому что верили, будто человек, погибший в бою, попадает прямо на небо.

Через четырнадцать лет англичане снова покорили Судан. Мои родители, спасаясь от репрессий, бежали в деревню. Колонизаторам нужна была поддержка внутри страны, они пообещали: кто из бежавших вернется в город, получит службу и не будет наказан. Родители вернулись, служили у англичан, но это были ненадежные слуги: они участвовали в подготовке всех восстаний против английского господства, а восстаний было много.

Началась торговая связь с Египтом. Суданцы стали подумывать о том, чтобы покрепче связаться с египтянами и общими силами изгнать империалистов из долины Нила. Англичане стали ссорить нас с египтянами: «Если они придут, отнимут у вас землю. Вспомните, и в древние времена они всегда вели против вас войны». Колонизаторы давали поблажки суданским торговцам, нескольких юношей направили учиться в английские колледжи, открыли для суданских детей английские школы. Одну такую среднюю школу в Хартуме окончил и я. Потом там же поступил в колледж, но в 1945 году меня выбросили оттуда. Почему?

Видите ли, после войны во всех колониях усилилось движение за национальную независимость. Мы, студенты, читали не только те книги, которые нам рекомендовали. Многие из нас занялись марксистской литературой, доставали книги о Советском Союзе. В 1945 году мы вместе с рабочими организовали в Хартуме большую демонстрацию. Нас было пятьдесят тысяч, мы спокойно шли по улицам и говорили англичанам: «Почитайте хотя бы Атлантическую хартию. Мы хотим своего собственного правительства, хотим видеть свою страну независимой...». Полиция молчала, потому что нас было очень много. А на следующий день меня и еще девятнадцать моих товарищей выбросили из колледжа.

Мы тогда еще серьезнее принялись за изучение марксизма. А потом — надо же было где-то получить образование — мы перебрались в Египет.

Властям короля Фарука было выгодно, чтобы в Египте учились студенты из Судана. Нам предоставили помещение, питание и дали по пяти египетских фунтов на каждого. Мы, конечно, были благодарны за это, но глаза у нас оставались открытыми. Мы видели, как плохо живет народ Египта под управлением короля Фарука. Мы дружили с рабочими, и нас хорошо знали в предместьях. Рабочие бастовали и устраивали демонстрации...

Теперь я вам расскажу, что такое слоновый бич. Это метровый ремень из слоновой кожи. Скрученный, он весь может уместиться в мужском кулаке. Но если сильно взмахнуть рукой и один конец бича выпустить, то ремень нанесет очень сильный удар. Изготовлять это простое орудие и владеть им могут, по-моему, только суданцы. Рабочие приходили к нам, они просили нас выходить вместе с ними на демонстрацию и становиться с правого фланга, против королевской полиции. Мы выходили, зажав в кулаках свои ремни. Полицейские короля Фарука знали, что удар будет очень болезнен, ежились и воздерживались от провокаций.

И хотя мы никогда не употребляли своих ремней без надобности, обычно после демонстрации нас на некоторое время сажали в тюрьму. Потом выпускали, и мы снова продолжали учиться, хотя, конечно, и стипендии и питания нас сразу же лишили. Но здесь нас поддерживали наши египетские друзья... Если подсчитать, то получится, что я просидел в королевской тюрьме в общем месяцев восемнадцать.

Таким образом я получил высшее образование, и в 1952 году вернулся в Судан. Я был юристом, и хотя юристов в стране не хватало, английские власти не разрешили мне иметь практику. Целый год я был без работы, но за это время укрепил связи с трудовыми людьми Хартума и его окрестностей. Все мои новые друзья были согласны со мной, что стране нашей необходимо сбросить с себя колониальное господство, и мы предприняли кое-какие шаги в этом направлении.

Год спустя в Хартум из Египта вернулась еще большая партия выпускников колледжа. Власти спохватились: с их точки зрения, все-таки лучше было дать нам работу, чем оставлять наедине с рабочими, с народом.

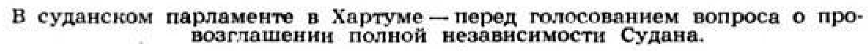
В частном разговоре мне предложили стать прокурором. Этим наивным людям я ответил, что прокурором я при этом режиме стать не могу, но что недалеко уже то время, когда страна наша освободится от иностранной зависимости и от капиталистического гнета. Вот тогда я, действительно, стану прокурором.

Я стал адвокатом, и после того, как отказался защищать в суде некоторых крупных денежных воротил, ко мне пошел простой народ. У меня сейчас большая практика, и, хотя она дает мне совсем мало дохода, я горжусь доверием тех людей, которые обращаются ко мне. Однажды я услышал, как пожилой хартумский рабочий сказал приезжему крестьянину:

— У тебя нет денег? Иди к этому вот усатому. Дело верное, он выручит тебя и без денег. Он наш.

Эти слова были для меня лучшим вознаграждением за мой труд.

Я хочу вам еще рассказать немного о своем народе. Знаете, как суданцы промышляют крупных крокодилов? Безоружный суданец идет к крокодилу, дает ему ударить себя хвостом, дает схватить себя и утащить в реку. И только в реке, где для лап животного нет точки опоры, охотник с силой бьет крокодила пальцами в глаза. Огромное чудовище сразу разжимает пасть, начинает от страшной боли биться в воде, и здесь на помощь охотнику подплывают на лодке товарищи, опутывают крокодила, вытягивают его на берег и там топорами разрубают на части. Как вы думаете, эти смелые люди долго смогут терпеть, что кто-то преспокойно отбирает плоды их труда, оставляя их в нищете? Сегодняшние суданцы — смелый и гордый народ. Я дружил с египетскими рабочими. Я знаю среди англичан много хороших людей. Мы не питаем неприязни ни к одному народу, мы хотим жить со всеми на равной ноге и в дружбе, жить так, чтобы не было больше ни колониальных народов, ни колонизаторов.



В суданском парламенте в Хартуме — перед голосованием вопроса о провозглашении полной независимости Судана.

Завод «Красное Сормово» имени А. А. Жданова. Один из лучших производственников мартеновского цеха, сталевар Владимир Иванович Карасев обучает своего подручного, выпускника школы ФЗО Виталия Кащеева.

Фото Б. Кузьмина.

Орско-Халиловский металлургический комбинат. Рудный двор. Фото М. Савина.

Читатель заполнил листок, и старший библиотекарь Я. А. Мартынова достает с полки нужную кассету с патентами.

Фото Г. Санько.

БИБЛИОТЕКА ИЗОБРЕТЕНИЙ

Что ново и что не ново «под луной»? Чтобы разрешить такой далеко не схоластический вопрос, приходят посетители сюда, в читальный зал Всесоюзной патентно-технической библиотеки.

«Существенная новизна» — вот что, по советскому законодательству, требуется от каждого изобретения. Проверить, имеется ли такая «новизна» и «существенна» ли она, узнать, не «открыл ли Америку» тот, кто подал заявку на изобретение, не предлагает ли он давным-давно придуманное,— это становится возможным благодаря обширным фондам библиотеки.

В этих фондах миллионы патентов, «привилегий», авторских свидетельств, выданных на изобретения во всех областях техники. Здесь описание всего, что изобретено в нашей стране начиная с 1814 года, когда была выдана первая русская привилегия на «машину для удобнейшего взвода судов с большим грузом против течения рек». Здесь и миллионы иностранных патентов. Золотой фонд мировой техники!

По-разному пользуются этим фондом две основные категории читателей.

Одна категория — завсегдатаи библиотеки. Они ходят сюда, как на службу, регулярно. В специальной комнате, которая именуется «портфельной», у каждого в определенной ячейке лежит папка или портфель. У этих читателей постоянные пропуски в библиотеку, они работают в читальном зале, сняв пиджаки, надев конторские нарукавники. Это эксперты министерств. Получив заявку изобретателя, они проверяют, нет ли чего-нибудь подобного среди миллионов патентов библиотеки.

Конечно, эксперту не приходится проверять подряд миллионы патентов: они классифицированы по различным отраслям техники. Заявка изобретателя может содержать и проект межпланетного ракетоплана, и чертеж «комбайна для уборки комнат», предложение, как лучше использовать энергию подземной теплоты, и аппарат для исправления косноязычия. Однако по принятой в СССР системе классификации 91 класс охватывает все великое множество новостей техники, все миллионы изобретений, которые сделаны и могут быть сделаны в ближайшие годы.

Классы эти иногда очень обширны: класс 5, например, включает все горное дело, класс 21 — всю электротехнику. Но есть классы и «поскромнее»: класс 41 отведен «изготовлению шляп и войлока», класс 72 — канатному производству. Классы делятся на подклассы, группы и подгруппы. Определив по толстому тому классификатора, к какой подгруппе относится заявка изобретателя, эксперт выписывает из фонда библиотеки все выданные ранее по этой теме патенты. Иногда ему приносят одну кассету — тоненькую папочку патентов, иногда — несколько толстых фолиантов. И начинается сличение старых и вновь заявленных документов: чертежей, описаний, расчетов — экспертиза на новизну.

Эксперт Министерства промышленности продовольственных товаров СССР А. С. Астафьев, которого мы застаем в библиотеке, уже не один год занимается такой проверкой «новизны». Инженер с 30-летним стажем, он ведет курс «Детали машин» в Институте пищевой промышленности. И все же при всей опытности ему не удается за день проверить больше одной — двух заявок. Особенно много времени отнимает знакомство с иностранными патентами. Сначала читаешь чертежи, они не требуют перевода. Но если нужно вникнуть в описание, идешь к переводчику библиотеки: она знает пять языков. Или сам работаешь со словарем.

А. С. Астафьев говорит о своей работе увлеченно, но в конце беседы смущенно добавляет:

— Может быть, не стоит писать в журнале, что я занимаюсь экспертизой? У нас, знаете, не очень уважительно относятся к этой профессии. Ведем мы экспертизу сверхурочно, нештатно, нас чуть ли не кустарями-одиночками считают, этакими «стряпчими» по патентным делам. Забывают, что великий Эйнштейн начинал с работы в патентном бюро. Не понимают, сколько знаний дают часы, проведенные в такой библиотеке...

Мы знакомимся со второй категорией читателей — изобретателями, научными сотрудниками заводских лабораторий, исследовательских институтов. Их сравнительно немного. Невиданное дело для наших многочисленных читален, где иной раз и в очереди постоишь, пока дождешься «места под лампой»: здесь редко когда пятьдесят кресел небольшого зала бывают заняты. Отчего?

— Не знают московские и иногородние технические кадры о богатствах библиотеки. Да и доступ к ним затруднен: каждый раз, чтобы попасть в читальню, нужно принести «бумажку»,— объясняет читатель — изобретатель С. И. Суржин.

Сам он регулярно посещает библиотеку. Как же иначе? Проведешь в ней день — и сразу ознакомишься со всем, что делается в близкой тебе области техники. Задумаешь что-нибудь новое — прежде всего надо узнать, что сделали в этом направлении твои предшественники.

Те, кто пренебрегает этим правилом, частенько изобретают изобретенное. В четырех случаях из пяти эксперты, ознакомившись с патентным фондом библиотеки, отвечают изобретателю: «Это уже известно». Миллионы рублей затрачиваются напрасно из-за незнания патентных фондов. Вот, например, Украинский научно-исследовательский институт механизации сельского хозяйства длительное время работал над созданием кукурузоуборочной машины — «початко-обламывающего аппарата». В 1954 году работы эти, на которые ушло немало средств и сил, были опубликованы. Институт сообщил о своей «победе». А проверка показала, что в фондах библиотеки с 1930 года находится авторское свидетельство на такую же машину. Другой пример. Дано задание: сконструировать универсальное горлышко для бутылок. Между тем чертежи и описание весьма удачного решения такого горлышка лежат в библиотеке... с конца прошлого столетия.

После июльского Пленума ЦК КПСС некоторые министерства обязали свои институты и лаборатории при разработке новой техники знакомиться с государственным патентным фондом. И вот уже извлечены из этого фонда и берутся на техническое вооружение механизмы для вибробурения, для непрерывного литья проволоки, для других отраслей техники.

Во многом виновата сама библиотека. До войны пропаганда сокровищ патентного фонда была поставлена лучше: публиковались описания его разделов, рассылались обзоры наиболее значительных отечественных и зарубежных изобретений. Каждый изобретатель мог войти в библиотеку без «бумажки». Но и довоенный уровень пропаганды патентных фондов сейчас недостаточен.

Фонд патентной библиотеки непрерывно растет. Рядом с ней, в том же здании Политехнического музея, — патентный отдел, где выдаются авторские свидетельства изобретателям. Сегодня в книгу Государственного реестра изобретений внесены 43 новые записи. В этом списке и картофелеуборочная машина, изобретенная строителем МГУ А. И. Беляниным, и новый способ электродуговой сварки стали, предложенный А. И. Зеленовым из Ростова-на-Дону, и заводной механизм для игрушки — изобретение загорцев С. И. Казакова и Г. М. Тронина.

В кабинете начальника патентного отдела И. К. Карасева мы застаем трех изобретателей. К. Ф. Землянников получает почетное свидетельство не впервые: у него около четырех десятков изобретений. На этот раз вместе со своими соавторами, В. В. Ануфриевым и К. М. Вечкановым, он разработал на московском мясокомбинате новый способ посола шкур и мяса, в десятки раз более ускоренный, чем прежний. Второй посетитель патентного отдела — В. Г. Эпштейн — приехал из Ярославля. В соавторстве с инженерами ярославского шинного завода А. И. Бахаревым, М. А. Поляком, Б. Н. Холодковским он предложил способ получения вещества, которое во много раз ускоряет процесс вулканизации резины. Новый ускоритель применен на заводе и уже принес миллионную экономию. Изобретение третьего посетителя — инженера карандашной фабрики имени Красина В. И. Ерофеева — более скромно: вместе с инженером И. Д. Деминым он сконструировал машину для испытания прочности графитных стержней.

Авторские свидетельства вручены изобретателям, а брошюры с подробным описанием изобретений поставлены на полки патентной библиотеки. Заканчивается каждое такое описание итоговым абзацем, который называется «формула изобретения». По традиции, как ни сложен предмет изобретения, он должен быть описан с помощью одной фразы. И фраза эта непременно включает слова: «отличающийся тем, что с целью...» Без этих слов не обойтись: каждое подлинное изобретение имеет какую-то практическую цель, каждое изобретение вырастает не на «голом месте»: оно только развивает дальше то, что было достигнуто прежде, чем-то отличается от ранее придуманного.

Чтобы больше было в нашей стране изобретений, применено больше новых машин, новых систем, новаторских способов работы, «отличающихся тем, что с целью...»,— нужно, чтобы многочисленные технические кадры страны были знакомы с уже предложенными изобретениями, с сокровищами мировой технической мысли, хранящимися в десятках тысяч кассет патентной библиотеки.

И. АГРАНОВСКИЙ

ИСТОРИЯ СЕРОГО КАМНЯ

В. СОЛОУХИН

Фото Б. Кузьмина.

Смотришь на карту страны, покрытую то яркой зеленью лесов да пойм, то желтизной пустынь, и обязательно зацепишься взглядом за черный и как бы даже тяжелый кирпичик, рядом с которым написано мелкими буквами: «Коунрадский». Близ кирпичика легкая голубизна озера Балхаш, а вокруг — подпалины пустыни. И озеро и пустыня отчетливо вставали в воображении, потому что у всех пустынь и у всех озер есть много общего. Помогали этому и книги, где говорилось, что северное побережье Балхаша представляет пустынную каменистую равнину с однообразными мелкими сопками и солончаками, что растет там редкая жесткая травка типчак да мелкий кустарник карагач. Но что скрывается за черным кирпичиком?

Передо мной на белом листе бумаги лежат рядом два предмета: остроограненный серый камень, припудренный белой пылью, и тонкий розовый листик металла. Именно розовый, как лепестки цветов олеандра, но только с искоркой по поверхности, как бы схваченный легкой изморозью.

Розовый листик металла произошел из серого камня. На столе их разделяет расстояние в ладонь, а на самом деле...

Коунрад будет жить

Парторга Ахата Сулеймановича Розитова не поражала панорама карьера по той простой причине, что он к ней привык. А между тем, пожалуй, не найдется человека, который вновь не поразился бы вдруг открывающейся картиной. Все дело в неожиданности. Были случаи, когда иные приезжие спрашивали, где же рудник, находясь в каких-нибудь ста шагах от него. А ведь Коунрадский рудник не иголка. Между тем его действительно не видно даже из поселка Коунрад-Первый. Километрах в двух тянется высокая гряда сопок, и поначалу думается, что рудник где-нибудь за сопками, а уж никак не ближе них. Только когда подойдешь к вагончику диспетчерской, все становится ясным. Видавший виды зеленый вагон, лишенный колес и всего, что удобно для переезда в нем с места на место, стоит на краю земли. Стена его на каких-нибудь полтора метра не доходит до этого края. Дальше вертикальным каменным обрывом начинается бездна. Она пролегла от вагончика до дальних сопок. Огромную каменную чашу можно было бы сравнить с кратером вулкана, но что толку сравнивать невиданное с невиданным. Склоны карьера уходят вниз все более суживающимися кольцевыми ступенями. Высота каждого уступа — пятнадцать метров.

И там и сям на дне карьера виднеются игрушечные экскаваторики, копошащиеся возле игрушечных же вагончиков. Во множестве торчат черные вертикальные башенки бурильных станков. Шум от машин почти не доносится сюда, на землю. Поезда бойко снуют взад-вперед и по дну и по ступеням карьера.

Людей в карьере совсем не видно, только иногда разыщешь взглядом две — три крохотные фигурки у какой-либо машины. До коунрадской руды не дотрагивается рука человека. Ее добывают не в душном и мрачном подземелье, а под открытым небом.

Бурильные станки проделывают скважины — колодцы — шириной чуть поуже обыкновенного ведра. В скважины насыпается желтый порошок. Взрыв. Другой. И вместо цельной скалы — груды камней. Экскаватор поддевает камни и высыпает их в вагоны. Каждые двадцать — тридцать минут из карьера уходит груженый состав. Коунрадская медь — самая дешевая в Советском Союзе.

По-разному совершаются геологические открытия. Бывает и так. Увидел крестьянин, что лужа в степи вроде как бы керосином подернута — с чего бы это? Рассказал о диве людям, и, когда пришли ученые, оказалось, что под степью нефть. Огромные карагандинские угли помог отыскать сурок: это он вместе с землей натаскал из норки мелких черных камешков. Коунрадскую медь выдали вода и воздух: руда, соприкасаясь с ними, становится то яркозеленой, то густофиолетовой, как засохшие чернила. Это малахит, азурит, хризоколла. Ведь многим невдомек, что малахитовые шкатулки — это шкатулки из медной руды.

Зеленые и синие камни веками резко выделялись на коричневом фоне пустыни Бет-Пак-Дала.

В 1927 году советские разведчики появились на сопках Прибалхашья. Привел геологов Михаил Петрович Русаков, ныне член-корреспондент Казахской Академии наук. Земля вокруг была усыпана то мелким камнем, то измельченным песчаником, похожим на неободранную гречневую крупу.

Днем и ночью грызли нутро пустыни стальные буры. Медь,

медь и медь была в образцах глубинных пород. С тех пор и появился на картах черный прямоугольник. Вскоре тут же картографы стали рисовать два кружочка. Надписи поясняли, что кружочек повыше — поселок Коунрадский, а кружок пониже — город Балхаш. Еще позже появилась линия железной дороги.

Шли годы, и вот на месте сопок раскинулась бездна. Еще бы, двести миллионов тонн руды и породы вывезено отсюда!

Парторга Ахата Сулеймановича не поражала панорама карьера. Его волновало другое: судьба рудника, обреченного на затухание. Да, Коунрадский рудник затухал, и ничего с этим нельзя было поделать. Еще десяток лет, и перестанут грохотать взрывы, затихнут бурильные станки, выползут наверх пропыленные, усталые экскаваторы. Поселок начнет редеть, ибо люди разъедутся, и снова пустынная тишина воцарится над Коунрадом. Обо всем этом сухими цифрами было записано в проекте рудника.

Затухание рудника волновало не одного только парторга. Об этом думали все, начиная с директора и главного инженера и кончая рядовыми экскаваторщиками, дежурными железнодорожных постов, бурильщиками, взрывниками. Не было человека, который, заглядывая в свое личное будущее и строя свои личные планы, не учитывал бы в них затухания рудника. Это было хуже всего. Люди старались не обживаться здесь, не обрастать хозяйством, заранее думали, куда переехать, где жить дальше. Такое состояние, в свою очередь, не могло не отразиться на работе: рудник систематически не выполнял плана.

Парторг Розитов волновался за судьбу Коунрада наравне со всеми, но он больше других отвечал за моральное состояние рабочих. Он горячо поддержал оброненную кем-то мысль: да верен ли старый проект рудника? Ведь геологи так и не нашли дна. Считается по проекту, что руда залегает до глубины 220 метров. А может, глубже?

Решительный разговор состоялся в кабинете директора рудника Николая Николаевича Першакова. Участвовали в нем парторг, главный инженер Николай Петрович Скворчевский и главный геолог Петр Васильевич Зенькин.

— Мысль верная,— говорил директор. — Но она требует проверки. Необходимо, чтобы геологи возобновили разведку в Коунраде.

— Но для этого нужно решение правительства...

— Будем просить.

— А знаете что? — вступил в разговор парторг. — Не начать ли нам самим? Станок у нас есть, штанги и буры тоже. Почему бы не попробовать?

— А вы знаете, что потребуется пробурить десятки и десятки скважин? — возразил главный геолог.— В общей сложности десятки километров грунта придется пробить.

— Да не будем мы делать обстоятельную разведку! Просто начнем бурить в одном месте и посмотрим, что там, глубже двухсот двадцати метров, руда или пустая порода. А вдруг руда?

Бурильщики Азаренко и Ташкин получили необыкновенное задание: вместо рабочих скважин по пятнадцати метров глубиной им было приказано бурить и бурить в одном месте как можно глубже. И они бурили. На четыре метра в сутки углублялась сталь в твердые породы. Эта скорость никак не сочеталась с общим нетерпением. К Азаренко и Ташкину то и дело подходили люди, придирчиво расспрашивали, сами разглядывали образцы пород. Роковую отметку — «220 метров» — прошли ночью, когда вокруг никого не было. Бур врезался теперь в еще не изведанные здесь глубины.

А состав породы между тем оставался прежним. Уже достигли глубины триста метров, но и там была руда...

...По шатким деревянным лестницам, укрепленным на тросах, мы стали спускаться с уступа на уступ. На каждом уступе когда-то кипела жизнь, долбили камень бурильщики, поджигали фитили взрывники, водили поезда машинисты. Теперь жизнь ушла глубже.

Идти приходилось по острым каменьям, серым, невзрачным, как бы обсыпанным мукой. Вдруг мне попался камешек с мелкими золотистыми блестками. Я жадно схватил его: так вот она какая, медная руда! Ахат Сулейманович засмеялся.

— Это пирит, соединение серы и железа. А руда — вот она.— И парторг повел рукой, показывая на серые камни, по которым мы шли.— Это все руда.

— Но в камнях нет ни блесточки, как же так?

— Не все то золото, что блестит. Пылинки меди рассеяны в камне невидимо для глаза. Ее в этой руде не более одного процента. Только окисляясь, медь выдает себя. Камни становятся зелеными, фиолетовыми...

В это время мы проходили мимо группы рабочих. Вставив прямо в землю большую жестяную воронку, они из коричневых бумажных мешков деловито сыпали туда желтый порошок. На мешках стояла лаконичная надпись: «Аммонит».

— И много засыпается этого порошка? — полюбопытствовал я.

— По четыреста килограммов в скважину. Сейчас, например, мы заряжаем сразу двадцать скважин, так что считайте.

— Интересно посмотреть...

— Через часик посмотрите.

Спускаясь все ниже и ниже, мы достигли наконец дна карьера. Здесь были забои. Вот хобот экскаватора опустился, и тупые, округлые зубья ковша, исцарапанного, высветленного до блеска, начинают поддевать рудные камни. Один крупный камень совсем уж попал в ковш, но вывалился, и тут в машине проявился характер человека, управляющего ею. Ковш, вместо того чтобы двигаться дальше, вернулся назад и снова поддел крупный камень, а тот снова сполз на сторону. Тогда ковш резко, в третий раз, как бы осерчав, долбанул грунт, и непослушный кусок скалы, торжественно проплыв по кривой, рухнул в гондолу поезда.

— Мансур Сундепов работает,— сказал парторг. — Не может спокойно: горяч.

Между тем приближалось время взрыва. Мы его наблюдали сверху. На дне карьера беспокойно заметались свистки. Группы людей гуськом уходили в разные стороны от заряженных скважин. И вот дрогнула, как бы передвинувшись немного, земля, и внизу, среди серых скал, родилось белое облачко. Секунды через две больно и гулко ударило в уши. Облачко начало расти, расплываясь и заполняя котлован, как будто наливали в него разбавленное молоко. Вскоре белая пыль наполнила карьер до краев.

Около управления рудника мы прощались с парторгом.

— Ну как, имеете представление о Коунрадском руднике?

— Теперь имею. Видел.

— Забыл я вам сказать, что получены данные от геологов. Не двести двадцать метров глубина руды, а пятьсот, и дна пока еще нет. Так что поживет Коунрад, послужит отечеству.

«Жуем помаленьку»

Высокий, сутуловатый, с проседью в темных и густых еще волосах, одетый в потертое кожаное пальто желтого цвета, инженер Сафрай выглядел сегодня старше своих лет. Впрочем, когда идет пятый десяток, нелегко все время выглядеть бодро и весело.

— Устали? — спросил директор.

— Мое самочувствие — дело десятое. Я вас слушаю.

— Ну что же, тогда давайте прямо. Вы знаете о том, что Балхашский завод со дня его пуска ни разу не выполнил годового плана? Анализ работы завода показал, что узким местом в технологической цепи является дробильный цех. Это челюсти, это, так сказать, жевательный аппарат нашего завода. Ну, сами понимаете, зубы не нажуют — и животу делать нечего. В дробильном цехе отсутствует элементарная дисциплина. Это не цех, а проходной двор. Аварии там почти ежедневны. Все захламлено. Люди прогуливают, а то и пьянствуют. Сама дробилка простаивает сутками. А вы, должно быть, знаете, сколько стоит одна минута простоя дробилки?

— Тысячу рублей.

— Вот, вот. Каждая минута — тысяча рублей. А тут сутки, много суток. Одним словом, завод должен войти в план, и зависит это в первую очередь от работы дробильного цеха.

— Да, вы правы. И что же?

— Есть решение назначить вас начальником этого цеха. Вы согласны?..

Такой или примерно такой разговор происходил в кабинете директора Балхашского медеплавильного завода в 1954 году. Разговоры забываются, а факты остаются. Они состоят в том, что в 1954 году Владимир Аркадьевич Сафрай был действительно назначен начальником дробильного цеха, а в 1955 году Балхашский завод впервые начал выполнять план.

Задумав пройти по всей технологической цепочке, то есть проследить от начала до конца, как из серого, невзрачного камня получается чистейшая розовая медь, вы неизбежно столкнетесь с этим человеком, ибо именно к нему, в его цех приходят составы с коунрадской рудой.

Когда мы подошли к главной дробилке, Сафрай сказал:

— Вот, жуем помаленьку.

Что получится, если шесть тысяч пудов крупных острогранных камней сразу высыпать в железный ящик? Оказывается, землетрясения не будет и стены у цеха не обвалятся. Путешествуя по цепочке, от коунрадского рудника до последнего цеха медеплавильного завода, так привыкаешь к огромному оборудованию и к большим цифрам, что перестаешь поражаться чему бы то ни было: подумаешь, шесть тысяч пудов камней!

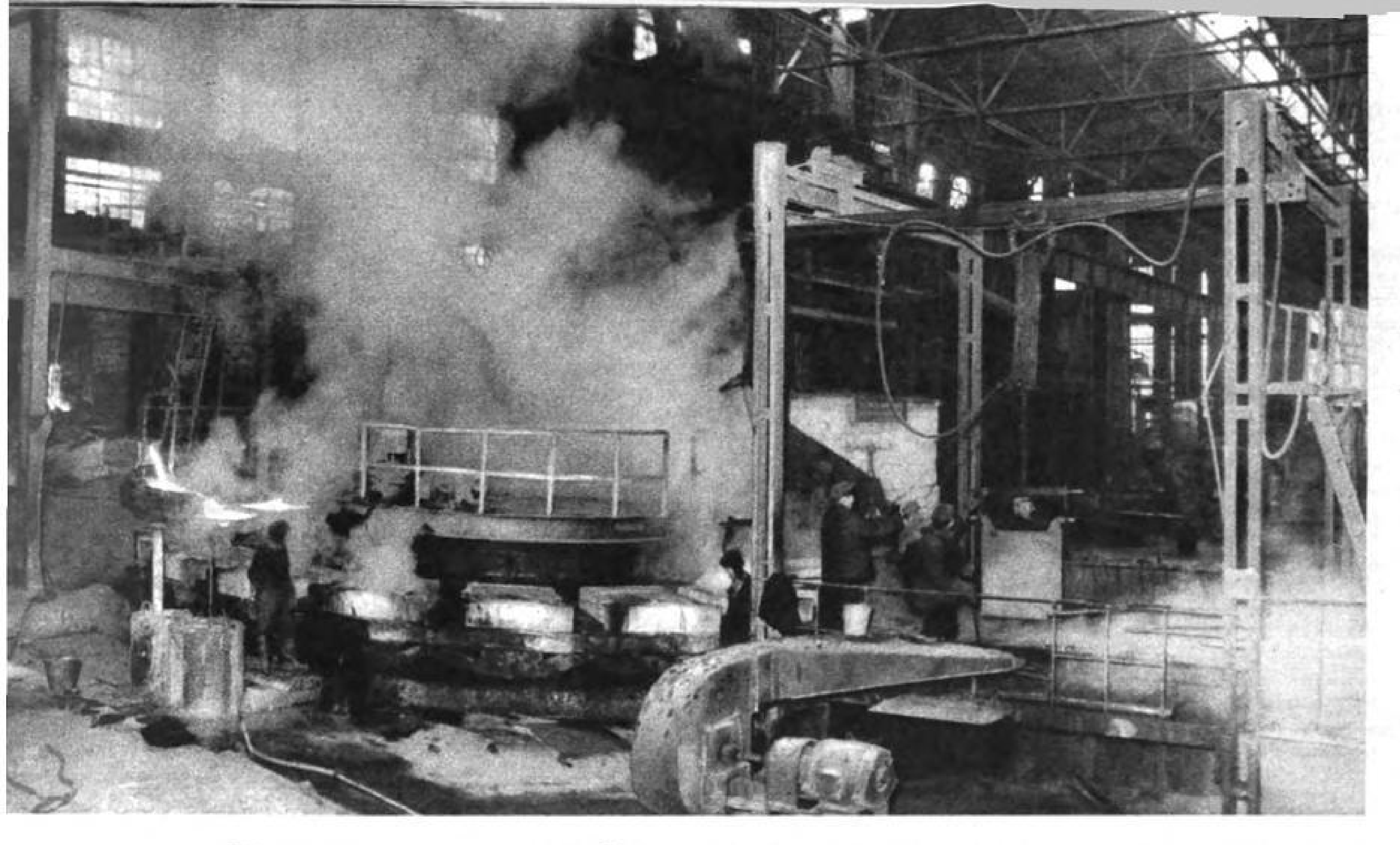
Вагоноопрокидыватель установлен над преисподней, имеющей форму воронки. Теряющиеся во мраке косые стенки выложены плитами из особой, сверхтвердой стали. Они тускло мерцают, отражая туманное от пыли, серое освещение цеха. Внизу воронки — дыра, черная, зияющая, ведущая неизвестно куда. Болтается в дыре стальная болванка. Вес ее — семьдесят шесть тонн. Колебания болванки неудержимы. Все, что попадает между нею и стенками отверстия, дробится, мнется, ломается, крошится.

Руды в воронке пока что не было. Болванка болталась вхолостую. Потом девушка-оператор Надя Персикова нажала пальцем какую-то кнопку, и началось светопреставление. Сотни тонн стали и камня пришли в движение, вагон перевернуло вверх колесами, раздался грохот. Воронка наполнилась черноседыми облаками пыли, и в этих облаках засверкали сотни молний: камни, ударяясь о сталь, высекали крупные синеватые искры. Две с половиной минуты — и шести тысяч пудов камней как не бывало. Вспомнились слова Сафрая: «Жуем помаленьку». А Надя Персикова нажимала да нажимала пальцем на кнопку — и все новые и новые вагоны опрокидывались над ненасытным стальным чудищем, жующим камни.

Для того, чтобы проследить дальнейший путь передробленной руды, нужно попасть под землю на глубину сорока семи метров.

Пройдя через главную дробилку, руда идет в дробилки меньшие по размеру. Все мельче и мельче делаются камни, пока наконец не станут величиной с обыкновенный лесной орех.

Владимир Аркадьевич Сафрай (вверху) в цехе.



Розлив меди.

— С чего же начинали вы свою работу в цехе? — спросил я Владимира Аркадьевича.

— Сначала мы выгребли из цеха весь хлам и мусор. Его набралось шесть тысяч тонн. Вы обратили внимание, какая чистота теперь в цехе?

Я улыбнулся в ответ, потому что каменная пыль лежала толстым слоем на полу и на стенах, клубилась в воздухе, пропитывала одежду людей.

— Да, это еще остается. Но там, где дробится камень, пыль неизбежна, хотя ее могло бы быть в три раза меньше. Я сейчас говорю о другой чистоте. Вы нигде, ни в одном проходе не найдете чего-либо лишнего, валяющегося, захламливающего помещение. Мы дробим камни, но во всем цехе у нас не валяется на полу ни одного камня. Это все равно, как если бы в молотильном сарае не валялось на полу ни одного зерна, — теперь понимаете? Что сделали мы потом? Наша работа — это ремонт, ремонт и еще раз ремонт. Тысячи тонн камней падают, перекатываются, ползут и, конечно, калечат оборудование. Это неизбежно. Каждая минута простоя — тысяча рублей. Мы стали бороться за минуты, за часы и за сутки. Это скучно, что я буду сейчас говорить, но если хотите понять, послушайте. Выходил из строя мотор, его чинили днями. Теперь рядом с мотором стоит другой, запасной. В случае аварии мы подключаем его, а испортившийся ремонтируем. Такие резервы мы создали на всех узлах, по всей цепочке. Десятки автоматов мы расставили всюду. Они сами контролируют и сами действуют в случае неисправности. Вот Борис Константинович Шереметьев расскажет все это лучше меня. Потому что он больше всех наизобретал этих автоматов.

Борис Константинович, старший электрик цеха, высокий, лет сорока, повел меня в свой кабинетик, заваленный проволокой, железками, роликами, плоскогубцами и прочей электротехнической мелочью, посадил за стол и неожиданно сказал:

— Забудьте все, что говорил вам Владимир Аркадьевич. Что главное? Мусор убрали — главное? Оборудование улучшили — главное? Да нет же, и вовсе не с этого начинал Сафрай. Начал он с того, что через парторга организовал поход в театр для рабочих цеха. Потом он изучил каждого человека досконально: какие газеты выписывает, как живет с соседями, в какие дни в баню ходит. Да, да, не смейтесь. Сафрай знает все. И самую незаметную работницу, стоящую у транспортера, он зовет по имени и отчеству.

— Однако какой бы он ни был, а вот автоматика ваша, усовершенствованные машины и прочее — ведь это в конце концов решает дело.

— А все почему? Потому что дух изменился в цехе. Интерес к делу появился, каждому захотелось свое, хорошее для цеха придумать. Успех-то из мелочей складывался. По трубе, например, к подшипникам масло течет. Много его течет или мало, не видно. А может, и совсем течь перестало. А ведь если перестало, так подшипники сгорят. Проделали в трубе окошечко, вставили стеклышко, и стало видно, как течет масло. Просто, не правда ли? Однако аварий теперь нет. Окошечко можно было и десять лет назад придумать, а придумал его Нестеренко в прошлом году. И таких подобных окошечек я вам десятки насчитаю. Теперь судите, что главное, что перед чем идет и что от чего зависит.

И мытьем и катаньем...

Итак, руду бурили, рвали аммонитом, ворочали экскаваторными ковшами, везли в железных гондолах, опрокидывали и, наконец, дробили сталью. Из цельных скал она превратилась в камешки величиной с орех. Но ее еще не допекли, нет, в таком виде она еще не отдаст свои микроскопические крупицы меди, которые так нужны нам, людям.

Поэтому мелкие камешки засыпают в барабаны и кладут в одни тридцать пять тонн стальных стержней, а в другие — сорок тонн стальных же шаров величиной с яблоко. Барабаны крутятся, стержни и шары перекатываются с места на место. Прижатые к стенкам центробежной силой, они поднимаются до верхней точки барабана и обрушиваются оттуда с грохотом и лязгом на мелкие беззащитные камешки, раздавливая, перетирая их в тончайшую пыль. И тут вступает в дело вода. Из барабанов (их зовут мельницами) вытекает грязная серая масса — пульпа. Теперь частицы меди и частицы простой породы одинаково мелки и одинаково взболтаны в воде. Задача состоит в том, чтобы отделить их друг от друга.

Рассказывают, будто прачка стирала однажды мешки из-под медной руды и заметила, что пылинки меди прилипают к мыльным пузырькам и вместе с ними всплывают наверх, а простая пыль так и остается на дне. Так это было или не так, но теперь все обогатительные фабрики мира работают на этом принципе. Пульпу — то, что вытекает из мельниц,— взбалтывают, добавляя химические растворы, вспенивают, вдувая воздух, и мелкие частицы меди вместе с пеной всплывают наверх. Это метод флотации.

Площадь крыши обогатительной фабрики равна нескольким гектарам. Под ней из чана в чан переливается вспененная пульпа, и машины непрерывными ритмичными движениями сгребают верхний слой пены, насыщенный медными частицами. И есть один (тридцать пять метров в диаметре) чан, куда собирается вся эта черно-сизая пена. Теперь, после взрывания, перекатывания, дробления, кручения в мельницах и бешеного взбалтывания, наступает полный покой. Пузырьки пены должны сами собой полопаться, и тогда частицы меди, освободившись от пузырьков, упадут на дно. Густую донную массу останется просушить, чтобы получился черный, с золотистым оттенком порошок, в котором меди уже не один процент, как в руде, а более двадцати процентов. «Руда обогатилась»,— говорят горняки. Обогатилась она за счет удаления из нее всего лишнего. Поучительный способ!

— Теперь дело за огнем. Должна пройти медь еще через огонь, прежде чем станет настоящей медью, — заключил Борис Иванович Ревазашвили, показывавший мне свое обогатительное хозяйство. — Теперь из рук горняков перейдет медь в руки металлургов, ну, а те уж зададут ей жару!

— И что же, всю медь вы извлекаете из руды или часть ее уходит вместе с водой и песком?

— Часть, конечно, уходит, но очень, очень мало. Беда в другом. Есть руды, из которых мы совсем не можем взять меди.

— Как так?

— А так. Вы видели Коунрадский карьер и заметили, наверно, что верхние пласты его имеют зеленоватые и синеватые оттенки. Так вот, все это окисленные руды, почти не поддающиеся флотации.

— Как же быть, неужели нет способа?

— Способ есть, он давно открыт. И суть дела проста. Окисленные руды заливаются серной кислотой. Медь растворяется в кислоте, и получается обыкновенный медный купорос. А из купороса извлечь медь уже нетрудно.

Профессор В. Я. Мостович еще в 1932 году разработал и испытал комбинированный метод переработки окисленных руд. Жаль только, что до сих пор мы им не пользовались. Это очень важный вопрос, о нем и на июльском Пленуме говорилось. Есть приказ министра... К Двадцатому съезду партии мы введем схему Мостовича в действие. Все силы брошены на это.

— Вы, значит, руду не мытьем, так катаньем?

— Нет, мы ее и мытьем и катаньем...

В огне и дыму

Небо над пустыней Бет-Пак-Дала почти всегда безоблачно. В 1955 году, например, первый дождь выпал в ноябре, а до этого ни капли не упало на пересохшую, коричневую землю. Нет облаков в небе, и потому особенно четко выделяется растянувшийся на километры дымище Балхашского завода. Дымит БМЗ во все свои могучие трубы.

Медный концентрат, полученный из обогатительной фабрики, переплавляют в отражательных печах и получают так называемый штейн, который передается в конверторы.

Конверторы, несмотря на такое мудреное название, представляют собой большие стальные бочки, установленные горизонтально. Внутри эти бочки выложены огнеупорным кирпичом. Сквозь горячую, расплавленную массу, налитую в бочку, продувают воздух; он, конечно, вылетает в трубу, но уже не один, а захватив из расплавленной массы серу. Этот же воздух окисляет железо, которое удаляется в виде шлака. Медь остается в бочке. Серу, которая до сих пор вылетает в трубу, скоро будут улавливать для производства серной кислоты.

На слегка выгнутой стенке конвертора расположено по линейке множество небольших отверстий. Молодой парень, с черными усиками, в широкой, похожей на шахтерскую шляпе и брезентовой куртке метался от одного отверстия к другому. Он вставлял в отверстие железный ломок и начинал колотить по нему молотком, как если бы отверстие засорилось и его нужно было прочистить. Раздавалось громкое шипение. Затем ломок извлекался из конвертора, причем конец его был

раскален, и тут же вставлялся в соседнее отверстие, и так без конца.

— Самая тяжелая работа, — пояснил инженер,— прочистка фурм. Физически крепкий, но непривычный человек через два часа падает в обморок.

— Неужели на всех заводах работают так?

— Да, всюду работают так. Сейчас на нашем заводе проходит испытание машина для механической прочистки фурм. Пойдемте к следующему конвертору.

Однако увидеть машину не удалось: ее увезли в механический цех на усовершенствование. Зато оказался тут изобретатель машины — безбородый и безусый старик в кепчонке. Я попробовал заговорить с ним, но оказалось, что он глухой. Видя, что я шевелю губами, старик прокричал мне в ухо:

— Человечество сорок лет бьется над решением этой проблемы!

Он сказал это так веско, словно единственное, над чем билось все человечество, была именно фурмовочная машина, и лишь попутно был расщеплен атом, заброшена на четыреста километров вверх ракета, получен пенициллин.

— А решение простое! — продолжал кричать старик. — Сжатый воздух — вот принцип нашей машины. Струя сжатого воздуха будет прочищать фурму за несколько секунд. Что? Фамилия? Не имеет значения. Машину создавал весь завод.

Оказывается, мы стояли у конвертора, где старшим конверторщиком работал в ту смену Иван Прокопьевич Лукьянюк. Я уже слышал, что он лучший мастер, новатор и прочее, что описание метода его работы отпечатано на стеклографе и распространяется, что сам Лукьянюк выучил немало людей.

— Скажите, вы давно на заводе?

— На заводе-то... Да вам зачем?

— Да интересно.

— На заводе-то я, считай, со дня пуска.

— Сразу стали старшим конверторщиком?

— Куда там сразу! Я, брат мой, сначала меделомом работал да «штыки», болванки, значит, медные таскал. Ну, а во время войны фурмовщиком пошел; тяжелая это работа.

— Вот говорят, что вы хорошо работаете, а в чем состоит эта ваша хорошая работа?

— Так ведь медь даем, медяшку, значит, нашу варим.

— Я понимаю, что медяшку, но все же один лучше ее варит, другой хуже.

— Ишь, чего захотел! — как бы обрадовался Иван Прокопьевич.— Вон во Дворце нашем картины висят большие, в золотых рамках, и все разные. Одни картины плохие, другие хорошие. Пошли бы вы к хорошему художнику да и спросили бы у него, почему он лучше других свою работу делает. Да ведь не пойдете, не спросите. Так, брат, и у нас, так и во всяком деле. У него, например, краски, а у нас медь. А как же? Рассказывать про это долго. Становись к печи годика на два, может, и научу.

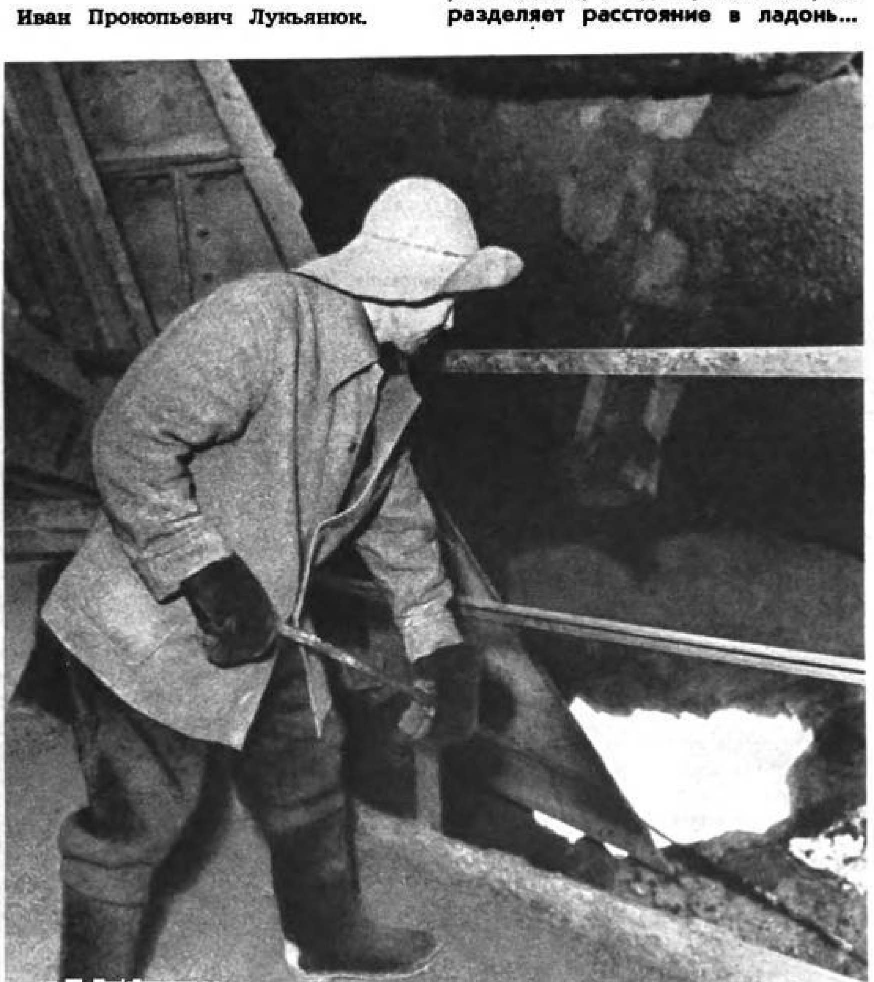
После этого я, признаться, не нашел, что сказать балхашскому медевару.

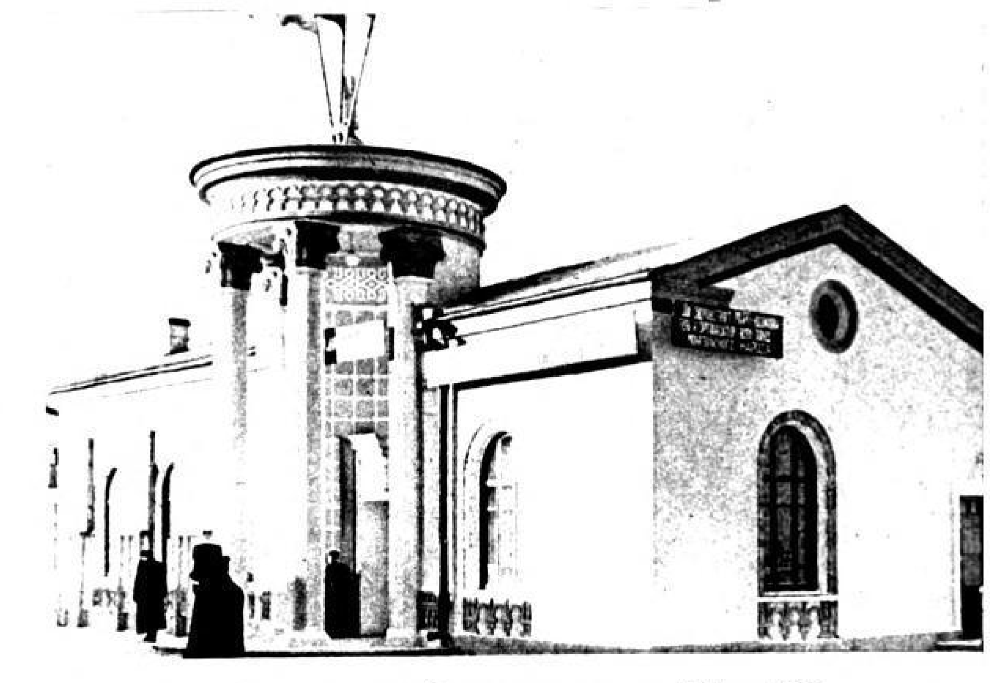
* * *

Прощание с Балхашским медеплавильным заводом наступает в электролитном цехе — самом тихом и спокойном из всех. Уж чем только не допекали медь, чтобы стала она чистой: и аммонитом, и сталью, и огнем, и водой! Остался электрический ток. Бесконечными рядами стоят в цехе ванны с раствором. В них опущены пластины меди, еще хранящие примеси. На другие пластины под действием тока незаметно, но постоянно осаждается нежная, розовая, чистейшая, рафинированная медь. Я нагнулся, поднял с пола маленький листик и положил его в записную книжку.

И вот лежит на столе этот листик цвета лепестков олеандра, но с искоркой, как бы подернутый легкой изморозью, а рядом с ним серый острогранный камень, словно обсыпанный мукой. Розовый листик металла произошел из серого камня, и здесь, на столе, их разделяет расстояние в ладонь...

Иван Прокопьевич Лукьянюк.





Новый железнодорожный вокзал на станции Чойрен. МНР.

Дорога дружбы

На исходе минувшего и в начале нового, 1956 года открылось движение по новой железнодорожной магистрали, связавшей прямым сообщением столицы трех братских народов — Москву, Улан-Батор, Пекин.

Новая магистраль общим протяжением более одной тысячи километров проложена от Улан-Батора до пограничного городка Дзамын-Удэ на территории Монгольской Народной Республики и от Эрляни до Цзнинна на территории Китайской Народной Республики.

Героически трудились на сооружении новой дороги монгольские, советские и китайские строители-железнодорожники. Строители делились опытом, дружески помогали друг другу. Это было подлинно братское сотрудничество во имя общей цели.

Строители подняли миллионы кубометров земли, проложили более тысячи километров железнодорожного полотна, построили отличные инженерные сооружения. В малонаселенной степи, в пустынной Гоби созданы десятки станций и разъездов. Вдоль трассы выросли крупные железнодорожные поселки, настоящие городки с добротными жилыми домами, школами, больницами, красивыми вокзалами и электростанциями, тепловозными депо и водонасосными станциями.

На нашем пути восемь больших станций на территории МНР, десятки разъездов. Вот Эрлянь, новый городок на территории Китайской Народной Республики. Каменные дома, много других сооружений и служб возвели здесь китайские строители.

— Сколько раз в темные вьюжные ночи я блуждал со стадом по нашим гобийским просторам! — рассказывал нам старый монгольский скотовод Лхамсурун из Айраг-сомона (района) в восточной Гоби.— Теперь по всей Гоби зажглись путеводные звезды для нас, скотоводов.

Железная дорога прошла по районам с самыми различными природными и экономическими условиями. К ней прилегает север Монголии с его крупными госхозами, золотыми приисками, предприятиями пищевой и легкой промышленности. В районе Улан-Батора магистраль проходит у крупнейшего в стране Налайхинского каменноугольного бассейна. Южнее, миновав Холтинский перевал, дорога пересекает созданные в последние годы районы нефтяной и горнодобывающей промышленности.

Дорога несет новое экономическое развитие прилегающим к ней районам Монголии и Китая. Вот пример: до сооружения дороги население ряда районов Внутренней Монголии, входящей в Китайскую Народную Республику, не имело возможности вывозить готовую продукцию, а доставка сюда товаров часто обходилась дороже, чем стоят сами товары. Теперь положение резко улучшилось.

Новая дорога открыла второй железнодорожный путь между Москвой и Пекином. Он более чем на тысячу сто километров короче, чем путь через Маньчжурию. Машины, механизмы, оборудование, идущие в Северный Китай из Советского Союза и стран народной демократии, направляются уже не кружным путем, а по самой короткой магистрали.

Построенная железная дорога еще теснее сплачивает между собой восемьсот миллионов жителей Советского Союза, народного Китая и народной Монголии.

А. АВДЕЕВ

Первые пассажиры новой дороги.

ХАСАН-АРБАКЕШ

Поэма

Мирзо ТУРСУН-ЗАДЕ

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

III

Арба кокандская, породист конь,
На нем аробщик опытный сидит,
Поклажи нет, но ехать далеко.
Глухие горы встали впереди.

Никто его не спрашивал нигде,
Мол, арбакеш, куда же ты спешишь?
Где будешь ночевать, где встретишь день?
Что мучишься? Зачем коня томишь?

А он не говорил, что труден путь,
Ущелье перед ним или река...
Стоят утесы в облаках по грудь.
Безлюдно. Остановка далека.

Кулябские дороги первый год
Хвалил он сам себе. Но для коня
Трудней был каждый новый переход,
Хоть не жалел хозяин ячменя.

Не знавший утомленья никогда,
Сам наконец он начал уставать.
И конь его хваленый исхудал,
Стальные стер подковы, стал хромать...

Аробщик видел на пути своем
Громады гор, движенье облаков,
Кипенье рек, взывающих, как гром,
И грозное величье ледников.

Он слушал, проезжая по холмам,
В ущельях ярких птичий перезвон.
И распрягал коня по вечерам,
Немолчным гулом вод заворожен.

И зелень под напором ветерка
Волной струилась в лунном серебре,
И тень газели в чаще тростника
Скользила к водопою на заре.

Все тот же это древний горный мир
Бездонных пропастей, свирепых скал,
Где на высотах грóзы правят пир,
Грозят землетрясенье и обвал.

Веками, словно узник, обитал
Народ отцов в теснинах этих гор
И с тайною надеждою мечтал
Освободиться, выйти на простор.

Теперь же здесь и небо и земля
Покорствуют народу моему,
И, с человеком труд его деля,
Машины служат мощные ему.

То через неприступные хребты
Уверенно, как птица, он летит,
То, взглядом фар светя из темноты,
В машине по ущелью он спешит.

В неведомые миру кишлаки
Проложен путь для книг и для газет,
И в самые глухие уголки
Несет культура животворный свет.

...Куляб гористый бросив, повернул
Хасан арбу тяжелую на юг.
Могучий Пяндж его к себе тянул
Со степью, зеленеющей вокруг.

Тонули горы в дымке голубой.
Стыл над рекою утренний туман,
И вот уже границу пред собой
Увидел и опомнился Хасан.

Он стал на отдых во «Дворце луны» [1].
Был перекресток сонных улиц тих.
За ним под кровом пыльной тишины
Виднелся ряд лавчонок небольших.

Пузатый скупщик, спекулянт мучной,
Стоял и глаз с Хасана не сводил;
Усы разгладив, крашенные хной,
Его к себе он пальцем поманил.

В смущенье подошел к нему Хасан.
Сказал торгаш: — Свези мне со двора
Муку на торг. На рынке нынче ман [2]
Дороже в десять раз, чем был вчера.

Муки в продаже мало, а людей
Голодных много. Едем поскорей!
И весь расход базарный и доход
Сегодня будут выручкой моей!

Был это трудный тридцать первый год,
Когда в пылу борьбы, в поту трудов
Свой славный путь отстаивал народ
От тысяч наседающих врагов.

Зерно скупали темные дельцы
И ловко наживались на муке,
Увертываясь, пряча там концы,
Где не достать карающей руке.

К такому-то пролазе, кулаку,
Пошел служить скиталец наш Хасан.
Он молча утром погрузил муку,
А на мешки залез «хозяин» сам.

На груде хлеба гордо восседал
Бесстыжий вор народного добра,
Прикидывал барыш и вслух считал
По пальцам, сколько выручил вчера.

— Откуда ты: не грех спросить, мой свет?
Видать, недавно прибыл в округ наш?
— Я из Гиссара, — получил ответ
Лукавый, любознательный торгаш.

— В Гиссаре, вижу я, твои дела
Едва ли были очень хороши...
И здесь теперь такая жизнь пошла,
Что я тебя жалею от души!

Ведь одинаково кричит петух
По всей стране, куда ни поезжай.
Подумай-ка о будущем! И дух
Печалью прошлого не возмущай!

Да! Если стать бы посохом ты мог
В надежных, например, в моих руках,
Всю жизнь свою потом — свидетель бог! —
Спокойно жил бы ты, как падишах.

Вот и река близка... Как ночь и день,
Здесь жизнь и там, за этою рекой.
Там бай, как прежде,— бай. Как божья тень,
Там шах над человеческой судьбой.

Да, кстати, я спросить тебя хотел:
Ты можешь плавать, если бы пришлось?
Хасан лицом от гнева потемнел.
Все, что терпел он, бурно прорвалóсь.

Он вспомнил детство рабское свое,
Жестокость бая, нищую семью,
Голодное, холодное житье,
Отца и мать несчастную свою...

Когда б не новый, справедливый строй,
Он не имел бы лошади с арбой,
И жизнь его прошла б, как горький дым,
И был бы светлый мир ему тюрьмой.

Его высоко нагруженный воз
Стал вдруг ареной яростной борьбы.
Хватил он спекулянта, как пришлось,
И нá землю спихнул его с арбы.

Он сбросил на него мешки с мукой
И плюнул. И пришел в себя потом.
«Дворец луны» объехав стороной,
Погнал коня неезженым путем...

* * *

На двухколесной древности своей
Он степи знойные пересекал.
Качаясь на коне среди степей,
О многом по дороге размышлял...

Долина Вахшская! Работы здесь
Побольше, чем на голове волос.
Прорыть канал — одна забота здесь.
По горло дела и ему нашлось.

Дороги Вахша, вахшские ветра
Наслушались, как распевал Хасан.
Садилась и смотрела детвора,
Как приезжал и уезжал Хасан.

Всех раньше по утрам, до петухов,
Уже в оглоблях конь соловый ржал.
Скрипя колесами, среди садов
Хасан-аробщик важно проезжал.

Он тем был счастлив, что вокруг него,
Вдоль всей дороги тянутся сады,
Где гроздья блещут, скрытые листвой,
Где золотятся спелые плоды.

Густые листья тутовых дерёв
Сверкающего шелка нить дарят.
От белых коконов — от их даров —
Растет дехкан достаток во сто крат.

Под осень на полях богатств не счесть,
Пером не описать их красоты.
Горами драгоценный хлопок здесь
Лежит, белеет, сложенный в бунты.

Колхозные поля и кишлаки
С восторгом наш Хасан обозревал
И по равнине к берегу реки
Арбу нагруженную направлял.

О многом думал он...
Вдруг позади
Раздался голос: — Эй! Аробщик, стой!
К тебе я с важным делом! Погоди!
Я захромал, гоняясь за тобой!

В поту, с тяжелой сумкой на плечах,
Догнал Хасана сельский почтальон.

Окончание. Начало см. «Огонек» № 5.

[1] «Дворец луны» (Сарай-Камар) — прежнее название Кировабада.
[2] Ман — мера веса.

День жаркий был, работа горяча,
Убѐгался, как видно, за́ день он.

— Ты не Хасан ли будешь?
— Я Хасан...
— Письмо тебе из города пришло.
Да ведь тебя не сыщет дьявол сам:
Ты все кочуешь из села в село.

Ну, думаю, доставить не судьба...
Вдруг вижу я: качается, ползет
Расшатанная, старая арба.
Ага! — решил я.— Вот он самый, тот!

Хасан весь красный от смущенья стал,
Потом спросил: — А ты его читал?
Ну что там пишут нового в письме?
Откуда послано? И кто писал?

— Подписано: Садаф. На вот, смотри!
Возьми письмо и приложи к глазам.
Благодари меня, благодари!
А что там пишут, прочитаешь сам.

Из рук его конверт измятый взяв,
Не молвив письмоносцу ничего,
Хасан поехал. Об одной Садаф
Теперь опять все помыслы его.

Кого ж попросит он письмо прочесть?
Что человек чужой в письме прочтет?
Привет ли в нем, счастливая ли весть?
Или Садаф ему насмешку шлет?

Но как бы ни было, ответит он,
Письмо напишет — с просьбою простить,
И что ее одну на свете он
И любит и не может позабыть.

На повороте появились вдруг
Две мчащихся машины легковых.
С гурьбой поющих, радостных подруг
Жених с невестой ехали на них.

Машинами, и пеньем, и гудком
Напуганный, хасанов старый конь
Шарахнулся и, оборвав гужи,
В арык свалился вместе с седоком.

Как гнев Хасана опишу я здесь?
Он встал, браня несчастного коня:
— Мильонной доли ты не стоишь весь
Тобою съеденного ячменя!

Вставай, несчастный! На себя взгляни!
С арбою вместе грош цена тебе!
Да всякая невеста в наши дни
В машине ездит, а не на арбе!

Тут вдалеке грузовики прошли,
Подобно горной цепи снеговой.
Машины хлопок на завод везли
В больших мешках, наваленных горой.

* * *

С Хасаном, строгим в выборе друзей,
Знаком был председатель одного
Колхоза вахшского. С давнишних дней
Он был поверенным всех тайн его.

К нему пошел Хасан, чтобы путем
Потолковать, подумать обо всем.
— При начинанье дел держи совет,
Чтоб завершилось доброе добром.

Просторный двор правленья, дом, амбар,
Навесы на столбах, мешки, тюки,
Шум, беготня...
Механик Искандар
Стучит в углу, чиня грузовики.

Измазанный от пяток до усов,
Приехал с поля Вася-тракторист.
Приемщики хлопочут у весов,
А хлопок на весах, как снег, пушист.

Хасан стоял у входа, оглушен.
Тут председатель увидал его.
— Входи, Хасан, не бойся! — крикнул он.
Аробщик обнял друга своего.

— Здорово, друг мой!
Кстати твой приезд!
Такому гостю рады мы всегда!

Рассказывай же, из каких ты мест?
К нам? Или дальше двинешься куда?

— Не спрашивай!
Рассказывать пойду —
И за ночь до конца не доведу...
Зависит не от нас, а от судьбы —
Удаче быть или попасть в беду.

Мой друг, дела большие у тебя,
И руки золотые у тебя.
Ты опытом прославлен и умом,
И учатся другие у тебя.

Шло дело у меня в былые дни,
А нынче мне ни в чем удачи нет.
Одни мученья, трудности одни...
Прошу тебя, как быть мне, дай совет!

— Что ж... Сам ты виноват в беде своей!
Ручьи живут, сливаясь в руслах рек.
А одинокий средь песков ручей
Пересыхает. Так и человек.

В единстве наше счастье, дорогой!
Ты этого не понял до сих пор.
Все по старинке за своей арбой
Идешь ты времени наперекор!

— Решил я сесть за руль! —
сказал Хасан. —
К тебе в колхоз работать я пойду.
Дай мне машину, и увидишь сам —
Я и в шоферах буду на виду!

Сдержав усмешку, хоть и был смешлив,
Ответил председатель: — Ладно! Что ж,
Иди учись. Машину изучив,
Работу ты всегда у нас найдешь.

А если хочешь лошадь, то у нас
Коней локайских ходят табуны.
И упряжь и арба твоя сейчас
Еще хозяйству нашему нужны.

Встал, тюбетейку старую надел,
Ушел Хасан, ни слова не сказав.
У стойла пред конем своим присел,
Погладил шею, заглянул в глаза.

Вздохнул: — Эх, конь мой! Золотистый мой!
Ты славно эти годы мне служил.
Полжизни проработал я с тобой
И, как душой, тобою дорожил.

На всех дорогах трудных колеи
Мы выбили за много лет езды.
В краю гиссарском крепкие твои
Копыта отпечатали следы...

Через пустыни проезжали мы,
Где веют раскаленные ветра.
Ущербный месяц провожали мы
В дороге по ущельям до утра...

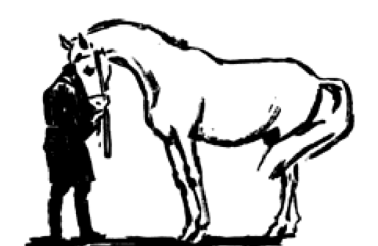
Мы были знаменитыми тогда,
Так много грузов мы перевезли!..
Со знаменем раскрытым в те года
Мы караваны за собой вели.

Возили мы с тобой кирпич и лес,
Чтобы отстраивался Дюшамбе,
Голодным людям сахар, чай и хлеб,
Мой добрый конь, возил я на тебе.

В те дни страна без нас не обошлась,
Мы честно ей служили — ты и я...
Ну что ж, на годы трудные пришлась,
Товарищ верный, молодость твоя.

Ну, а богатство нынешних людей
Вовек с тобою не перевезти!
А я ведь... Я хочу стране своей
Как можно больше пользы принести!

Прощай!.. Друзьям я поручил тебя
И сам пойду себе искать пути.
А если я не оценил тебя,
Обидел, ты мне этот грех прости!



IV

Хасан вдоль Вахша бурного шагал,
Покинув утром дружественный кров.
Лицом он, словно уголь, черен стал
От солнца Вахша, от его ветров.

Он шел и времени не замечал,
Дорогой пыльной, в отпечатках шин,
Рассеянно порой из-за плеча
Оглядываясь на гудки машин.

Порой коней колхозных табуны
Бесчисленные проходили вдаль.
Локайские красавцы-скакуны
Будили в сердце путника печаль.

Как марево, стоял в глазах его
Сталинабад — прекрасный город-сад...
Там над арыками густой листвой
Чинары дедовские шелестят.

Там льется улицей людской поток,
Пленяет душу красота дворцов,

Там дом заветный, дверца и порог,
И милый взгляд, и милое лицо.

Все это грезилось его уму,
Отвагу сердцу странника даря.
Объятья город раскрывал ему,
Вдали огнями празднично горя...

И вот однажды увидал народ,
Что вновь Хасан по городу идет,
Как тень, шатаясь.
На его лице
Видна печать мучительных забот.

Казалось, нет в нем смелости былой,
Когда он, гордо голову подняв,
Всю улицу загородив арбой,
В толпу надменно направлял коня.

Нет, сам теперь он убегал от всех,
Боясь знакомцев повстречать былых,
Боясь, быть может, жалость или смех
При встрече увидать в глазах у них.

Искал он старый караван-сарай
В ряду домов, стыдясь спросить людей;
Искал тот двор, где прежде у костра
Он сиживал в кругу своих друзей.

В растерянности он туда-сюда
Ходил, не зная, что уж много лет
От караван-сарая ни следа,
Ни мусора на этом месте нет.

В машине, выезжавшей из ворот,
Какой-то парень крикнул озорно:
— Эй, ты, блуждающий меж двух миров!
Пришел-таки? Вот так-то бы давно!

Ну, что уперся, дядя, в стену лбом?
Однако ты упрямый человек, —
Хоть ты расстался со своим седлом,
Да из стремян не вылезешь вовек!

От этой глупой шутки день в глазах
У бедного Хасана потемнел.
Но, ничего невеже не сказав,
Он прочь ушел, собою овладел.

Гася обиду, отгоняя зло,
Воспоминанье светлое пришло...
Что́ честь и слава, если нет Садаф!
Жить без Садаф безмерно тяжело!..

«Печаль в груди, а утешитель где?
Беда в пути, а друг-хранитель где?
Тоской по милой ранена душа,
А ласковый ее целитель где?»

По переулку, где жила Садаф,
Мечтая о заветном, об одном,
Он брел и, дверь знакомую узнав,
Забыв про все, чуть не вошел к ней в дом.

Стоял, заворожен дверным кольцом,
Но, так и не подняв к нему руки,
Ушел Хасан.
«С каким войдешь лицом?
Как ей в глаза посмотришь по-мужски?»

Возможно, села в этот миг она
Письмо твое ответное читать
И мучится, досадою полна,
Что ни строки не может разобрать.

Быть может, пишет на письмо ответ,
Свободу дав всем гневным голосам
Своих обид? Получишь или нет
Ответное письмо ее, Хасан?

Так он всю ночь по улицам блуждал,
Когда же до полусмерти устал,
Ища глазами, где бы отдохнуть,
Увидел старый глиняный дувал.

Оперся на него и, недвижим,
Закрыл глаза, раздумьями томим:
«Все трудности сперва преодолей,
Чтобы успех светил делам твоим!..

Пойду-ка, под чинары я вернусь,
Чтоб в автошколе счастья попытать...
Придется трудно... знаю... Что ж, и пусть!
Теперь тебе уж поздно отступать!»

* * *

В тени листвы прохладной жарким днем,
Узорные подушки раскидав,
Подруги шумным, радостным кружком
Садились в винограднике Садаф.

Одна, вздохнув, сказала:
— Хорошо!
Вот, девушки, и отучились мы...

Того, к чему тянулись всей душой,
Хоть и с трудом, а все ж добились мы!

Нам скоро на работу уезжать!..
Но мы расстанемся, пообещав
Все о себе друг другу сообщать,
Ведь почта есть везде и телеграф.

А если выйти замуж кто из нас
Надумает, так пусть она тотчас
По телеграфу, не теряя дня,
Об этом весть отрадную подаст!..

Другая рассмеялась:
— О Садаф
Мы можем не тревожиться. Она,
Аробщика в любезные избрав,
Останется всегда ему верна.

Какое счастье, девушки, вдвоем
Всю жизнь свою проездить на арбе
С возлюбленным, который весь свой дом,
Как черепаха, носит на себе!

Садаф в ответ:
— Когда б не день такой,
Который нам, как праздник, вспоминать,
Я так поговорила бы с тобой,
Что ты бы зареклась язык чесать.

А я Хасана знаю много лет.
Он добр, он сердцем чище хрусталя!
И я его не упрекаю, нет,
С ним боль разлуки всей душой деля.

Он бескорыстный, верный человек.
Обидный я ответ дала ему.
А он самолюбив... Но и вовек
Он не изменит слову своему.

Да если бы он оказался здесь,
Ему бы я все сердце отдала,
Он для меня хорош, какой он есть,
Его печаль бы я разогнала!

* * *

Весна кончалась.
Бурно с гор текло
Ручьев бушующее серебро,
И на родную землю лето шло,
Неся народу счастье и добро.

Внизу по косогору плыл комбайн.
А вверх посмотришь —
чуть не в облаках
Клочки земли на крутизне горба,
Как в старину, пахали на быках.

Ночами, без луны и при луне,
Лучами электрических огней
Селенье горное озарено,
Сверкает, как созвездье, в вышине.

Минувшей осенью Садаф пришла
В селенье горное учить детей.
Но уж гордились жители села
Учительницей новою своей.

Садаф сначала было нелегко,
Но понемногу, зорко осмотрясь
И в жизнь селенья вникнув глубоко,
Она за дело радостно взялась.

Когда с открытым, ласковым лицом
К родителям она входила в дом,
Приход ее был праздником и все
Рассказчиками делались кругом.

Вокруг той школы был большой пустырь,
Колючками заросший. Но она
С детьми кусты, деревья и цветы
Там посадила, лишь пришла весна.

Проснувшись в предрассветной тишине,
Садаф любила приходить сюда.
(У бывшей мастерицы сюзане
Любовь к цветам осталась навсегда.)

Задумывалась о своей судьбе
И вспоминала парня одного
И как с отцовской крыши в Дюшамбе
Однажды розу бросила в него...

Раз на рассвете в сторону села
Машина легковая чья-то шла
Так быстро, что сказал бы ты: летит
Из лука выпущенная стрела.

Сигналы услыхав издалека,
Сбежалось население кишлака.
Все говорят:— Из центра едут к нам
По делу срочному наверняка!

По важным едет, видимо, делам
Сам председатель Совнаркома к нам.
Или решил пораньше завернуть
Сегодня секретарь райкома к нам?

Машина, к школе подкатив, дала
Так много продолжительных гудков,
Что всполошила жителей села
От малой детворы до стариков.

Притихли дети. Обступив кругом
Машину, увидали за рулем
Красивого шофера-молодца,
С которым не был здесь никто знаком.

Недоуменно старики глядят...
Одна Садаф в смятении была,

Как речка, что под пляскою дождя
Вся закипев, в волнение пришла.

И выбежала, радостно смеясь.
И вновь надежда, что в груди жила,
Раскрыла крылья, горячо зажглась
И радугою яркой расцвела.

* * *

Дорога лентой каменной бежит
Через Кокташ к горам в рассветной мгле.
По ней тяжелый грузовик спешит.
Рука Хасана на его руле.

Садаф сидит в кабине рядом с ним.
Он весел. Для его счастливых глаз
Мир не был никогда еще таким
Прекрасным, величавым, как сейчас.

Величье это видел он в себе,
И в блеске черных глаз Садаф своей,
И в песне сердца, и в своей судьбе,
И в ветерке сияющих степей.

Хасан теперь возил за перевал
Цемент и лес сибирский на Вахшстрой.
Он счастлив был, что путь свой совершал
На этот раз с подругой дорогой.

Казалось, город за его спиной,
Напутствуя, махал ему рукой.
Навстречу же, приветствуя его,
Поля, холмы бежали чередой.

Все выше в горы поднимался он
Сквозь облака, сквозь розоватый дым.
Душою к солнцу простирался он
С земли, подобно всходам молодым.

И он сказал Садаф:
— Ты погляди,
Как легок у машины этой ход!
Без крыльев, а как будто бы летит.
Ты видишь, как подъем она берет?

Другой такой машины не найти,
Хоть землю из конца пройти в конец.
Недаром пешеходы по пути
Кричат мне следом: «Ай да молодец!»

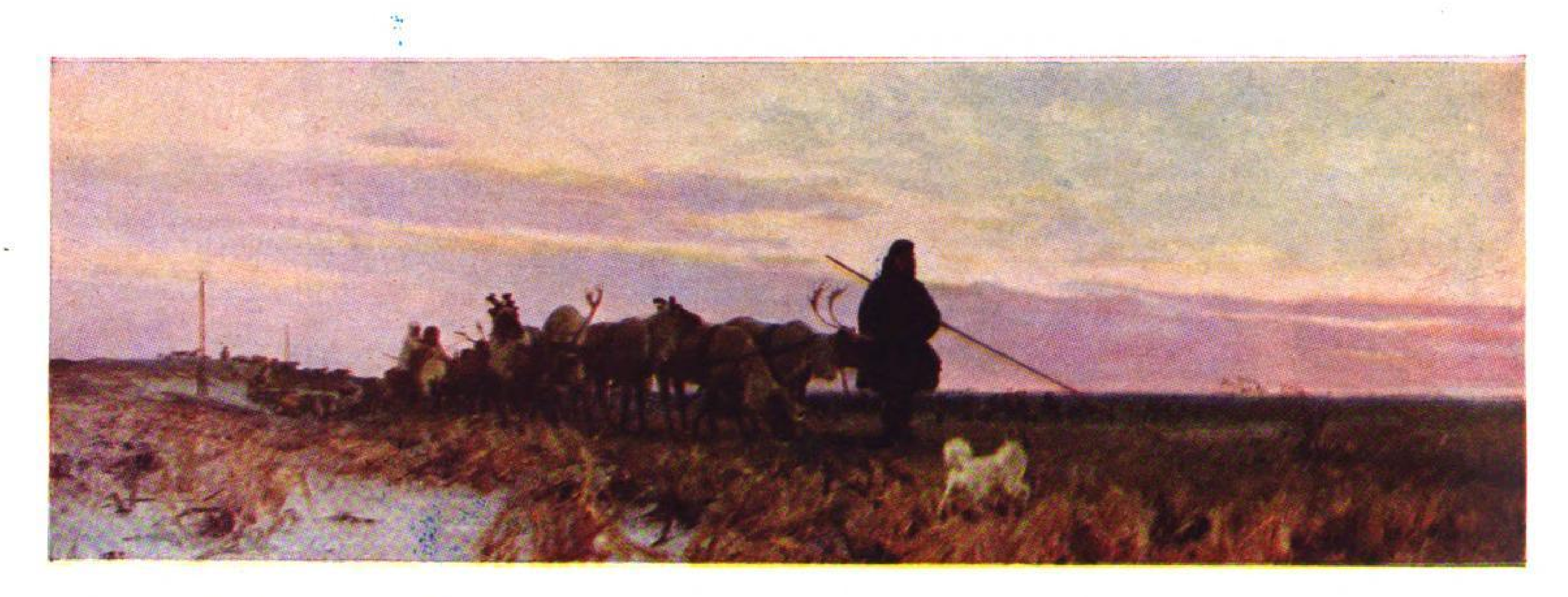
По правде говоря, Садаф, и ты
Из редких девушек.
Пройди весь свет,
Я думаю, подобной красоты
Ни у кого нигде на свете нет!

Когда над крутизною в высоту
Всползла машина, с Бабатагских гор
Внизу — по обе стороны — в цвету
Открылись дали, восхищая взор.

Гиссарская долина синевой
Соперничала с небом за спиной,
А впереди, в заре, широкий Вахш
Горел, вскипая желтою волной.

Перевел с таджикского
Владимир ДЕРЖАВИН.

Б. Касков, В. Гускин. СЛУЧАЙ НА ПАШНЕ. **Город Киров.** **Выставка произведений художников РСФСР.**



Д. Свешников. ПЕРЕХОД НА НОВОЕ ПАСТБИЩЕ. **Архангельск.** **Выставка произведений художников РСФСР.**

«Огонек». 1956.

В. Мордвинов. ГУСИ. **Грозный.**

Выставка произведений художников РСФСР.

И. Рыбачук. ДОЛИНА СИРЕНЮК. **Владивосток.** **Выставка произведений художников РСФСР.**

П. Зарон, Н. Кочетов. А. С. ПУШКИН НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ. **Северная Осетия.** **Выставка произведений художников РСФСР.**

БЕРЕГА

Рассказ

Александр РЕКЕМЧУК

Рисунки И. ГРИНШТЕЙНА.

Лодка плывет по реке. В лодке черемуха. Пышное белое облако. С носа до кормы завалена лодка цветами,— наверное, не меньше центнера черемухи наломали чьи-то жадные до побережной красы руки. А чьи — неизвестно. Из-за черемухи не разглядишь, кто едет в лодке. То ли Даша Бурмантова с Ленькой Лызловым, то ли Настя Лызлова с Петром Бурмантовым, а может, Шурка Собянина с Собяниным Сашкой...

Клава Сивергина, лесничий Мамыльского лесничества, тяжело вздохнула.

На исходе весны почему-то возникли противоречия между суровым, непреклонным сердцем лесничего («лешачихи», по определению леспромхозовских парней) и девичьим сердцем Клавдии Сивергиной.

Клаве двадцать третий год. Подружки из техникума в первый же год после выпуска, как по команде, повыходили замуж. А Клава пишет в анкете очень странное слово «холостая». Мало того, даже какой-нибудь несчастной любви не произошло в ее жизни. И того мало: до сих пор никто ей особенно и не нравился...

Правда, когда была семнадцатилетней дурехой, влюбилась Клава в райцентровского парикмахера. Влюбилась по той причине, что круглый год парикмахер утрами ходил купаться на Печору. Развезет октябрь грязь по колено, а он в резиновых сапогах проберется к берегу — и купается. Встанет река — купается в проруби. Замерзнет прорубь — ломик принесет, расколупает. И купается. А Клава стоит на высоком берегу, на ветру, смотрит и дрожит — за себя и за него. В конце февраля случился мороз: сорок градусов. Повязавшись двумя платками, Клава вышла на берег, смотреть, как парикмахер станет купаться. А тот не пришел, видно, на закалку не понадеялся. Не вынеся горечи разочарования, Клава тотчас забыла о парикмахере.

В техникуме Клаву Сивергину избрали комсоргом группы, и влюбляться она сочла ниже своего авторитета и достоинства. Потом в течение года Клава занималась укреплением законности на территории Мамыльского лесничества, и влюбляться было просто некогда...

Лодка с черемухой причалила к берегу. Из черемухи выбрались одноногий сельповский сторож Северьяныч и его присуха — вдова Емельяновна. Они были чуть навеселе и, подымаясь в гору, тоненько запели.

Клава засмеялась и прикрыла окно.

Был воскресный вечер. Бесконечный, светлый майский вечер до зорешних петухов. Прежде всего предстояло этот вечер убить. А как? Решительно сдвинув брови, Клава подошла к столу, раскрыла планшетку, перелистала бумаги. Акты весенней ревизии. «Мы, нижеподписавшиеся...» А это составленный ею вчера, но еще не подписанный акт по Мамыльскому лесопункту. Белесые клавины брови сошлись еще резче, суровей. Она придвинула чернильницу, обмакнула перо и поставила жирную кляксу. Прямо туда, где значилось: «Подпись лесничего».

Прежде всего Клава больно дернула себя за косу, потом повернулась к зеркалу и показала неизвестно кому язык. Но делать было нечего. Подрисовав кляксе ручки и ножки, Клава вынула из планшетки чистый бланк и стала переписывать акт...

Слово за словом всплыл в памяти вчерашний вечер.

На прошлогодних пасеках Мамыльского лесопункта Клава обнаружила вопиющие нарушения правил порубки. Искала мастера, чтобы всласть наругаться. Но не нашла. И по этой причине возвращалась домой мрачная, неся злость в себе. Участок находился километров за десять. Так что к берегу вышла уже в первом часу ночи.

Оба берега были пустынны. Ни огонька. Ни звука. Лишь комариный звон стоял над рекой. Комары в этом году появились рано, как только желтая осиновая пыльца легла на воду. И появились сразу тучами. Не успела Клава выйти из лесу, как комары облепили ее с ног до головы.

«Конечно, ни одной лодки...» — напророчила себе Клава.

И оказалась права. По всему берегу, сколько захватывал глаз, не было видно ни одной лодки. А у противоположного берега чернели десятки лодок: то рядком, то в одиночку, то на песке вверх днищем. Но людей возле них не было. Крепко спит село...

Оставалось надеяться, что какой-нибудь рыбак выйдет пораньше караулить утренний клев. Ныли уставшие от ходьбы ноги. Клава присела на край обрыва. Однако, не успев сесть, вскочила: с торжествующим стоном сотни комаров набросились на нее. Пришлось опять мерять шагами берег и, как ветряной мельнице, размахивать руками. Туча комаров следовала за ней по пятам. Уже горел искусанный лоб, зудели икры под голенищами парусиновых сапог, чесалась спина. Клава не выдержала:

— Э-э-э! На том берегу!..

— У-у-у...— прогудел левый берег. И снова тишина.

— О-о-о!..

Истошно залаяла спросонья чья-то собака. Ей ответила другая. Полаяли — и успокоились.

Тысячи комаров атаковали Клаву. Уже перестали ныть ноги. Уже не хотелось спать. Было только желание избавиться от комаров или исчезнуть самой. Пошарила в карманах спички разжечь костер... Откуда у некурящего человека? Девушка уже собиралась заплакать, но, трезво сообразив, что этим делу не поможешь, опять сложила ладони рупором:

— А-а-а!..

Сзади зашелестела тугая росистая трава. Клава обернулась. Со стороны бензобаков шел человек. В густом накомарнике, поверх кепка. Человек подошел к берегу, посмотрел вправо, влево, посмотрел на противоположный берег. Приподнял край накомарника и сплюнул — оценил обстановку. Потом повернулся к Клаве Сивергиной и постоял так несколько минут, очевидно, раздумывая. Молчал. Клава тоже молчала, опасаясь разреветься.

Тогда человек сел на землю, не спеша скинул сапоги, затем поднялся и стал снимать штаны. Клава отвернулась. Она услышала шлепанье босых ног по глине и всплеск.

Человек плыл, отшвыривая воду резкими рывками. Попрежнему на его голове красовалась кепка, под ней накомарник. Течение сносило его. Минут через пять он достиг берега. Клава опять отвернулась, так как выяснилось, что, кроме кепки с накомарником, другой одежды на человеке не было.

Клава решила наломать черемуховых веток, чтобы отмахиваться ими от комаров, и удалилась в лес. Холодная роса дождем омыла ее. Мокрые гроздья черемухи лизали лицо. Но комаров здесь было меньше. Она стала ло-

мать ветки и наломала их гораздо больше, чем было необходимо: вместо веника получился букет.

— Эй!

Это он окликал ее. Клава вышла из кустов. Лодка уже стояла у берега. В ней человек, снова одетый, но без сапог. На голове попрежнему накомарник. Клава спрыгнула с обрыва, осторожно ступила в лодку.

Сильный толчок веслом. И вот уже лодка, высоко задрав нос, летит поперек реки. Человек стоит на корме и, глубоко окуная весло, правит. Клаве нравится, как он твердо, ни разу не шелохнувшись, стоит в лодке, как коротки и сильны движения его рук и плеч. Ей также нравится, что человек молчит. Клаве не нравится, что на лице человека накомарник: ей бы хотелось увидеть, какое у него лицо. Ох, какая на нем смешная кепка — рыжая, почти оранжевая, в белых веснушках!

Лодка мягко врезается в песок. Берег. Клава выбирается из лодки. Она раздумывает, можно ли в таком случае сказать человеку «спасибо»,— и не говорит. Еще она раздумывает, брать ли с собой букет,— и оставляет его на скамье лодки. Уже на крыльце своего дома Клава слышит:

— Эй!

Она оборачивается.

Человек в накомарнике стоит у лодки и зачем-то машет веслом. Непонятная робость вдруг завладевает сердцем Клавы, и она поспешно захлопывает за собой дверь...

Лесничий Мамыльского лесничества вздыхает и роняет на акт о ревизии жирную кляксу.

* * *

Тут дверь отворяется, и в комнату впархивает Настенька Лызлова, лучшая телятница колхоза «Луч». Очень нарядная: в голубом платье из отчаянно блестящего шелка, хромовые сапожки на босу ногу, ленты и гребенки в косах, в ушах сережки. Румяная, как маков цвет, излучающая неистребимую радость. Клаве иногда кажется, что ее подружка заимствует частицу радости у своих холмогорских телят.

— Клавонька, здравствуй! Ты что это пишешь? Сегодня в лесопункте кино. Пойдешь? У Петра живот схватило — лежит, книжку читает. А я в кино хочу. Пойдем, Клавдя!..

Клава смотрит на испорченный бланк, горестно кривит губы, затыкает чернильницу пробкой.

— А какая картина?

И пока Настенька выкладывает новости, Клава переодевается. Скалывает косы узлом. В щербатеньком зеркальце — Клавдия Петровна Сивергина. Лоб у нее крут и крут подбородок — в отца. Губы тонки — злая. А глаза под белесыми бровями никак не вяжутся со всем остальным: глаза карие с желтизной и темными обводинками, широко раскрытые, неизвестно чему удивленные, чего-то ждущие... Отвратительные глаза.

— Пойдем, что ли,— говорит Клава.

Через Печору они переправляются в лодке, битком набитой людьми. Парни озоруют, грозятся перевернуть лодку, девушки визжат и хохочут. А следом другая лодка, в ней ведут себя степенно: предколхоза едет с семейством — девять человек. В третьей лодке тоже визжат: сельповский сторож Северьяныч смущает девчат дореволюционными прибаутками, а присуха Емельяновна грозит накостылять ему по шее.

Все село Мамыли едет в лесопункт в кино. А когда передвижка приезжает в сельский клуб, с другого берега отваливают десятки лодок и плывут скопом, будто идут на приступ челны Ермака Тимофеевича...

В просторном клубе лесопункта теснотища. Молодежь заполняет задние скамьи, пожилые — со своими стульями — поближе, детвора сидит на полу перед самым экраном и блаженствует, беспрерывно шмыгая носом.

Пыхтит движок за стеной на улице. Мягко стрекочет аппарат. Острый желтый луч распыляется в темноте. Красивая городская женщина Анна Каренина, к всеобщему неодобрению, «гуляет от мужа»...

В перерывах между частями зажигается свет. Парни начинают дурашливо подмигивать девушкам, девушки смущаются, пожилые терпеливо ждут продолжения картины, малыши затевают возню.

— Клавонька! — Настя толкает Клаву Сивергину локтем.— Гляди, вон сбоку, в кепке, на тебя уставился. Уже третий раз замечаю.

Клава пожимает плечами. Но минуту спустя слегка поворачивает голову. Взгляд встречается со взглядом — стойким, откровенно тебе предназначенным, горящим взглядом другого человека. Щеки Клавы вспыхивают. К счастью, свет гаснет. Стрекочет аппарат...

Следующая часть тянулась дольше других, кроме того, артисты стали хуже играть. Когда опять зажегся свет, Клава, ужаснувшись своей смелости, сразу же, в открытую посмотрела туда. И опять навстречу взгляд. Худощавое лицо, волна темных волос, стойкие, чересчур стойкие глаза. На затылке кепка... Ой, ну, конечно, та самая, рыжая, с веснушками! Тогда, на берегу, она не видела его лица за сеткой накомарника, но почему-то теперь это лицо кажется узнанным, знакомым... Э, да он улыбается ей? Это уж слишком! Клава хмурит брови и отворачивается.

— Смешно,— говорит ей Настенька,— понавезли в магазин рыжих шапок в крапинку. Петя купил, Гришка купил, и остальные все ребята... Ходят теперь одинаковые и будто грибы поганые. А что поделаешь, если никаких других не привезли? Верно ведь?..

И тут только Клава замечает, что на головах и в руках большинства парней оранжевые кепки с белыми веснушками. Значит, если бы он сам не выдал себя, никогда бы ей не узнать того, который смотрел ей вслед и махал веслом, того, которому она оставила в лодке ворох росистой черемухи...

Благодарное чувство (Ой, погоди, за что? За то, что сам объявился?), теплое, сладкое, наполняет грудь. Клава медленно, плавным движением шеи поворачивает лицо. Взгляд во взгляд. Глаза его погрустнели, темный чуб печально осыпался на лоб. Чем она его обидела? Разве тем, что нахмурила брови? Нет, нет... Злющие клавины губы трогает ясная улыбка. Гаснет свет...

На Верхней Печоре переезд кинопередвижки — затруднительное дело. Бездорожье. Своенравна великая река. Поэтому, добравшись до места, механик крутит по три картины за вечер. Одну открутил — выпроваживает зрителей на улицу. Приобретайте билеты. До начала сеанса пять минут. Заграничный фильм из африканской жизни, вторая серия...

Светла ночь, на все небо одна звезда, розовая, моргающая в вышине. Тихо кругом, только надсадно стучит движок. Прижавшись друг к другу от внезапной ночной прохлады, Клава и Настя стоят возле клуба. Настенька с любопытством оглядывается на выходящих из двери людей, а Клава боится оглянуться. В такт движку колотится ее сердце.

Он появляется перед ней — высокий, сразу загородив собою полнеба вместе с единственной звездой. В зубах папироска.

— Третью картину тоже решили смотреть?

— Будем. Интересная,— с готовностью вступает в разговор Настенька.

Но он пропускает эти слова мимо ушей. Он смотрит на Клаву.

Неизвестно, кто за нее подумал, кто за нее говорит:

— Не знаю. Надоело уж... К тому же первой серии я не видела...

— Вам в село? Давайте перевезу.

Он мягко, но уверенно берет ее под руку. И Клава идет с ним рядом, успев лишь заметить, что Настенька, как и подобает истинной подруге, кривит губы и передергивает плечиком.

— Меня зовут Николай. А вас?

Они идут сыпучей лесной дорогой. Черные сосны поскрипывают в тишине. Потом начинается молодняк: крохотные сосенки — два — три ежастых пальца, от земли не видно.

— Смотрите под ноги,— просит Клава.— Наступили...

— Извиняюсь,— раскаянно говорит Николай и, присев на корточки, осторожно выпрямляет росток, нежно гладит свежую хвою.— Ишь, какой! А ведь мы тут рубили начисто...

Клава удовлетворена.

У берега на них набрасываются комары. Николай заботливо отгоняет их от ее лица, а один раз даже легонько шлепнул Клаву ладонью по лбу. Оба рассмеялись.

— А где ваш накомарник? — интересуется Клава. Ей кажется, что в этом вопросе кроется очень важный смысл.

— Накомарник? Дружку подарил. Достал у геологов диметилфлолат.— Николай с явным наслаждением выговаривает трудное слово.— Мировая мазь! Видите? Ни один комар не садится!

Лодка скользит по воде. Маленькая птица-кедровка пронесла над рекой большую кедровую шишку — вот и все, что успела заметить Клава Сивергина, таким коротким показался ей путь от берега до берега.

Потом произошло вот что. Битый час стояли они у крыльца, разговаривая о том, о сем — о разной ерунде. Раннее солнце лизнуло кромку леса.

— Пора вам. Завтра на работу...— сказала Клава.

И тогда он уверенно взял Клаву за плечи и поцеловал ее, нецелованную. Клава не вырвалась и не надавала ему по щекам, как это положено делать. Она смотрела, как поднимается над лесом круглое солнце, и удивлялась тому, что конец света, очевидно, откладывается.

— Уходите. До свидания.

* * *

Утро ветрено и солнечно. Из окна Клава видит, как гуляет по Печоре моряна: в мелкие кудри, белые, как гроздья заречной черемухи, завиваются волны.

Будто и ясно и светло у девушки на сердце, а как неспокойно... Значит, так вот, без спросу, без спасу, приходишь ты, любовь?

Из щербатенького зеркала на Клаву глянули совсем чужие глаза: уже не так широки, а лениво прикрыты ресницами, уже никого не ждут — дождались. Отвела рукой за спину косы, тряхнула ими: «А ведь красивая девка Клавка!»

Но тут же, изругав себя стервой, Клава застегнула на все пуговицы тужурку с зелеными петлицами лесничества, перекинула планшетку через плечо и вышла из дому.

Через час она уже была в конторе Мамыльского лесопункта.

— Зачастила к нам, барышня! — заулыбался, поднимаясь из-за стола, начальник лесопункта Юрков.— Может, кого-нибудь из наших хлопцев на прицел взяла?

Клава едва не ахнула. Вездесущему начальнику лесопункта принадлежало изречение о том, что в Мамылях известно не только, кто с кем вчера целовался, но и кто с кем будет целоваться завтра...

— Шуточки, товарищ Юрков! — сказала она строго.— Вот акт. Хотите — читайте, хотите — так подписывайте.

— Почитаем, почитаем, почитаем...

Он бормотал это «почитаем», пока не прочел до конца, и все тише. Потом с безысходной тоской посмотрел на Клаву.

— Тридцать тысяч... Клавдия Петровна, вы знаете, что такое тридцать тысяч рублей? Держали когда-нибудь такие деньги в руках?

Клава припомнила: не держала — и сказала:

— Не имеет значения.

— Неужели вы думаете, что мне легко вот так вынуть и положить тридцать тысяч из государственного кармана?

— Можете из собственного.

Юрков протяжно свистнул.

— Штраф за неправильную порубку платить придется,— твердо повторила Клава.— Расписывайтесь.

— Нет уж, голубушка, давайте съездим на делянку, а там видно будет...

— Правильно. Поедемте.

То ли из вежливости, то ли со злости он усадил Клаву в кабину грузовика, а сам полез в кузов. Машина затряслась по частым ребрам лежневой дороги. Шофер — курносенький великан, каких в изобилии плодит славная вологодская земля, вел грузовик осторожно и за всю дорогу не проронил ни слова. Только изредка он косился на Клаву, вздыхал и тогда вдохновенно выжимал педаль. Простодушно-кокетливая веточка черемухи торчала из-за зеркальца в кабине.

«МАЗ» грохочет по лесной дороге. Ему навстречу похожие на головастиков трелевочные тракторы волочат связки гибких сосновых стволов. Пронзительные голоса электропил режут ясный воздух. То тут, то там мелькают оранжевые в веснушках кепки — и Клава вздрагивает, подается к ветровому стеклу...

На седьмом километре из кузова постучали в окошко. Шофер притормозил. Кто-то, тоже в рыжей фуражке, забрался в кузов. Десятый километр. Клава выходит из кабины.

Здесь тишина. Прошлогодняя вырубка. Голо. Только несколько островерхих сосен стоят на опушке — им зачинать новый лес...

— Клавдия Петровна, познакомьтесь, виновник торжества...

Клава оборачивается.

Рядом с начальником лесопункта стоит он. Худощавое лицо, набок темная волна волос, стойкие, чересчур стойкие глаза.

— Гуров, мастер леса,— представляет начальник лесопункта.

— Сивергина,— очень тихо говорит Клава и протягивает руку.

Они идут втроем по вырубке, обходя трухлявые пни. Клава чувствует, как у нее перехватывает дыхание, и старательно откашливается:

— Ваша делянка?

— Моя. Прошлогодняя.

— Сучья почему не сожгли? Пни высокие оставили. Щепок набросали, коры...

— Так ведь лес рубят — щепки летят!

О, да он, кажется, улыбается? Заглядывает ей в глаза?..

— А о пожаре подумали? — очень сухо продолжает Клава.— О том, что могут возникнуть болезни деревьев? — И, уже обращаясь к Юркову: — Тридцать тысяч из своего кармана платить будете или за счет лесопункта раскошелитесь?

— Раскошелимся...— говорит начальник лесопункта и бросает не очень ласковый взгляд на мастера леса.

Клава замечает, как печально осыпается из-под кепки волнистый чуб, как, повиснув, удлиняются большие руки Николая. Ей делается нестерпимо жалко его. Поэтому, круто повернувшись, она идет к машине.

— Товарищ Сивергина!

Клаве кажется, что шепни ей сейчас кто-нибудь самое нежное слово, ей не было бы оно приятнее. Николай догоняет ее. Он порывисто дышит, должно быть, от бега. Он останавливается перед ней и опять старается заглянуть в глаза.

— Клава... Вот так встреча! Но об этом ладно... потом... вечером...

«Вечером!»

— Клава, послушай... Тут моя вина: проглядел. Верь слову, сегодня приду с ребятами, очистим вырубку.

— Хорошо сделаете. Но штраф лесопункт все-таки уплатит.

— Нет, погоди... Мы же на первое место в этом квартале метим. А тут сраму не оберешься!

— Штраф лесопункт уплатит.

Взгляд во взгляд. И он первым опускает глаза. Но ненадолго. Насмешливые, сощуренные, скользят они по Клавдии — с ног до головы. Руки в карманах.

— Товарищ Сивергина, правда, что вас иногда «лешачихой» зовут?

Горький комок подступает к горлу девушки. И она говорит:

— Правда.

Он каменеет. Потом растерянно стаскивает с головы рыжую кепку и ерошит волосы.

Клава идет к машине.

— Кла...

«МАЗ» мчится по лесу. Курносый шофер, вздыхая, выжимает педаль. Веточка черемухи колеблется над зеркалом. А в зеркале глаза. Теперь они не раскрыты удивленно и не сощурены от счастья. Теперь они сурово и прямо смотрят перед собой. Так вот ты какая, любовь? Или вовсе это была не любовь?.. Почему была? Она есть.

Человек, заслонивший полнеба с единственной звездой. Он нежно гладит свежую хвою сосенки-первогодка. Он уверенно берет клавины плечи и целует ее. Он сует руки в карманы и меряет ее взглядом с ног до головы. Он растерянно ерошит волосы и говорит: «Кла...» Это будет трудная любовь. Но это ее любовь. И она не отступится.

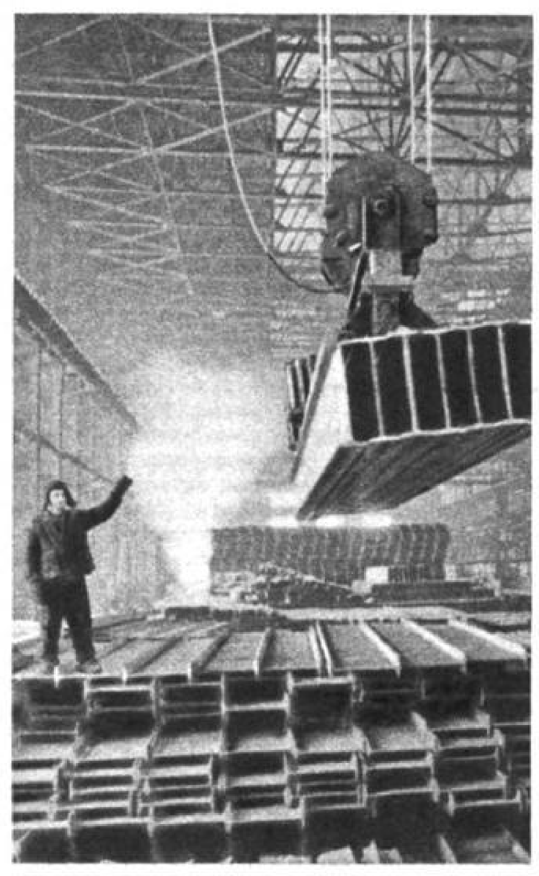
Грузовик затормозил на берегу, у бензобаков. Ветер утих, кончилась моряна. Вода Печоры зеленоватая, гладкая. Лодка движется наперерез. Наметанным глазом определив, куда отнесет лодку течение, Клава, не торопясь, пошла вдоль берега.

— Эй!

Сквозь зелень кустарника продирался ее молчаливый сосед — курносый лесопунктовский шофер. Ворох пенистой черемухи у него в руках.

— Постойте!.. Это вам. Должок. Третьего дня в лодке забыли.

СТАЛЬНАЯ БАЛКА СТАЛА ЛЕГЧЕ



Погрузка партии двутавровых балок облегченного профиля.
Фото А. Грахова.

Инженер И. Я. Винокуров вынул из ящика письменного стола два небольших образца стальных двутавровых балок. Такие балки широко применяются в строительных конструкциях и в машиностроении.

— Надеюсь, вы видите разницу?

Разница была очевидна: стенки и полки одной балки были намного тоньше, чем другой.

— А прочность обоих профилей почти одинакова,— сказал Винокуров.— Теперь посудите, какая огромная экономия металла будет достигнута при внедрении в строительство облегченных профилей. Есть здесь, правда, трудности, но это уже касается проката.

И. Я. Винокуров, инженер Ново-Тагильского металлургического завода, был в Москве на Всесоюзном совещании по рационализации профилей проката. Там широко обсуждался опыт новотагильцев.

В рельсо-балочном цехе Ново-Тагильского завода впервые в стране была проведена опытная прокатка улучшенных профилей двутавровых балок. Значительно уменьшив толщину стенок и полок балки и несколько увеличив ширину полок, в цехе добились большой экономии стали. В среднем каждая балка стала легче на 130 килограммов.

Освоение новых, экономичных профилей представляло немалые трудности, но все они были преодолены. Завод освоил производство тонкостенных балок № 24 и № 30.

— Только в нашем цехе,— сообщил начальник рельсо-балочного цеха Станислав Владимирович Губерт,— из металла, сэкономленного за год на прокатке двутавровых балок, можно будет изготовить 560 километров железнодорожного пути. Помимо того, мы осваиваем прокатку нового, экономичного типа хребтовых балок железнодорожных вагонов. Вес каждой балки снизится на 18 процентов. Благодаря этим экономичным профилям, имеющим достаточно высокую прочность, за год удастся сберечь такое количество стали, которого хватит на изготовление хребтовых балок для 5 500 вагонов.

В докладе на июльском Пленуме ЦК КПСС Н. А. Булганин отметил, что значительную экономию металла можно получить за счет более рациональных профилей проката. Создание и применение экономичных типов проката позволят построить дополнительно тысячи машин, новых жилых домов и промышленных сооружений.

А. ГРИГОРЬЕВ

Письмо Ф. М. Достоевского

Недавно в Центральный государственный архив литературы и искусства СССР на постоянное хранение поступили документальные материалы педагога и литератора Л. И. Поливанова (1838—1899).

В семейной переписке Поливановых оказались письма Ф. М. Достоевского. Эти письма ценны прежде всего тем, что показывают Достоевского в период работы над романом «Братья Карамазовы», в последние месяцы жизни писателя.

Ниже публикуется письмо Ф. М. Достоевского к М. А. Поливановой, подлинник которого находится в Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР.

Н. ЧЕРНИКОВ

Петербург, Кузнечный переулок, близ Владимирской церкви, дом № 5, кв. 10.
18 октября <18> 80

Глубокоуважаемая Марья Александровна,

Я сегодня получил уже третье письмо Ваше со времени моего Вам ответа, и вот только на третье урвал минуту Вам ответить. Как ни неправдоподобно, а Вы должны собрать всю силу Вашего дружества и мне поверить: не отвечал потому, что было некогда! Вы, конечно, не поверите, но, возвратясь из Москвы в Старую Руссу, я до самого 6-го октября (день выезда из Руссы) все писал, день и ночь. Знаете ли, что я в этот срок написал более 15 печатных листов, и какой работы: по пяти раз переделывал и переправлял написанное. Не мог же я кончить мой роман кое-как, погубить всю идею и весь замысел.

2-го сентября я выслал в «Русский Вестник» вот то, что в нем теперь напечатано, и думал было написать Вам, хотя голова была как в чаду, а нервы надорваны, но меня разбил жестокий припадок падучей моей болезни, и до самого 10-го числа я не мог уже ничем заняться, с 11-го же числа по 30-е я опять сел за работу и написал 5 печатных листов, т. е. 80 страниц самых для меня капитальных из всего романа! Какие уж тут письма?

Вспомните, Марья Александровна, об моем здоровье и моих нервах: для меня ничего нет ужаснее, как написать письмо. Если я чем занимаюсь, т. е. пишу, то я кладу в это всего себя, и после написания письма я уже никогда не в состоянии в тот день приняться за работу. Между тем, я пишу самые обыденные, самые недостаточные письма, особенно тем, которым хотелось бы что сказать. Мне всё кажется, что я и сотой доли не успеваю высказать и от этого всегда мучусь.

С 7-го октября я в Петербурге и, верите ли: звонок за звонком, кофею не дадут напиться: то приходят от студентов и от гимназий с просьбами читать, то с своими рукописями: прочтите, дескать, и пристройте в какой-нибудь журнал, Вы-де со всеми редакциями знакомы, а я ни с одной не знаком, да и не хочу знаться. Верите ли, у меня накопилось до 30 писем — все ждут ответа, а я не могу отвечать. Думаю отдохнуть, развлечься, книгу прочесть — ничуть не бывало.

Вот завтра чтение (19-го октября) в пользу Литер<атурного> Фонда, и я не мог отказать. Со знакомыми не мог увидеться, ни одного собственного дела не мог исправить. А с 20-го числа, послезавтра, должен сесть работать, чтоб написать заключительный эпилог романа для «Русского Вестника». Поймите же, что у меня нет, нет ни одной минуты. А нервы расстроены, и угрызения совести: что обо мне подумают те, которым я не отвечаю, что скажут. Я Аксакову [1] на самое интересное и нужное мне письмо вот уже 2 месяца не могу ответить. Верьте же, что я с детьми даже перестал говорить, гоню их от себя, вечно занятый, вечно расстроенный, и они говорят мне: не таков был ты прежде, папа,— и всех-то я обозлил, все-то меня ненавидят.

Здесь в литературе, в журналах не только ругают меня как собаки (все за мою речь, все за мое направление [2]), но под рукой пускают на меня разные клеветливые и недостойные сплетни. Будьте же человеколюбивы и не сердитесь на меня. Не сердитесь и за то, что я три четверти письма употребил на описание себя и своего положения.

То, что Вы мне открыли, у меня осталось на сердце. Конечно, никакая сделка невозможна, и Вы правильно рассуждаете и чувствуете. Но если он [3] становится другим, то хотя бы и продолжал быть перед Вами виновным, Вы должны перемениться к нему — а это можно сделать безо всякой сделки. Ведь Вы его любите, а дело это давнее, наболевшее. Если он переменится, то будьте и вы дружественнее. Прогоните от себя всякую мысль, что Вы тем даете ему повадку. Ведь придет же время, когда он посмотрит на Вас и скажет: «Она добрее меня» — и обратится к Вам. Не безмолвным многолетним попреком привлечете Вы его к себе. Да, впрочем, что ж я Вам об этом пишу? (Может быть, еще и обижаю Вас). Ведь если я и знаю Ваш секрет, то сколько бы Вы мне об этом ни написали — все-таки останется целое море невысказанного и которого Вы и сами не в силах высказать, а я помочь. И не слишком ли Вы увлекаетесь, думая про меня, что я могу столько значить в Вашей судьбе? Я не смею взять столько на себя. Жду полного снисхождения от Вашего дружелюбия ко мне. Желал бы Вам сказать много теплого и искреннего — да что можно высказать на письме? До свидания. Я Вас глубоко уважаю и предан Вам всей душой. Пишите мне, если захотите.

Теперь ночь. Надо спать, чтоб завтра быть свежим. Если меня публика примет холодно, то какая будет радость всем, терзающим меня в газетах: «А, значит, и общество от него отвернулось». Не самолюбие говорит во мне, но из-за идеи не хотел бы доставить им эту радость. Я не стыжусь Вам во всем этом признаться.

Ваш весь Ф. Достоевский.

Верите ли, что у меня нет времени поехать в Главное Управление печати и подать просьбу об издании Дневника в будущем году. До сих пор не ездил, а время уходит, пора публиковать.

1. Аксаков Иван Сергеевич (1823—1886) — поэт и публицист. На упоминаемое письмо Аксакова Достоевский ответил 4 ноября 1880 г. и, между прочим, писал: «Ваш тезис мне о тоне распространения в обществе святых вещей, т. е. без исступления и ругательств, не выходит у меня из головы. Ругательств, разумеется, не надо, но возможно ли быть не самим собою, не искренним? Каков я есть, таким меня и принимайте: вот как бы я смотрел на читателей. Заволакиваться в облака величия (тон Гоголя, например, в «переписке с друзьями») есть неискренность, а неискренность даже самый неопытный читатель узнает чутьем».

2. Имеется в виду речь, произнесенная Достоевским на торжествах по случаю открытия памятника А. С. Пушкину в Москве 8 июня 1880 года.

3. Упоминается Л. И. Поливанов.

Памятные места

Петербург Достоевского — это не «город пышный», но «город бедный». Своих униженных и оскорбленных, бедных людей он находил в районах Сенной площади и Екатерининского канала, Вознесенского проспекта и его бесчисленных переулков. В 60—70-е годы прошлого столетия эти улицы были густо населены «петербургским людом третьей руки».

Были годы в жизни писателя, когда он ежедневно проходил по Вознесенскому проспекту (теперь имени Майорова), направляясь в редакцию журнала «Время». Тогда писались «Униженные и оскорбленные». И на Вознесенском проспекте и в его переулках разыгрывается целый ряд сцен романа.

Редакция «Времени» находилась в большом угловом доме, выходившем на Екатерининский канал и Малую Мещанскую (теперь это Казначейская) улицу. А Достоевский жил тогда в 3-й роте, в доме № 5, принадлежавшем Палибину.

Здесь в квартире № 10 (а потом в квартире № 12) он пишет свою книгу «Записки из мертвого дома». Здесь же написаны и «Униженные и оскорбленные». Дом б. Палибина сохранился почти в том же виде, какой он имел при Достоевском.

С 1864 по 1867 год Достоевский жил в доме Алонкина. Здесь он написал «Преступление и наказание», здесь диктовал «Игрока» стенографистке Анне Григорьевне Сниткиной, которая вскоре стала его женой.

Сам Достоевский письма той поры помечал так: Столярный переулок, близ Кокушкина моста.

Дом б. Алонкина. Здесь Ф. Достоевский работал над произведениями «Преступление и наказание» и «Игрок».

Дом б. Палибина, где написаны «Записки из мертвого дома» и роман «Униженные и оскорбленные».

А ведь это «адрес Раскольникова». Раскольников жил «в С-м переулке, у К-на моста, рядом с Сенной...» Тут же — Екатерининский канал, куда выходили окна дома старухи-процентщицы, где в «трехэтажном, старом доме» жила Соня Мармеладова.

Дом б. Алонкина — это дом № 7 по Казначейской, № 14 по улице Пржевальского (б. Столярный переулок). Достоевский жил здесь во втором этаже. Дом надстроен, но вход на лестницу, которая вела в квартиру Достоевского, остался таким же.

Р. ЗЕВИНА,
С. БАРСКИЙ

Федор Михайлович Достоевский родился в 1821 году, умер в 1881. Ему было четыре года, когда на Сенатской площади в Петербурге Николай I стрелял из пушек по войскам, отказавшимся принести присягу новоиспеченному самодержцу. Только один месяц не дожил Достоевский до 1 марта 1881 года, когда под колесами кареты Александра II разорвалась бомба, брошенная народовольцем Гриневицким.

В жизни и творчестве Достоевского нашли свое отражение многие стороны русской действительности прошлого столетия. Не только очевидцем событий своего времени был писатель. Он находился в центре этих событий. На него самого легла тяжелая длань самодержавия. Дорогой ценой заплатил он за участие в революционном кружке Петрашевского. Достоевский был арестован по доносу провокатора, сидел в одиночном каземате Петропавловской крепости, был приговорен к смертной казни, вместе со своими друзьями как «государственный преступник» стоял на Семеновском плацу, ожидая расстрела. В последнюю минуту последовала «милость» Николая, заменившая смертную казнь сибирской каторгой. Четыре года провел Достоевский на каторжных работах в омской крепости. «Это об вас писано»,— указывая на свою поэму «Несчастные», говорил Достоевскому его современник Некрасов. Сам Достоевский изобразил русскую каторгу в книге «Записки из мертвого дома», изумительной книге, поведавшей о том крае света, куда ссылались непокорные со всей России.

По выходе из тюрьмы Достоевский пять лет нес тяготы солдатской жизни. Жестокая расправа была учинена николаевскими жандармами над человеком, литературный талант которого уже сказался в первом произведении, «Бедные люди», получившем восторженное признание Белинского. Критик отмечал необыкновенность, силу, глубину и оригинальность таланта молодого писателя.

Летопись жизни Достоевского насыщена трагичными фактами и обстоятельствами. Они известны всем, кто знаком с судьбой выдающегося русского писателя. Острая материальная нужда преследовала Достоевского даже тогда, когда он уже достиг славы и в России и за границей. «Я литератор-пролетарий»,— говорил о себе Достоевский. Сама жизнь писателя направляла его мысль к обитателям подвалов и чердаков, городских трущоб, к униженным и оскорбленным. Сердце Достоевского было широко открыто для человеческого горя. Он не проходил мимо этого горя, и на страницах его книг слышен стон, чувствуется боль человеческой души. Счастливых людей, пожалуй, нет среди героев этих книг. Нет в них героев, о которых можно было бы сказать: вот кому живется весело, беспечно, вольготно на Руси... Людям, ищущим в художественной литературе забвения и отдыха, звуков сладких и молитв, романы Достоевского трудны, сложны, с героями Достоевского им хочется расстаться на полдороге. Но люди, не боящиеся тяжелых и мрачных впечатлений прошлого, люди, изучающие то, что было в старой России,— эти люди не отвернутся от «жестокого таланта» Достоевского, они снова и снова обращаются к его творчеству, справедливо считая, что в этом творчестве нашла свое отражение старая Россия, боль и мука ее народа, страшные противоречия былого.

Да, Достоевский — трудный, сложный писатель. И если у нас принято называть писателя инженером человеческих душ (инженер же есть строитель, созидатель), то не следует ли рудокопом человеческих душ назвать Достоевского? В сокровенных глубинах, в тайниках психологии искал писатель материал для своих произведений, много руды перекопал он, отыскивая золото человеческой души, и поражаемся мы поистине титанической работе, свершенной им.

Перу Достоевского принадлежат повести и романы, вошедшие в фонд русской классики, снискавшие широкую известность во многих странах — европейских и азиатских. В этих романах перед читателем предстает русская жизнь второй половины прошлого столетия. Читатель встречается в книгах Достоевского с целой галереей героев разных классов и сословий старой России. Живыми людьми, с плотью и кровью, с мыслью и речью предстают перед читателями герои книг «Бедные люди», «Преступление и наказание», «Село Степанчиково и его обитатели», «Идиот», «Подросток», «Братья Карамазовы». Бедный и благородный человек Макар Девушкин, недоучившийся студент Родион Раскольников, спившийся чиновник Мармеладов и его несчастная чахоточная жена Катерина Ивановна, девушки Соня Мармеладова и Дуня Раскольникова, отец и сыновья Карамазовы — все они изображены писателем с такой художественной силой, с такой полнотой, что мы не можем забыть о них, они входят в нашу память, в наше сознание как типы, как характеры. Недаром Горький говорил, что по силе художественной изобразительности талант Достоевского может быть равен только Шекспиру.

Современный французский писатель Фр. Карко рассказывал о впечатлении, какое произвел на него роман «Преступление и наказание»: «Пять дней подряд, запершись в своем углу в меблированных комнатах, я зачитывался им. Второе, третье, четвертое чтение ни в чем не ослабили мощных ощущений, пронизывавших все мое существо. Звук колокольчика, в который вслушивался Раскольников, вернувшись к дверям старухи-процентщицы, казался мне тем самым, какой раздавался внизу, в передней, когда ночью им будили спящего там слугу. Я вздрагивал всякий раз, как какой-нибудь запоздалый жилец дергал звонок...»

Достоевский дорог нам, советским людям, как беспощадный обличитель старой России. Нищета, голод, бесправие людей, стоявших на нижних ступеньках общественной лестницы, нашли в его книгах правдивое и глубокое отражение, не смягченное ни филантропической сентиментальностью, ни христианской умиленностью. Достоевский дает жизнь во всей ее наготе. Может быть, можно упрекнуть его в излишнем сгущении тонов и красок, в повторении уже раз сказанного, в нарочитости. Еще Белинский отмечал натянутость в повести «Хозяйка» и «фантастический колорит» в повести «Двойник». Много крайностей у Достоевского. Болезненность восприятия жизни порой ложится пятнами на некоторые страницы его книг. Но эти особенности художественной манеры Достоевского не умаляют, однако, величия писателя-реалиста.

Эпоха крепостничества, не окончившаяся 19 февраля 1861 года, нашла в Достоевском своего прямого врага. С нескрываемой ненавистью писал Достоевский о последних могиканах той эпохи, о барах и господах. Столь виновны крепостники-рабовладельцы перед народом, перед крестьянством, что даже в последующих поколениях идет расплата за эту вину: сыновья Карамазова отвечают за преступления, грехи своего отца. Разложение коснулось и Дмитрия и Ивана Карамазовых. Под стать им и барич Николай Ставрогин из романа «Бесы», романа, в котором выпады писателя против революционной молодежи и даже прямая клевета на деятелей революционного подполья соседствуют с беспощадной сатирой на русское барство и его либеральных прихлебателей.

Достоевский в отличие от ряда писателей, приветствовавших появление буржуазии, не был ни в какой мере апологетом нового класса, народившегося в России. Буржуа ему в такой же степени противен, как и помещик. Тип буржуазного дельца изображен в образе Лужина из «Преступления и наказания». Живые человеческие чувства задавлены в этом хищнике расчетом, корыстью, жаждой приобретательства. «Возлюби прежде всех одного себя, ибо все на свете на личном интересе основано». Таков символ веры Лужина. Господин этот во всех случаях жизни поступает в соответствии со своим подлым принципом. У него нет любви ни к хорошей девушке, которую он захотел было облагодетельствовать своим бракосочетанием с нею, ни к людям, с которыми он встречается, ни к России, хотя и носит он русский паспорт в кармане...

Писатель одинаково враждебно относился и к доморощенному приобретателю и к зарубежному капиталисту. Европейский капитализм нашел в Достоевском своего обличителя. В этом отношении большой интерес представляет очерк «Зимние заметки о летних впечатлениях», рисующий картины Парижа и Лондона. Капиталистическому городу Достоевский дает выразительное название «Ваал». Внешняя красота «Ваала» не скрыла от взгляда Достоевского нищеты, голода, проституции, разврата — язв капиталистической «цивилизации». Достоевский выступает против того, что капиталистическая «цивилизация» претендует на господство своей культуры над миром. «Англиканские священники и епископы,— писал Достоевский,— горды и богаты, живут в богатых приходах и жиреют в совершенном спокойствии совести... У этих убежденных до отупения профессоров религии есть одна своего рода забава: это миссионерство. Исходят всю землю, зайдут вглубь Африки, чтоб обратить одного дикого, и забывают миллион диких в Лондоне за то, что у тех нечем платить им».

Но, обличая царство буржуа и помещика, давая правдивые картины суровой действительности, Достоевский не только не видел правильного пути борьбы с «царюющим злом», но и нередко выступал против революционеров, против социализма, избавляющего трудовой народ от цепей капиталистического рабства. Мировоззрение Достоевского было ограниченным; его сближает с Л. Н. Толстым реакционная проповедь непротивления злу, утопический призыв к нравственному самоусовершенствованию человеческой личности, обывательский страх перед революционными переворотами. Отсталые взгляды и реакционные мысли писателя есть в ряде его художественных произведений, в публицистических статьях. Сила Достоевского — в созданных им человеческих типах и характерах, в его языке — таком русском, образном, ярком, метком. Сила Достоевского — в его изумительной живописи словом.

Эта сила была признана при жизни писателя. Она выдержала испытание временем. Художественное творчество Достоевского — вклад в национальную культуру России. И, отмечая 75-летие со дня смерти Федора Михайловича Достоевского, мы чтим его как великого писателя России, обогатившего мировую литературу бессмертными произведениями.

И. РЯБОВ

ИЗГНАНИЕ

Из повести «Здесь жил Достоевский»

Мих. **НИКИТИН**

Рисунок **В. ВЫСОЦКОГО.**

...Грустная была минута переезда через Урал. Граница Европы, впереди Сибирь и таинственная судьба в ней. Назади все прошедшее...

Из писем Достоевского.

В канун рождества он стоял на часах у дверей батальонного магазина. Ни одно существо в мире не угрожало целости сургучных печатей, которые он должен был охранять. В полном одиночестве посреди обширных сугробов он без малейшей помехи мог предаваться невеселым думам...

Ровно пять лет назад началось для него изгнание.

Кому-то, Дубельту, может быть, а может быть, и самому императору, понадобилось приурочить это событие к рождественской ночи.

Днем ему позволили проститься с братом, а ночью заковали в кандалы и вместе с Дуровым и Ястржембским вывели из ворот тюрьмы. Вели их поодиночке, каждого в сопровождении жандармов. Он шел впереди, спотыкаясь от непривычки к кандалам.

Первым, что он увидел на улице, был висевший под аркой ворот продолговатый, суженный книзу фонарь.

Затем предстала вереница открытых саней; они, как при театральном разъезде, протянулись вдоль забора, а над ними фонарь раскачивался от ветра и разбрасывал неровный свет. Разорванные тени метались на снегу,— вот рука вскинулась, вот промелькнули очертания двух киверов, вот протянулся и переломился пополам длинный силуэт ружья. Все это было бы похоже на дурной сон, если б он не слышал скрипения фонаря и кладбищенского звона поземки.

Конвойные рассадили их поодиночке, каждого в отдельные сани. Ему досталась последняя подвода. Усаживаясь, он забыл о кандалах и так нерасчетливо занес ногу, что споткнулся и, наверное, сунулся бы носом, если б жандарм не поддержал его.

Как живо запомнились события этой ночи!

Когда жандарм уселся рядом и старческий голос крикнул с передней подводы. «С богом!» и вереница саней помчалась по ночному городу, он жадно стал вглядываться в проносящиеся мимо дома и переулки.

Он прощался с каждым домом, с каждой улицей, с каждой площадью, он заглядывал в празднично освещенные окна и с грустью думал о тихой радости людей, которые в этот ночной час деятельно готовятся к святочному веселью. Ах, отчего отринул он эти простые радости во имя призрачной жизни духа, замкнувшегося в безумной и жестокой гордыне?

Да, он отказался от обыкновенной жизни, он встал над обыкновенной жизнью, пытаясь постичь тайные ее законы, и вот судьба покарала его и сняла с плеч голову, которая хотела жить одной только правдой искусства. Такие мысли — он отчетливо их запомнил — владели им в этот грустный и решающий час.

Когда же сани промчались мимо дома Краевского и он на мгновение увидел сквозь большие стекла окон веселые огни елки, сердце его дрогнуло и затосковало неудержимо. При утреннем прощании брат Михайла зачем-то сказал, что племянники вечером пойдут к Краевскому, и теперь он вспомнил об этом, и ему представилось, как беззаботно пляшут они сейчас, любуясь сказочными огнями елки и не помышляя о его участи.

«Прощайте, детенки, быть может, навсегда прощайте!» — с отчаянной грустью шепнул он и тут же стал успокаивать себя, стал утешать теми же доводами, какими утешал утром заплаканного и до полубеспамятства потрясенного брата: «Только не унывать, только не падать духом... Не в гроб же я ухожу, не в могилу, не в землю. Жизнь везде есть жизнь, и быть человеком среди людей — это самое важное...»

Так уговаривал он себя, сидя бок о бок с жандармом, но благоразумные придумки не помогали, и сердце его ныло и безутешно тосковало.

Сани между тем мчались вперед, удаляя его от того, чем он жил до сих пор. Мелькали окна, заборы, здания, пролетали памятные места и закоулки... Вот и Владимирская, вот бу-

лочная, в которую он по утрам бегал за булками...

Вот дом, в котором ему так славно жилось с Григоровичем.

Он чуть приметно поклонился окну своей комнаты. Здесь обитали уже другие люди, которым никакого не было дела до того, что он населил эту комнату гордыми мечтами о славе, что он перевел здесь «Евгению Гранде», а после написал «Бедных людей». Прощай, одинокая келья, приют высоких помыслов и вдохновенно чистого труда!

А вот и переулок, в котором он целую ночь бродил после первого и на всю жизнь памятного свидания с Белинским. «Неужто я и впрямь так велик?» — думал он тогда, стыдясь, и радуясь, и ног под собой не чуя.

Мальчишеский вздор, воспаленная доверчивость души, еще не испытанной и не тронутой жизнью. И как же поплатился он за эту доверчивость мечтателя, расставшегося с привычным одиночеством! Но об этом не надо, об этом — молчанье, молчанье...

И опять мелькали ночные громады зданий, опять наплывали торжественно распахнутые площади, опять проносились чугунные решетки оград и выгнутые арки мостов.

И вот наконец застава.

Полосатый шлагбаум вскинулся и медленно опустился.

Прощай, Петербург! Прощай!

Он в последний раз обернулся и окинул взглядом мучительный город, сияющий тысячью огней.

Кончено, все теперь кончено.

И тут он почувствовал необъяснимое облегчение. Он как-то сразу выпрямился и сказал себе: «Теперь только вперед, теперь только к новому».

Не оглядываясь, не помышляя больше о прошлом, он отдался чему-то непонятному и властному — то ли беспредельному легкомыслию своему, то ли беспредельному любопытству. Он смотрел вперед, хотя впереди клубилась только ночь одна, бесконечно большая и темная. Музыка движения — просторная, прелестно простая — успокаивала его.

Покачивалась широкая спина ямщика, снежная пыль летела в лицо, ветер свистел в ушах, полозья же пели простодушно и дремно. Он уткнулся в теплую шерсть полушубка и, привалясь к плечу жандарма, уснул, как праведник.

Неизвестно, сколько прошло времени; он проснулся оттого, что тело перестало ощущать опору.

Был час зимнего рассвета. Обоз остановился у дома, в котором по намалеванным на вывеске полуштофам и кренделям без труда распознавался трактир. В неясном сумраке утра смутно проступали очертания площади с обледенелым колодцем и невысокими зданиями.

— Шлиссельбург! — громко сказал жандарм.— Ступай в помещение греться.

Он пошевелился и почувствовал, что застыл до костей.

Жандарм помог дойти до трактира.

Избяное тепло, нечистое и угарное, опахнуло его.

Ястржембский и Дуров, расстегнув полушубки, сидели за столом. В стороне, под круглыми часами, примостился старик в теплой шинели. Это был, как догадался он, их новый страж.

Прямой и твердый в плечах, старик хмуро поглядывал на арестантов и выбирал из усов ледышки. Пальцы его, короткие и толстые, были унизаны перстнями, и было похоже на то, что пальцы эти привыкли сжиматься в крепкий кулак.

Но он ошибся в старом фельдъегере, оказавшем им столько добра. Что сталось бы с ними в этом путешествии, если б они лишились покровительства опытного в делах старика?

Почтенный Кузьма Прокофьич начал с того, что напоил их чаем, а кончил проявлением самой тонкой, самой дружеской деликатности: он на время отослал жандармов, а вслед за ними удалился и сам.

Он, должно быть, хотел, чтоб изгнанники, оставшись наедине, переговорили друг с другом и укрепились духом товарищества. Но старый фельдъегерь не понимал, что они так были измучены и потрясены, что уже не могли найти опоры ни в себе, ни в других.

Ястржембский трусил и предвидел разные страхи, Дуров же пребывал в состоянии веселости, нездоровой и какой-то фосфорической. Что же касается его самого, то он как бы отсутствовал. Неестественное оживление Дурова и постыдные страхи Ястржембского подняли в нем такую брезгливость, что он предпочел выйти из разговора. Сказав только две — три фразы, он поднялся и подошел к окну.

Было уже совсем светло. На обширной площади отчетливо виднелись тропинки, проложенные к колодцу. Жизнь постепенно пробуждалась в домах, окружавших площадь. Вот не спеша прошли две старухи в праздничных шалях и шубах. Вот появилась девочка с коромыслом и ведрами. Вот пробежала собачонка, лохматая и черная. Все происходило так, как на окраине Петербурга, в переулке у Садовой или у трактира на Песках.

Он проследил глазами за девочкой и рассмеялся неожиданно, а может быть, и неуместно. Дуров и Ястржембский бросились к нему и встревоженно стали спрашивать, что с ним такое. Он стал объяснять, что с ним ничего и что он только вспомнил, как все эти три года собирался в Италию.

— Согласитесь, это все-таки комично! — все еще смеясь, сказал он.— Мечтал о Риме, о Венеции, о гондолах и синьоритах, а еду... еду в Сибирь.

Ястржембский и Дуров переглянулись, не скрывая удивления перед тем, что им казалось цинизмом или же пустым легкомыслием.

Но ни легкомыслия, ни цинизма не было в несвоевременной его веселости. Это уж всегда с ним бывало, что он терялся от пустейшего вздора и сохранял полное спокойствие перед настоящей бедой. Он хотел объяснить нелепую странность своего характера, но в комнату возвратился фельдъегерь, и разговор поневоле прервался.

Впоследствии он не пожелал вернуться к этому разговору, хотя возможностей было сколько угодно. Старый фельдъегерь не только не притеснял арестантов, но, напротив, заботливо опекал их. Он был не тюремщиком, а скорее снисходительным наставником.

Добрый старик старался возбудить в них бодрость. Лихая, быстрая езда способствовала ему в этом. Ямщики ради святочных дней находились в самом развеселом состоянии духа. В праздничных полушубках, подпоясанные красными кушаками, они, сменяясь на этапах, так бойко вскакивали на облучок и так самозабвенно заливались на перегонах, что все невеселые мысли сами собой улетучивались. Физическая радость движения на какое-то время заставляла забывать мрачную цель путешествия. Вдобавок к этому надо было заботиться о теле, жестоко страдавшем от холода.

Кузьма Прокофьич в согласии с полученным маршрутом вез их не главной дорогой, а каким-то сплошным пустырем. В губерниях Петербургской и Новгородской станки попадались часто. Но, начиная с Ярославской губернии, расстояния стали удлиняться, а ближе к Уралу перегоны сделались так велики, что арестантам иной раз доводилось часов по десять не выходить из кибиток.

Именно такой переезд пришлось им перенести в одну из страшных ночей в Пермской губернии, когда температура упала до сорока. Он в этот переезд замерз буквально до сердца, замерз так, что едва оттаял, едва отошел в спасительном, хотя и довольно-таки вонючем приюте избы.

Это была одна из самых памятных и самых тяжелых минут.

Другую тяжелую минуту пережили они на Урале у пограничного столба с надписью «Европа — Азия».

Остановку у пограничного столба выпросил у Кузьмы Прокофьича поэтический и прекраснодушный Дуров. Было это ночью, тихой и, как стекло, прозрачной. Волнуемые самыми разнообразными чувствами, они поднялись на возвышенное место и остановились перед казенно обыкновенным и в то же время совершенно необыкновенным, почти аллегорическим столбом. В полном безмолвии они некоторое время взирали на дощечку с надписью «Европа» и на другую дощечку с надписью «Азия». Дуров махнул рукой в ту сторону, куда указывала дощечка с надписью «Европа», и торжественно изрек, что там, то есть в Европе, они оставляют жизнь, отданную борьбе за Прометеев огонь. Помолчав, выдержав паузу, он обратился в сторону Азии и с пророческим пафосом возвестил, что здесь их ожидает одно погружение в ничто.

— Отныне,— сказал Дуров,— нашей главнейшей задачей будет достойный расчет по тем векселям, которые мы выдали истории. Что бы ни случилось с нами,— сказал далее Дуров,— мы всегда будем помнить, что на заседаниях следственной комиссии нашими устами говорила правда: мы открыли правительству глаза на страшные язвы России, и отсюда самая диалектика допросов в следственной комиссии должна считаться оправданием и жертв наших, и нашего восхождения на эшафот, и конечной гибели нашей.

Дуров произнес все это воодушевленно и по-настоящему пылко, речь его могла бы потрясти воображение самое заскорузлое, но ему, Достоевскому, некстати открылось, что оратор отлично усвоил огненный слог Барбье, лучшим переводчиком которого Дуров считался в Петербурге. Это его раздражало, и вопреки торжественной минуте он сердито заметил, что для него лично во всей диалектике допросов важнейшим было то одно, что он смог вступиться перед титулованными агентами правительства за несчастливую литературу российскую.

Это была правда.

Он и впрямь вел дебаты с Дубельтом и другими сановниками, восседавшими за судейским столом. С мстительной радостью говорил он им, что звание писателя унижено в России неосновательным и темным подозрением, вследствие которого на писателя еще прежде, чем он напишет что-нибудь, цензура смотрит как на естественного врага правительству[1]. Он говорил так в защиту литературы, и это, быть может, вполне было уместно на заседании следственной комиссии, учрежденной по высочайшему повелению, но совершенно неуместно на перевале в виду Европы и Азии.

Да, это было совсем неуместно, а он не сдержался и прибавил к тому еще и мальчишество, циничное и чрезвычайно дерзкое. Показав рукой на восток, он заговорил об офицерике Черносвитове, который на собрании у Петрашевского приглашал их в Сибирь,— приглашал усердно и, пожалуй, с мефистофельской издевкой.

— Помните ли вы, господа,— смеясь, сказал он,— помните ли вы Черносвитова, который звал нас ехать в Сибирь совершенно таким же слогом, каким Гоголь звал читателей на Украину? Ну, вот мы и едем в Сибирь...

Напоминанием о Черносвитове он окончательно убил всякую торжественность, потому что в этом офицерике они не без основания подозревали доносчика.

Ястржембский, человек с двойным именем, Фердинанд-Иван Ястржембский, с готовностью показавший на допросе, что никто другой, а именно Достоевский распространял письмо Белинского к Гоголю, при язвительной выходке этой понял всю колкость намека и как-то сразу стушевался.

Иначе проявил себя Дуров. Он глянул своими прекрасными, выпукло-бараньими глазами и, выразительно переменившись в лице, молча отвернулся.

С этого, кажется, и началась между ними размолвка, которая окончательно выявилась в каторге.

Дуров трактовал его почти что сумасшедшим, а он, со своей стороны, трактовал сумасшедшим Дурова. Можно ли было, не умерев еще, считать жизнь оконченной? Нет, он не захотел отдаться медленному уничтожению, он в отличие от Дурова твердо решил выжить.

Он непременно должен был выжить, потому что труд его жизни остался незавершенным. Выжить, выстоять! И вопреки всему он выстоял, все перетерпел, и вот теперь замысел нового его сочинения, зародившийся в каторге, обещает многое. Может быть, замысел даже шедевром обернется. Только бы позволили печатать, только бы развязали...

Хруст шагов возвратил его в сумеречный мир. Он вспомнил о своих солдатских обязанностях, крепче перехватил ружье и (до прихода унтера с часовым) стал репетировать про себя формулу сдачи караула...

[1] Показания Достоевского в следственной комиссии по делу петрашевцев.

КОГДА НА ТЕРМОМЕТРЕ МИНУС 40

Фото Я. РЮМКИНА.

К старинной башне вплотную подступает большая строительная площадка.

Знатный строитель депутат Верховного Совета Якутской АССР М. Д. Алексеев.

Триста с лишним лет далекому северному городу Якутску. Но настоящим городом стал он за последние двадцать лет. Теперь уже не скажешь, что в нем «нет ни одного красивого здания, ни одной мощеной улицы», как сообщалось в дореволюционном справочнике.

Улица Ярославского... Петровского... Орджоникидзе... Каландарашвили... Курашева...

В одних этих названиях — история Якутии и ее столицы. Орджоникидзе, Ярославский, Петровский были руководителями якутской большевистской организации. «Дедушка» Каландарашвили — командир красноармейского отряда, погибший при освобождении Якутии от белогвардейщины. Ефим Иванович Курашев — один из руководителей партизанского движения Якутии.

...Густой туман, спутник сильного мороза, окутал улицы города. Даже в полдень машины движутся с зажженными фарами. Сквозь пелену проглядывают светложелтые каменные дома, строительные краны, этажи будущих домов.

Вплотную к старинной деревянной башне — одной из пяти вышек якутского острога — примыкает большая строительная площадка. Воздвигаются корпуса филиала Академии наук СССР общим объемом 23 тысячи кубометров.

До недавнего времени в Якутске строили лишь деревянные дома. Громоздкие фундаменты нельзя возводить в условиях вечной мерзлоты: в результате «выпучивания» дом может дать трещину и даже разрушиться при протаивании мерзлоты.

На помощь пришли ученые. Ключ к строительству массивных каменных зданий на вечной мерзлоте был найден: строить надо не на обычных фундаментах, а на железобетонных столбах — сваях — с проветриваемым подпольем. И теперь в центре города возвышается немало красивых каменных зданий: жилые дома, школы, техникумы. Их основания держатся на громадных железобетонных сваях. Под домом все время циркулирует воздух, и «выпучивание» не страшно. Здание филиала Академии наук, например, будет стоять на 156 сваях.

Новое здание Министерства финансов Якутской АССР.

Считалось также недопустимым вести земляные работы и установку фундаментных опор в виде свай в летнее время, так как это нарушило бы структуру мерзлого грунта. Строители Якутска внесли существенную поправку. Они разработали специальный метод, благодаря которому можно производить работы в любое время года.

Было мнение, что в условиях Якутска, все по причинам той же вечной мерзлоты, нельзя устроить центральную канализационную систему. Но и тут строители одержали победу. В 1953 году был сдан первый в городе благоустроенный жилой дом со всеми удобствами. За ним последовал второй, а теперь во всех проектах каменных жилых домов предусмотрены и водопровод и канализация.

Каменное строительство приобрело значительный размах. Сейчас строятся хирургический корпус больницы, стадион «Медик», типография, государственный русский драматический театр, жилые дома. На площадках появились мощные подъемные механизмы. Одновременно строятся деревянные одноэтажные и двухэтажные здания. Только за последние три года сдано 35,5 тысячи квадратных метров жилой площади.

...Термометр показывает 40 градусов ниже нуля. Для многих покажется невероятным, что в такой мороз можно вести строительство. Но в Якутске к этому уже привыкли. Даже кладку кирпичных стен производят в 35—40-градусный мороз, а раньше ее прекращали, как только ртуть в термометре опускалась ниже нуля. Это достигнуто благодаря совершенствованию методов работы при низких температурах, в частности, замораживание при кладке каменных стен вдвое удлиняет строительный сезон.

На стройках Якутска можно встретить каменщиков, маляров, плотников со всей Советской страны. Но ряды строителей все больше пополняются местными кадрами. Якуты строят столицу своей республики.

Б. БАБЛЮК

Якутск.

Возводится многоквартирный каменный дом.

Лучший каменщик «Якутстроя» Г. Г. Хмелидзе. Он приехал на работу в Якутск из Грузии, но уже привык к здешним суровым морозам.

Фото Я. Рюмкина

В якутской тайге. Лесоруб Олекминского леспромхоза Петр Алексеевич Железнов. Включившись в социалистическое соревнование в честь XX съезда КПСС, выполняет нормы на 170—200 процентов.

Фото Я. Рюмкина.

СЛОВО К АРХИТЕКТОРАМ

Проект «Директив XX съезда КПСС по шестому пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1956—1960 годы» обязывает «серьезно улучшить и значительно расширить жилищное строительство. Построить за пятилетие в городах, рабочих поселках и сельской местности за счет государственных средств жилые дома общей площадью примерно 205 миллионов квадратных метров, или почти в два раза больше, чем в пятой пятилетке».

Всесоюзный съезд архитекторов подверг жесткой критике работу многих архитекторов, увлекавшихся внешней стороной строительства, украшательством зданий во что бы то ни стало. Знаменательно, что в дни работы съезда архитекторов к выступлениям его делегатов присоединили свои голоса сами трудящиеся. Каждый день в адрес съезда, а затем и в адрес Союза советских архитекторов из разных городов потоком шли письма. Их писали рабочие, инженеры, строители, ученые, студенты вузов, работники коммунальных учреждений, домашние хозяйки. Это были и самые придирчивые и самые деловые критики работы архитекторов. Да и кто лучше, чем они, знает все недостатки, которые архитекторы допускают, проектируя квартиру или ее оборудование?

Подавляющее большинство писем — а их набралось до тысячи — содержит критику конкретных недостатков строительства и архитектуры, а также советы, как надо проектировать и строить, чтобы жилище удовлетворяло трудящихся.

Мы публикуем выдержки из некоторых писем.

Больше заботы о женщине

Мы, две женщины из одной семьи, смеем думать, что обращаемся к вам, товарищи архитекторы, не только от своего имени, но и от имени многих сотен тысяч женщин. Проектируя дома, вы забываете указание Ленина о необходимости освободить женщину от отупляющей, непроизводительной работы по приготовлению пищи в своей кухне.

Вы обязаны проектировать новые дома и целые кварталы так, чтобы в каждом большом здании или на 3—4 средних дома были столовая или кафе, отпускающие обеды на дом, а также пункт, где бы по заказу приготовляли полуфабрикаты.

Вы не должны больше строить жилых домов, кварталов без предприятий общественного питания!

НЕСТЕРОВА, преподаватель института.
НЕСТЕРОВА, инженер.

Москва.

О пригородном строительстве

На съезде архитекторов не был затронут вопрос об индивидуальном пригородном строительстве. На него следует обратить серьезное внимание. Стоит посмотреть на пригороды Ленинграда из окна вагона, когда подъезжаешь к городу. Неприглядная картина! Жители наших пригородов не могут обеспечить себя овощами, ягодами и фруктами, а сколько пустырей и неиспользуемых земель вокруг Ленинграда, которые зарастают кустарниками и лопухом! Участки для индивидуального строительства следует выделять благоустроенные. Здесь должны быть проложены дороги, произведена выкорчевка пней, обеспечен подвод электроэнергии. Для индивидуального строительства надо создать строительные конторы. Проекты домов индивидуального строительства оставляют желать много лучшего, здесь есть над чем поработать.

А. АМАНТОВ, инженер.

Ленинград.

Так должно быть

Каждому крупному домоуправлению нужны красный уголок, спортзал, тир, прачечная с душевыми комнатами. Все это легко можно сделать, используя подвалы. Во дворах должны быть спортплощадки и сады. В больших домах для спортивной работы иной раз можно использовать крышу. Она делается плоской и огораживается 5—7-метровой прочной сеткой. Зимой здесь может быть каток, хоккейная площадка, летом — солярий, площадка для баскетбола, волейбола, читальня. Тут можно читать лекции, проводить беседы, устраивать киносеансы, концерты самодеятельности.

Н. В. КОЗЛОВ

Москва.

Об однокомнатной квартире

В нашей стране за годы социалистического строительства для удовлетворения жилищных нужд трудящихся проделана гигантская работа. Но для того, чтобы решить жилищную проблему полностью, потребуются, может быть, две — три пятилетки. В течение этого времени многие семьи еще будут иметь только по одной комнате. Однако архитекторы этого не понимают или не хотят понять.

Жилые здания проектируются главным образом с многокомнатными квартирами, по преимуществу с трехкомнатными. Считается, видимо, что такие квартиры будут заселяться одной семьей. Но жизнь диктует иное: расселяют иногда в каждой комнате по семье. Выходит, что зодчие забежали вперед, оторвались от жизни, а это привело к забвению главного, решающего в жилище — удобства. Создается неизбежная в таких случаях теснота, захламленность,— не то общежитие «для семейных», не то плохая гостиница.

Уважаемые архитекторы! Не заставляйте нас приспосабливать ваши многокомнатные квартиры к нуждам нескольких семей, лишая нас элементарных удобств. Проектируйте такие типовые жилые ячейки, которые удовлетворяли бы наши нужды и учитывали возможности государства. И делайте свое дело с любовью к людям. Тогда вы найдете правильное решение. Когда вы будете думать не о «жилой площади», а о жильцах, найдется разумное сочетание государственных и личных интересов.

В. НИКИТИН

Архангельск.

КВАРТИРА ТИПОВОГО ДОМА

При Академии строительства и архитектуры СССР создается новый творческий коллектив — центральный институт типового проектирования. Архитекторы будут трудиться здесь над проектами красивых и экономичных жилых домов, школ, больниц, санаториев, кинотеатров.

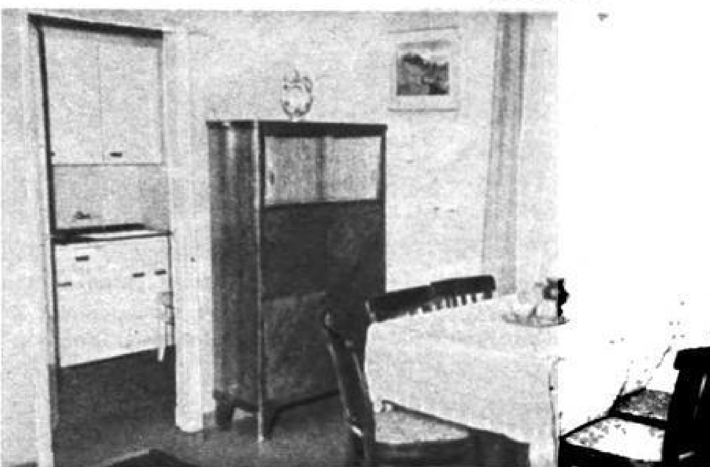
Начиная со второй половины 1956 года, все жилые дома в наших городах должны строиться только по типовым проектам. Индивидуальные проекты будут допускаться лишь с разрешения правительственных органов в тех случаях, когда этого требуют интересы города.

Государственный комитет Совета Министров СССР по делам строительства утвердил порядок проведения открытых конкурсов на лучшие типовые проекты и конструкции. Программа конкурсов, предоставляя участникам широкую инициативу, предусматривает такие обязательные условия: сборность домов, применение эффективных конструкций, высокий уровень планировки. Типовые дома должны быть значительно дешевле, чем нынешние, и в то же время привлекательны, образуя живописные, а главное, благоустроенные городские кварталы.

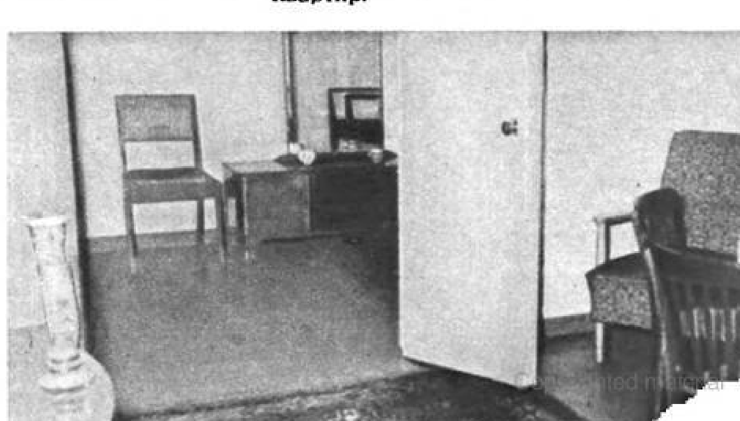
Типовой дом состоит из однокомнатных, двухкомнатных и трехкомнатных квартир, рассчитанных, как правило, на одну семью. Рекомендуется, чтобы общая комната в квартире была не меньше 16 квадратных метров, спальня (в трехкомнатной квартире) — не меньше 6 метров, а кухня — 4½ квадратных метра. Большое внимание должно быть уделено внутренней отделке квартир, удобному расположению комнат, так называемой встроенной мебели.

Во многих архитектурных мастерских готовятся проектные решения, обобщающие отечественный и зарубежный опыт. Интересны предложенные работниками Академии строительства и архитектуры макеты экономичных типовых квартир. Некоторое представление о них дают публикуемые фотографии.

Л. БЕЛОВ



Макеты однокомнатной и двухкомнатной (внизу) квартир.



ПОЕЗДКА В ЛИБЕРИЮ

В. И. БАЗЫКИН,
член советской правительственной делегации

Недавно из Либерии возвратилась советская правительственная делегация во главе с председателем Совета Союза Верховного Совета СССР А. П. Волковым. Делегация присутствовала на церемонии иногурации (официального вступления в должность) президента Либерии Уильяма В. С. Табмэна и вице-президента Уильяма Р. Толберта.

Фото А. Семина.

Аэродром Робертсфилд, где 31 декабря приземлился наш самолет, находится в пятидесяти милях от Монровии — столицы Либерии. Пассажиров доставляют в город на воздушном такси — самолете, принадлежащем либерийской авиакомпании. После того, как мы зарегистрировали паспорта и выпили апельсиновый напиток, объявили посадку, и через пятнадцать минут мы были в столице Либерии.

Наши автомашины, сопровождаемые несколькими мотоциклами с включенными сиренами, проследовали к отведенному для делегации дому — одному из лучших зданий Монровии. Центральная часть его построена в виде шестиугольника и — что нас больше всего устраивало — обеспечивала сквозняки в любом месте дома.

На столе нас ждал завтрак. Хозяева, желая доставить приятное русским гостям, позаботились о том, чтобы во время пребывания советской делегации нам подавали и русские кушанья. На столе часто появлялись связки бубликов, гречневая каша и даже соленые огурцы. Несмотря на некоторое своеобразие «русских блюд», мы были искренне тронуты этой заботой.

В тот же день президент Либерии Уильям Табмэн принял глав иностранных делегаций, прибывших на церемонию иногурации — официального вступления в должность президента и вице-президента. По конституции Либерии, выборы президента обычно бывают весной, а вступление в должность президента и вице-президента происходит в начале следующего года. Вот эта торжественная церемония вступления и называется иногурацией.

Президенту были представлены тридцать три главы делегаций, представляющих тридцать шесть государств (английский посол, кроме Англии, представлял Австралию, Новую Зеландию и Пакистан), а также специальный представитель генерального секретаря ООН.

Глава советской делегации А. П. Волков зачитал и вручил президенту послание председателя Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилова.

А вечером четверо советских людей встречали Новый год вместе с Москвой, то есть на 2 часа 45 минут раньше, чем наступил Новый год в Монровии. В тот вечер у нас еще не было приемника, и мы не могли услышать бой кремлевских курантов. Но вскоре из дома президента был доставлен радиоприемник, и уже до самого отъезда мы постоянно слушали голос Москвы.

Первое января мы посвятили осмотру города. Монровия широко раскинулась на берегу океана. Ее население — 40 тысяч человек. Город хорошо распланирован. В центральной части большинство жилых зданий двухэтажные. Здесь сосредоточены магазины, кафе, рестораны, правительственные учреждения. Но если удалиться немного от центра, можно попасть из улиц европейского типа прямо в поселок: целые кварталы представляют собой деревенские хижины, крытые соломой. Это так называемые «туземные городки».

Наши провожатые, полковник Стюарт и профессор Демпстер, с большой охотой показывали нам город, знакомили с жителями, рассказывали историю первого поселения.

На реке Месурадо сохранился островок, на который 7 января 1822 года высадились первые поселенцы. Это были негры, эмигрировавшие из Соединенных Штатов Америки. На гербе республики и сейчас стоят слова: «Любовь к свободе привела нас сюда». Первое поселение было названо в честь американского президента Монро Монровией. 26 июля 1847 года в Либерии была провозглашена независимость и принята конституция республики.

О начале празднеств 2 января 1956 года возвестил орудийный залп из форта Норрис. К павильону, построенному в 1947 году в честь столетия образования республики, стали съезжаться иностранные делегации. Каждая делегация сопровождалась эскортом из трех — четырех мотоциклов с сиренами.

Ровно в одиннадцать часов началась торжественная церемония. Павильон, где происходило торжество, представлял собой длинный зал, в конце которого на возвышении стояло кресло президента. Президент Уильям Табмэн, одетый в черный фрак с орденами, положил руку на библию и произнес присягу, которую принимал временный председатель сената. Затем сам президент принял присягу у вице-президента Уильяма Толберта. После этого оба государственных деятеля считались вступившими в должность.

Все собравшиеся направились из павильона к резиденции президента. По бокам шли либерийские девушки в нарядных шелковых платьях, неся в высоко поднятых руках арки из цветов. Ленты, свешивавшиеся с арок, поддерживали совсем маленькие девочки в таких же, как у взрослых, шелковых платьях. Цвет одежды их был подобран в тон цветов. Все это придавало шествию яркий, праздничный колорит.

У резиденции президента состоялся парад. Членов советской делегации пригласили пройти на балкон, перед которым проходили войска. В перерывах между прохождением военных частей президент несколько раз беседовал с советской делегацией в своем кабинете. Эти беседы, на которых присутствовали вице-президент, председатель палаты представителей и генеральный прокурор Либерии, были дружественными и непринужденными. Господин Табмэн сказал, что правительство Либерии очень высоко ценит тот факт, что советское правительство приняло приглашение послать своих представителей на иногурацию и назначило главой делегации председателя Совета Союза Верховного Совета СССР.

Вечером во дворце президента был устроен бал. На него съехались иностранные представители и вся городская знать.

Советская делегация была приглашена к столу президента. Уильям Табмэн дружески встретил нас и усадил напротив себя. За столом сидел также полковник Кристи, глава американской компании «Либериан майнинг компани», которая занимается разработкой железорудных залежей в стране.

Либерия, как известно, обладает разнообразными природными богатствами: железной рудой, золотом, алмазами. Ее климат способствует выращиванию каучуковых деревьев, масличных пальм, какао-бобов, бананов. В официальных либерийских изданиях говорится, что крупнейшая каучуковая плантация площадью в 85 тысяч акров принадлежит американской компании «Файрстон раббер компани». Шестьсот шестьдесят либерийских владельцев имеют плантации общей площадью в 18 тысяч акров. Разработка железной руды находится также в руках американской компании. В Либерии нет обрабатывающей промышленности. Поэтому сырье, добываемое в стране, почти целиком идет на экспорт, а все готовые изделия импортируются. Либерия, например, выращивает апельсины, а вот апельсиновую воду она вынуждена ввозить из Нью-Йорка. В экспорте и импорте Либерии первое место занимают Соединенные Штаты Америки.

Торжества продолжались несколько дней. 4 января мы были свидетелями замечательного народного праздника на стадионе Монровии. Туда прибыли исполнители народных танцев со всех концов Либерии. Они собрались группами в различных частях стадиона и начали танцы под музыку народных негритянских оркестров. Каждый такой оркестр немногочислен: барабан, рожок, погремушка-саса — вот и все инструменты. Но музыканты и танцоры прекрасно владеют сложным ритмом, музыка и движение как бы сплетаются в одно целое. Танцоров сменяли акробаты, акробатов

Президент Либерии Уильям Табмэн (справа) приносит присягу.

Президент Уильям Табмэн и вице-президент Уильям Толберт в костюмах вождей племен. Фото либерийского агентства.

девушки в национальных костюмах, танцоры в масках, снова акробаты. Наибольшее восхищение всех собравшихся вызвал народный танец на ходулях. Ходули длиной метра в три не мешали человеку, стоявшему на них, соблюдая четкий ритм танца, выделывать самые замысловатые па.

На торжествах, посвященных иногурации, присутствовали вожди негритянских племен, живущие в глубине страны. Таких племен шестнадцать: мандинго, кисси, гола, кпессе, кру и другие. Все население Либерии — два с половиной миллиона человек. Племена говорят на своих диалектах, хотя государственным языком республики является английский. Во главе племени стоит вождь, при котором имеется представитель центрального правительства. Как мы узнали из официальной брошюры «Эра прогресса в Либерии» вожди племен и кланов владеют крупными плантациями каучука, какао, кофе, масличных пальм, имеют дома не только в своих городках и деревнях, но и в столице Либерии.

Члены советской делегации с президентом Табмэном (в центре). Фото либерийского агентства.

В оставшиеся до отъезда дни советская делегация побывала в деревнях, на каучуковой плантации, принадлежащей американской компании. Аккуратно высаженные деревья метров в 5 высотой убегают шеренгами вдаль, насколько хватает глаз. На коре каждого такого дерева сделан наискосок надрез. Из него медленно, капля за каплей, стекает в прикрепленную к дереву жестяную баночку сок молочного цвета. Каждый день на рассвете рабочие обходят деревья, сливают жидкий каучук в ведра и на коромыслах тащат их к сборным пунктам, расположенным на большом расстоянии. Каждый рабочий должен обойти 300 деревьев.

До отъезда советская делегация неоднократно встречалась с президентом и другими государственными деятелями Либерии. Делегация продолжила переговоры об установлении дипломатических отношений между двумя государствами, которые были начаты в 1945 году по инициативе либерийской стороны. В то время эти переговоры не были завершены.

Как известно из газет, советская правительственная делегация и либерийское правительство договорились об установлении дипломатических отношений и обмене представительствами в ранге посольств. Совместное коммюнике об этих переговорах было одновременно опубликовано в советской и либерийской прессе 20 января.

12 января мы распростились с гостеприимной либерийской землей и через четыре дня были в Москве.

Народные танцы Либерии. Фото либерийского агентства.

А. П. Волков беседует с рабочими каучуковой плантации.

Монровия. У здания Павильона столетия республики.

Из почты „ОГОНЬКА"

Новые документы о восстании Болотникова

Изучая документы из архива Поместного приказа за 1615 год, аспирант МГУ В. Н. Корецкий обратил внимание на одно необычное обстоятельство: записи на лицевой и оборотной сторонах грамот сделаны в разное время и разными почерками. При детальном исследовании обнаружилось, что сами грамоты — это документы, вышедшие из лагеря Ивана Болотникова, новые, неизвестные материалы о крестьянской войне 1606—1607 годов. Позднее царские дьяки, видимо, использовали для своих записей чистую оборотную сторону грамот.

Найденные документы отрывочны, листы их обветшали, края оклеены бумажными полосками. Это отрывки из переписки руководителей отдельных центров восстания, различные сообщения и указания политического и военного характера. Написаны они были в Поволжье, в Арзамасе, в ноябре 1606 года, когда восстание И. Болотникова достигло наибольшего успеха и крестьянская армия стояла под Москвой, повстанцами был осажден Нижний Новгород.

Вот отрывок из письма одного из руководителей восстания в Поволжье, Ф. М. Дочюжирова. Ссылаясь на указ, поступивший из центра восстания, он просит прислать подкрепление из Арзамаса в Нижний Новгород:

«А буде господине вы к нам людей не пришлете воинских и нам господине погинути от вас, быти нам разоренным и вам от Нижнево».

В письмах содержится перечень войск и лиц, поспешивших на помощь отрядам, осаждавшим Нижний Новгород.

Документы дают дополнительные сведения о географическом распространении восстания: выясняется, что в восстании участвовали города Касимов, Кадом, Гороховец. Становится ясным, что в Поволжье под знамена восставших шли не только русские крестьяне и посадские люди, но и мордва, черемисы, татары.

В новых источниках упоминается о грамотах, посланных восставшими в разные города. Поэтому можно надеяться, что эта ценная находка материалов о восстании Болотникова будет не последней.

Преподаватель истории
А. САХАРОВ.

ИНТЕРЕСНАЯ НАХОДКА

М. Бирюков и кандидат биологических наук В. Бажанов рассматривают челюсти современного кабана и энтелодонта.

Палеозоологическая экспедиция Института зоологии Академии наук Казахской ССР, возглавляемая кандидатом биологических наук М. Д. Бирюковым, проводила очередные поиски останков древних животных в Тургайской ложбине на территории Кустанайской области.

В процессе раскопок экспедиции удалось извлечь череп, нижнюю челюсть и кости отдаленного предка современных свиней — представителя энтелодонтов. Это было крупное животное, жившее на территории современного Казахстана около 30 миллионов лет назад. Череп не вполне взрослого энтелодонта имеет в длину около 70 сантиметров; это примерно в два раза больше черепа современного дикого кабана.

Находка костей энтелодонта по своей полноте уникальна для СССР и материка Азии.

Остатки энтелодонтид широко представлены в некоторых районах Северной Америки, единично — в Европе. В Азии они обнаруживались только в виде отдельных фрагментов. Длина тела одного из представителей этих животных, найденного в Северной Америке, была около 3,2 метра.

А. СОКОЛОВ,
ученый секретарь Института зоологии Академии наук Казахской ССР.

В великом Питиунте

Этот разноцветный мозаичный ковер (пол древнего храма) «выткали» искусные мастера полторы тысячи лет назад. Он обнаружен при раскопках древнего города Пицунда, близ Гагры. Существовал же этот город две с половиной тысячи лет назад и назывался тогда великим Питиунтом. Археологам после трехлетнего труда удалось пролить свет на многие страницы его истории.

Установлено, что город занимал обширную территорию — около тридцати верст в окружности, имел прекрасную внутреннюю гавань. Археологи обнаружили оградительную стену с башнями, древний храм и всевозможные хозяйственные сооружения, керамические изделия, сосуды для транспортировки жидкости, а на центральной территории — баню III—IV веков. В этих типичных римских термах со своеобразной калориферной отопительной системой были души, два отделения горячей бани, а также зал для отдыха. Раскопаны канализационные сооружения с коллектором и выводом воды за пределы города.

Многочисленные монеты римского и византийского происхождения, а также городов северного Причерноморья наглядно показывают широко развитые связи Питиунта с городами древнего мира.

К. ЦЫПЛЕНКОВ

ЗИМНЯЯ ГРОЗА

«Давно в Сталинграде выпал снег, установилась зима,— пишет читатель Г. Е. Костюк.— 9 декабря с утра была солнечная погода, а в полдень небо внезапно заволокли густые облака, поднялся сильный ветер, разыгралась снежная буря. Вдруг блеснула молния, загрохотал гром. Вскоре буря утихла, снова засияло солнце. Грозы зимой не знают даже старожилы».

Такие же сообщения прислали читатели Н. В. Игнатов (г. Сталинград), В. И. Михайлюк (хутор Свободный, Краснодарского края) и другие. Они просят объяснить причины возникновения зимней грозы.

Грозы в Советском Союзе чаще всего бывают на Кавказе и Украине, причем происходят они главным образом летом. С 8 же на 9 декабря прошлого года в пределах Ростовской области, Краснодарского края и Нижней Волги произошло особенно резкое похолодание в верхних слоях воздуха. Так, в Ростове-на-Дону с утра 8 декабря температура воздуха у поверхности земли понизилась за сутки на пять градусов, а на высоте пяти километров — на десять. Утром 9 декабря температура воздуха у земли была один градус тепла, а на высоте пяти километров — тридцать два градуса холода. К вечеру температура воздуха на той же высоте упала уже до тридцати девяти градусов холода. Наблюдались на указанных территориях и облака мощностью до пяти километров в высоту. Следовательно, здесь в эти дни создались исключительно благоприятные условия для бурного подъема воздуха, что и привело не только к развитию мощной грозовой облачности, но и к возникновению зимней грозы.

А. А. БАЧУРИНА,
старший научный сотрудник Центрального института прогнозов, кандидат географических наук.

НОЧНАЯ РАДУГА

Осенью на Черноморском побережье, между Туапсе и Сочи, произошло интересное небесное явление. В первом часу ночи вершины Кавказского хребта, окутанные облаками, резко выделялись на фоне неба, освещенного скрытой за хребтом луной. Когда же диск ее почти полностью показался над горами, на небосводе появилась светлая дуга, концами своими упиравшаяся в море. При первом взгляде эта дуга казалась просто светлой полосой, но при более внимательном рассмотрении стали ясно видны «цвета радуги», особенно в ее красной части. Выделялись оранжевые, желтые и зеленые лучи, но совсем не было видно голубых, синих и фиолетовых.

Ночная, лунная радуга продолжалась около сорока минут.

Любитель-краевед
П. Г. ГВОЗДИКОВ.

Лазаревское,
Краснодарского края.

Лунная радуга наблюдается довольно редко, так как свет луны слаб сравнительно с солнечным и нужны исключительно благоприятные условия (например, ясное небо в той стороне, где луна, и сплошная стена дождя — в противоположной, где радуга), чтобы такая радуга была видима. Особенно редко удается различать цвета в относительно бледной лунной радуге.

В радуге, о которой сообщает читатель П. Г. Гвоздиков, как и в обычной солнечной, хотя на это далеко не всегда обращают внимание, голубой и синий цвета были действительно очень слабы, фиолетовый же, повидимому, просто сливался с фоном ночного неба.

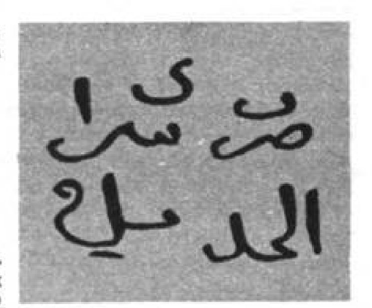
Профессор **А. Х. ХРГИАН.**

УЧЕНЫЕ

Монеты Золотой Орды

«Летом прошлого года, будучи в городе Азове, я нашел две старинные монеты: одну — в развалинах каменной стены, а другую — за городом.

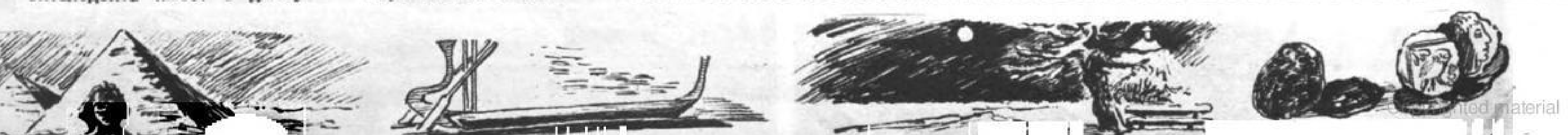
Что изображено на этих монетах и какой год их чеканки?» — спрашивает редакцию читатель М. Фесиков из Таганрога.



Эти две медные одинаковые монеты, называемые пулами, были чеканены в Золотой Орде, в ее столице Сарае ал-Джедид (то есть в Новом Сарае), во время правления хана Джанибека. На монеты не попал год чеканки, но по типу их следует отнести к 752 году хиджры, что соответствует 1351—1352 годам новой эры.

На лицевой стороне выбито: чекан Сарая ал-Джедид. На оборотной — орнамент в виде раскрывшегося цветка.

С. ЯНИНА,
научная сотрудница отдела нумизматики Исторического музея.



Волшебный цветок

Цветок, дающий пламя, известен людям давно. Это бадьян, или ясенец пушистоплодный. В народе его называют неопалимой купиной и в прошлом использовали как лечебное средство.

Бадьян растет на южных склонах, покрытых дубовыми лесами, встречается на сухих лугах, не терпит хвойных лесов и излишнего увлажнения. Много бадьяна на юге СССР и особенно на Дальнем Востоке.

Ясенец — многолетнее растение с крепким стеблем высотой до пояса. Его яркорозовые или сиреневые цветки собраны в длинную кисть на вершине растения. Цветок состоит из пяти продолговатых, похожих на щупальца лепестков. Он напоминает изящную пятилучевую морскую звезду, слегка неправильной формы, величиной немного меньше указательного пальца. Из середины цветка сиреневым пучком вытягиваются тычинки, удлиненные и изогнутые, будто усики бабочек.

Ясенец чаще растет отдельно, но нередко образует группы в несколько десятков растений. Цветоножки его густо усеяны тонкими черными волосками. Это железки, из микроскопических отверстий которых постоянно и обильно выделяется эфир. Эфир окружает верхнюю часть растения овальным прозрачным колпаком. Вот почему воздух около ясенца всегда насыщен резко сладковатым эфирным запахом, от которого начинает болеть голова. Невидимое облачко эфира, скопляющееся над группой растений бадьяна, может одурманить человека и даже вызвать потерю сознания.

Однако бадьян не только вызывает головокружение у человека: при большом скоплении эфира он причиняет и сильные ожоги. От прикосновения к растению, особенно к эфироносным железкам, кожа человека покрывается волдырями. Ожоги эти сильнее, чем от крапивы.

Но самым замечательным является «волшебное» свойство бадьяна гореть и не сгорать в огне. За это он и назван неопалимой купиной, то есть «горящим, но не сгорающим кустом». Если в теплую, безветренную ночь к цветку бадьяна поднести зажженную спичку, мгновенно вспыхивает сине-голубое пламя. Огонек поднимается вверх вытянутым, мерцающим овалом и так же внезапно гаснет, как появляется.

Особенно красивы вспышки ясенца там, где соцветия разных растений тесно примыкают друг к другу. Стоит лишь в сухую, безветренную ночь поджечь едва видимые в темноте лепестки одного бадьяна, как колеблющийся огонек пламени тотчас же начнет перепрыгивать на соседние цветки. Волшебные светляки скачут с цветка на цветок, озаряя причудливые соцветия неопалимой купины синими фантастическими крыльями.

Волшебная феерия длится десятки секунд, пока легкий порыв ночного ветерка не погасит синекрылых огненных мотыльков.

А. НЕЧАЕВ,
кандидат географических наук.

Хабаровск.

Сухопутное путешествие морской ракушки

Известно, что обычно обитатели соседних морей переселяются из одного моря в другое в пору их соединения. Но вот в 20-х годах в Каспийском море появился и стал быстро распространяться один из обитателей Черного моря, моллюск митилястер линеатус, небольшая, около двух сантиметров длины, ракушка фиолетово-черного цвета.

Как же моллюск попал в Каспий из Черного моря, если известно, что эти два бассейна несколько тысяч лет были разъединены друг с другом?

Оказывается, что он переехал на... днищах морских судов, доставленных по суше из Черного моря в Каспийское в 1919—1920 годах.

Митилястер живет колониями, поселяясь на различных подводных предметах, плотно к ним прикрепившись. Поселяется он и на днищах морских судов, простоявших некоторое время неподвижно. Вот так, прикрепившись к обшивке судов, этот черноморский моллюск и переехал на новое место жительства — в Бакинскую бухту.

Вторым пунктом на Каспии, где обнаружили митилястер, был Красноводский залив. Вероятно, моллюска перевезли туда также на днищах пароходов, но на этот раз по морю.

Сейчас этот «новосел» встречается на Каспии почти повсюду и является одним из самых распространенных обитателей этого водоема.

Б. МОЖАЕВ

Ленинград.

Редкая книга

В фондах Запорожского областного краеведческого музея хранится книга, вложенная в серебряный футляр с увеличительным стеклом на верхней крышке.

Длина ее — 29 миллиметров, ширина — 19, толщина — 10 миллиметров.

На корешке коленкорового переплета тисненная серебром надпись: «Адам Мицкевич. Поэзия»; на обложке таким же тиснением дан портрет автора с надписью: «В память юбилея 1798—1898».

Издана книга в Варшаве на польском языке в ознаменование столетия со дня рождения великого польского поэта. На 869 страницах мельчайшим шрифтом напечатаны поэтические произведения Адама Мицкевича, приведен его портрет и автограф.

Книга-малютка передана в дар музею местным художником А. Н. Николаевым, приобретшим ее у букиниста.

С. МАЗИН,
директор Запорожского областного краеведческого музея.

ОТВЕЧАЮТ

Цветные тени

Возвращаясь после ночной смены домой, я заметил, что забор отбрасывает странную тень на снег. Цвет этой тени был не синевато-серый, как обычно, а яркофиолетовый. Поглядев внимательно вокруг, я увидел, что все предметы отбрасывают две тени: одну обычную, а другую фиолетовую. Дальше на пути, освещаемом электрическими фонарями и сиянием луны, стали попадаться мне тени и других окрасок. Цвет их менялся последовательно с фиолетового на синий, зеленый, а в одном месте тень казалась яркожелтой.

Как часто встречаются такие явления природы?

А. ДЬЯКОНОВ

Чкалов.

При наличии двух источников света с разным спектральным составом возникают часто цветные тени. Это и произошло в данном случае. Свет фонаря содержит меньше сине-фиолетовых лучей, чем свет луны, поэтому тени от фонаря (то есть участки, освещенные только луной) казались более синеватыми и даже более фиолетовыми, чем снег, освещенный одновременно луной и фонарем.

При разных соотношениях яркостей света от луны и фонаря окраска теней может казаться более или менее заметной и менять свой оттенок.

Эффекты двойного освещения очень часто можно наблюдать, нужно только быть очень внимательным. Их легко воспроизвести в домашней обстановке, освещая предметы, лучше всего белые (кусок ваты на белой бумаге), двумя лампами с разными слегка окрашенными светофильтрами. Можно заменить их тонкой цветной бумагой или такой же тканью.

Очень интересные эффекты двойного освещения наблюдаются в живописи. Например, на картине «Девочка со свечой» художник Тропинин дал изумительное сочетание света от свечи и от окна, сквозь которое слабо пробивается день. Такими же световыми эффектами пользовались Левитан, Куинджи и другие художники.

Н. НЮБЕРГ,
доктор физико-математических наук.

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ЛОДКИ ФАРАОНА ХЕОПСА

Читатель М. М. Ядушливый (с. Черный Остров, Хмельницкой области) прочитал в одной из украинских газет заметку о том, что недавно в Египте во время раскопок обнаружен корабль, принадлежавший фараону Хеопсу. Читатель просит рассказать подробности интересной находки.

— В начале 1954 года в Египте во время работ, проводимых египетскими учеными в Гизе, в районе пирамиды Хеопса, были обнаружены в скале пять огромных ящиков, перекрытых каменными блоками. Когда просверлили отверстия в этих перекрытиях, выяснилось, что три ящика пусты, а в двух перед изумленными взорами археологов предстали большие деревянные лодки — первые царские лодки, обнаруженные в погребениях. До этого о существовании их ученые знали только на основании изображений на стенах храмов и по текстам.

Лишь после того как были сооружены крепкие деревянные подпорки и настилы и таким образом ликвидирована опасность завала, подъемным краном осторожно приподняли первый, семнадцатитонный каменный блок, а затем сняли и остальные блоки.

Лодка была сделана из кедра, привозимого в Египет из стран Средиземноморья. Она была вытянутой формы и имела в длину 31 метр 15 сантиметров, в ширину — 2,6 метра, в вышину — 3,5 метра. На поверхности судна лежали цыновки, сплетенные из тростника и веревки.

После того как лодки были изучены, тщательно реставрированы и сфотографированы, над ними соорудили специальное покрытие, предохраняющее от повреждений и в то же время делающее их доступными для обозрения.

Для чего предназначались эти лодки, почему их так тщательно прятали и кому они могли понадобиться под землей?

По представлению древних египтян, боги на небе, подобно людям на земле, совершают путешествия в лодках.

Считалось, что утром бог солнца Ра плывет по небесной реке в ладье — и наступает день. Когда же он возвращается обратно, мрак покрывает землю. Бог мертвых Сокар также совершает свой мрачный путь в огромной ладье.

Древнейшие тексты сообщают, что после восшествия на престол царь предпринимал по Нилу путешествия к древним религиозным центрам, чтобы у тамошних богов получить право на свое земное правление. Египтяне думали, что после смерти царь выполняет те же функции, что и при жизни, и, следовательно, также нуждается в лодке; поэтому лодка должна была сопровождать его в могиле.

С. ХОДЖАШ,
кандидат искусствоведческих наук.

ГРАВЮРА НА СТЕКЛЕ

Общеизвестны три основных вида гравюры: на дереве, линолеуме и на металле.

Московский профессор-физиолог Юрий Петрович Фролов предложил новый способ гравирования — на стекле, точнее говоря, на засвеченной фотопластинке. Техника гравирования, напоминающая офорт, несложна. Художник-любитель Ю. П. Фролов работает обыкновенной патефонной иглой, вставленной в державку. Когда на эмульсии пластинки «нацарапан» рисунок, он репродуцируется при помощи увеличителя на фотобумаге (черный рисунок на белом фоне). Можно также изготовлять и белый рисунок на черном фоне.

Конечно, для этого требуются некоторые способности художника, хорошее знание техники рисунка и практика.

На всесоюзной выставке художественной самодеятельности в числе гравюр были представлены и произведения Ю. П. Фролова.

Гравировка на фотопластинке дает возможность любителям изобразительного искусства овладеть техникой гравирования на общедоступном материале, к тому же она тренирует глаз и руку гравера, воспитывает чувство ответственности за работу, в которой нельзя производить никакой правки.

Гравюры на стекле можно использовать для иллюстрации многотиражных и стенных газет, в художественном оформлении наклеек для книг из личных библиотек.

Б. ОСИПОВ

Солнце над Кортиной

В. ВИКТОРОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото Публифото.

Совсем летнее солнце и глубокие снега, розовые вершины доломитовых Альп и сверкающий лед горного озера Мизурина. Кортина д'Ампеццо, маленький итальянский городок, ставший в эти дни столицей мирового спорта. Сейчас тут всюду увидишь пять скрещенных колец синего, черного, красного, желтого и зеленого цвета — символ единения пяти континентов. На улицах Кортина д'Ампеццо можно встретить посланцев со всех концов земного шара. Тридцать две страны направили на зимние Олимпийские игры своих лучших спортсменов. Обгоняя их и торопясь за ними вдогонку, стекались в Кортину многочисленные болельщики — одни по велению своего сердца, другие по велению моды.

Газеты каждый день сообщали о прибытии гостей, и полицейские заставы, опасаясь грозного, как снеговая лавина, наплыва «незапланированных» туристов, которых не смог бы принять и обслужить городок, на всех дорогах проверяли пропуска у машин. На узких улицах Кортины, убранных флагами различных стран, олимпийскими эмблемами, бесконечные потоки празднично одетых людей. В этой пестрой и оживленной толпе даже пожилые дамы предпочли легкой обуви тяжелые горнолыжные ботинки; меховым шубкам — невесомые «анараки» (лыжные куртки), а юбке — узкие спортивные брюки. Мужчины преклонных лет сменили трости на лыжные палки, на крышах почти всех автомашин, видимо, вместо пропуска,—тяжелые слаломные лыжи, закрепленные в специальных зажимах.

Борис Шилков.
Фото А. Бочинина.

Обладатели золотых олимпийских медалей Е. Гришин (слева) и Ю. Михайлов.

Но в те часы, когда утреннее солнце освещало многолюдные улицы Кортина, самых почетных гостей,— для которых и съехались в Альпы все эти люди, загорающие в шезлонгах возле отелей, пьющие кофе за столиками, выставленными, как летом, прямо на тротуаре,— можно было найти только на снежных склонах, на беговом круге катка, на льду хоккейного поля. Они готовились к очередным соревнованиям.

Во второй половине дня и зрители и «действующие лица» встречались и на олимпийском стадионе, и на озере Мизурина, и там, где состязались лыжники. Тут можно было увидеть рядом с ксендзом, у которого красовался олимпийский значок на сутане, американских хоккеистов в белых пальто и красных плюшевых ушанках; финских гонщиков в своих неизменных синих макинтошах: они дают автографы какой-то пожилой чете, одетой в лыжные костюмы с многочисленными спортивными эмблемами, нашитыми на рукава; советских конькобежцев в светло-синих пальто — самых популярных спортсменов Олимпиады: они дарят значки молодым кортинцам, обступившим их плотной стеной. Мимо двигались норвежцы, немцы, японцы, болгары, шведы, австралийцы...

Кортина д'Ампеццо жила в напряженном ожидании предстоящих соревнований.

И вот настал день открытия седьмых Олимпийских игр. В то солнечное утро казалось, что городок никуда не спешит. Возвращались с утренней прогулки в горы слаломисты, неся на плече свои тяжелые, ярко раскрашенные лыжи. Отец обучал на снежном склоне двух своих маленьких сыновей искусству слалома. Около отелей, как обычно, грелись на солнце девушки в туго натянутых брюках. Вдоль всего пути, ведущего от центра к олимпийскому стадиону, уже были расставлены деревянные барьеры, образовавшие большой коридор, по краю которого уложена снежная, плотно утрамбованная дорожка. Видимо, всю ночь возили на городскую мостовую чистый горный снег, чтобы лыжники эстафеты, несущие олимпийский факел, смогли доставить его до самого стадиона.

...Даже и теперь, когда день открытия Олимпийских игр уже давно позади, невозможно забыть красоту этого зрелища: трибуны, переливающиеся по-летнему яркими красками, разноцветные костюмы спортивных делегаций, крыши домов, усеянные народом, флаги самых разных стран и на правом фланге строя спортсменов — красное родное знамя.

Утром второго дня первыми включились в Олимпийские игры лыжники. В гонке на 30 километров после исключительно напряженной борьбы между Вейкко Хакулиненом и шведом Сикстеном Ернбергом Павел Колчин, Анатолий Шелюхин, Владимир Кузин и Федор Терентьев заняли подряд третье, четвертое, пятое и шестое места.

Конечно, обидно было, что золотая и серебряная медали достались не советским гонщикам, но все же это был своеобразный олимпийский рекорд: еще никогда ни одной команде не удавалось добиться такого слитного результата.

И вот вслед за лыжниками вышли на арену советские хоккеисты. Вечером они начали олимпийский турнир с командой шведских спортсменов — одной из сильнейших в Европе. С трибуны несется: «Москва, Москва!» Это советские туристы подбадривают свою команду, а рядом столь же бурно скандируют шведские болельщики.

Победа на хоккейном поле несколько скрасила относительную неудачу на лыжне, а следующее утро, как и всегда солнечное, ясное, принесло еще большую радость. Незабываем этот день — 28 января. Он начался почти одновременно и на льду озера Мизурина, и на снежном стадионе, обрамленном розовыми вершинами гор, и везде наших спортсменов ждала полновесная победа.

Соревнование конькобежцев началось с дистанции 500 метров. Трибуны были заполнены до отказа. Еще бы! Всем хотелось увидеть Евгения Гришина, его стремительный, почти парящий бег, узнать, чем закончится на сей раз его единоборство с сильнейшими спринтерами мира — американцами, финнами, норвежцами. По воле жребия Гришину пришлось открыть соревнование. Он шел в паре с англичанином Кроншеем. Многие зрители еще не успели осмотреться, освоиться с обстановкой, как прозвучал выстрел стартера и две фигуры спортсменов сорвались с места. В сверкании солнца и льда трудно было уследить за их бегом. Уже с первого поворота Гришин вырвался вперед, он взял вираж на огромной скорости, не сбавляя темпа, промчался по кругу, и вот уже диктор сообщил его время: 40,2 секунды. Советский скороход установил мировой рекорд и одновременно олимпийский.

40,2 секунды! Считанные частички времени, и уже позади упорные тренировки, соревнования у себя на родине и за рубежом. «Вот за этим он сюда и приехал?» — не то восторженно, не то разочарованно спросил у одного из своих соседей советский турист. И действительно, было немного обидно, что этот великолепный бег так мгновенен, и вместе с тем все мы испытывали гордость за наших спортсменов. Именно для того, чтобы доставить советским людям эту радость, приехал Гришин в Кортина д'Ампеццо, и никто из 46 конькобежцев, бравших старт после него, не смог улучшить его результата. Только одному скороходу удалось повторить время старого мирового рекорда: пройти 500 метров за 40,8 секунды. Этим скороходом был молодой советский спортсмен Рафаэл Грач, занявший второе место.

А в это время внизу, в окрестностях Кортины, советская лыжница Любовь Козырева выиграла гонку на 10 километров, а ее подруга по команде Р. Ерошина заняла второе место.

Итак, сразу две золотые медали: олимпийская и медаль мирового первенства.

В этот вечер празднично было в просторных залах гостиницы «Тре Крочи», где разместилась советская делегация. «Тре Крочи» — по-итальянски «Три креста», и советские туристы, приехавшие сюда, чтобы разделить радость победы со своими спортсменами, предложили переименовать гостиницу: «Четыре медали». Но потом решили, что до конца Олимпийских игр это название долго не удержится.

После того, как президент Международной федерации лыжного спорта вручил Козыревой, Ерошиной и Колчину медали мирового чемпионата, которые разыгрываются у лыжников и хоккеистов одновременно с олимпийским первенством, советские спортсмены и туристы собрались тесным кругом. Перед ними выступили писатели С. Михалков, Л. Кассиль, В. Дыховичный и М. Слободской. Они прочли стихи, написанные в эти дни и посвященные победителям. Особенно понравились спортсменам следующие строчки:

22 января в итальянской столице был зажжен олимпийский факел. Знаменитый итальянский дискобол чемпион Европы Адольфо Консолини первым понес олимпийский факел в Кортина д'Ампеццо. На снимке: Адольфо Консолини на одной из улиц Рима.

Л. Козырева на дистанции.

Когда же Гришин наш Евгений
Коснулся финишной черты,
Как мимолетное виденье,
Как гений дивной быстроты,
От сорока и двух десятых,
Хоть мы нарадовались всласть,
У нас, болельщиков завзятых,
От сорока и двух десятых
Температура поднялась.
Затем со скоростью гигантской
И Грач дистанцию прошел.
И слово «грач» по-итальянски
Теперь читают как «орел».

А потом те, кому были посвящены эти строчки, отправились на стадион, чтобы получить там олимпийские медали. И теперь мы увидели стадион другим. Внезапно потух свет, погрузив ледяное поле и трибуны в полумрак. В ясном небе засветила луна, еще ярче разгорелось олимпийское пламя, и казалось, что это пламя, а не прожекторы озаряют близкие вершины гор. Когда свет снова вспыхнул, на трибуне почета уже стояли победители. Дважды поднялось в звездное небо знамя Страны Советов, и дважды звучал на стадионе Гимн СССР.

А в следующие вечера мы увидели на трибуне почета других советских скороходов и лыжников. Тут были и Борис Шилков, быстрее всех пробежавший 5 тысяч метров, тут вновь был Евгений Гришин, который установил еще один мировой рекорд в беге на 1500 метров, и молодой Юрий Михайлов, не уступивший Гришину ни одной доли секунды, и Олег Гончаренко, и Евгения Сидорова.

Не раз в эти дни звучал Гимн Советского Союза, не раз взвивалось красное знамя Страны Советов в темном небе над олимпийским стадионом.

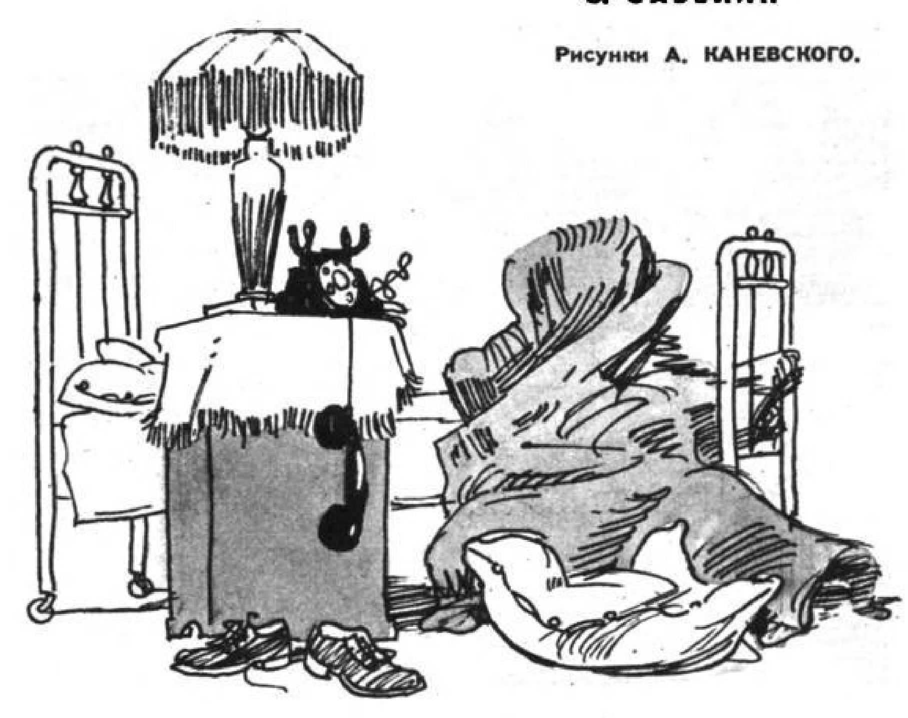
Так вошли в свое русло Олимпийские игры... При свете солнца спортсмены боролись за победу, при свете луны пожинали плоды своих усилий.

Кортина д'Ампеццо. 1 февраля.

Аппендицит

З. САВЕЛИН

Рисунки А. КАНЕВСКОГО.



Владимир Бородулин, или, как его называли друзья, Вольдемар, попал в неприятную историю: он должен был откровенно сказать все, что думает о своем непосредственном начальнике. И сказать это не где-нибудь в кулуарах, а при всем честном народе, прямо в глаза начальнику.

Такая задача была выше физических и моральных сил Бородулина. В течение двадцати девяти лет жизни у него всегда все шло гладко. С детства Вольдемар ходил в одаренных мальчиках. Сверстники его сразу же после окончания института разлетелись в разные стороны: от станции Кушка до Полярного круга. Вольдемар ушел в аспирантуру. Это было, конечно, нелегко. Но в ход были пущены родственники, знакомые и мало знакомые, однако влиятельные люди. Так Вольдемар остался при институте. Тему диссертации он избрал себе, как выразилась его тетя Валерия, «железобетонную» — «Киропедия» Ксенофонта Афинского как историко-литературный памятник IV века до нашей эры».

Справедливости ради надо сказать, что Вольдемар намеревался посвятить себя более актуальной проблеме и подумывал о диссертации на тему «Буква ять, ее происхождение, значение и отмирание», но тетя Валерия, женщина решительная и дока по части житейских дел, не хотела об этом и слышать. «Держись за старика,— решительно изрекла она.— Чем глубже в века, тем безопаснее».

С дерзновенной мечтой о букве «ять» пришлось расстаться. Но Вольдемар не жалел об этом. Во время защиты диссертации он убедился, насколько тетя была права. Все прошло отлично. Оппоненты единодушно отметили, что молодой и многообещающий ученый «внес вклад», и лишь в заключение, так сказать, под занавес, чуточку пожурили его за то, что он недостаточно увязал свою животрепещущую тему с нашей яркой действительностью.

Вольдемар тут же, не отходя от кафедры, признал свою грубую ошибку и заверил, что он учтет в своей практической научной работе все справедливые замечания многоуважаемых оппонентов.

Оппоненты и Ученый совет одобрительно загудели, с удовлетворением отметив, что товарищ Бородулин правильно воспринимает критику, и единодушно присудили ему степень кандидата наук.

Так, с ученой степенью и намечающимся брюшком молодой ученый вошел в жизнь, которая ему сулила столько приятного и представлялась ровной асфальтовой дорогой, без рытвин и ухабов. И вот... как говорится, человек не знает, где его стережет несчастье.

Еще утром, когда Бородулин пришел в институт, ничто не предвещало грозу. А днем к нему подошел председатель месткома Карпухин и, взяв за пуговицу, совершенно конфиденциальным тоном сообщил, что завтра вечером у них состоится профсоюзное собрание, на котором будет обсуждаться кандидатура директора института товарища Белоусова в связи с предполагаемым выдвижением его на пост председателя научного общества.

— Вам надо будет выступить.

— Почему мне?—спросил Вольдемар, и ему показалось, что пол, на котором он до сих пор чувствовал себя так уверенно, превратился в палубу корабля во время двенадцатибалльного шторма.

— Странный вопрос! — ответил председатель месткома.— Мы посоветовались и решили, что вам как молодому и растущему ученому безусловно надо высказаться... тем более, что Белоусов невнимателен к молодым кадрам. Он и ваш замечательный труд до сих пор не представил к печати. Я слышал, что вы выражали по этому поводу неудовольствие...

— Простите, — пробормотал Вольдемар,— я только, так сказать, намекнул... выразил чисто... внутреннее пожелание...

— Нет, нет, батенька мой, вам надо выступить. Массы ждут вашего слова. На собрании мы будем утверждать характеристику товарища Белоусова.

Вольдемар побледнел.

— Ничего особенного, — продолжал Карпухин,— пятиминутное дело. Характеристику утвердим открытым голосованием...

Карпухин закруглился, как будто дело касалось неуплаты профсоюзных взносов или еще чего-либо подобного, оставив Вольдемара в состоянии, какое испытывает рыба, когда ее оглушат пироксилином.

Остаток дня и ночь Бородулин чувствовал себя неважно.

«Шутка сказать — выступить! — думал он.— И еще эта проклятая характеристика с открытым голосованием. Можно, пожалуй, сделать так: сначала подчеркнуть, что товарищ Белоусов, так сказать, организовал научную работу и вполне подходит на пост председателя научного общества, а потом отметить, что товарищ Белоусов не всегда доучитывает, и хотя отношение к молодым кадрам в общем хорошее, но имеется вместе с тем нечто вроде недостатков, то есть не совсем недостатки, а, так сказать, недосмотры... пробелы... С кем не бывает!..»

Но чем больше думал Бородулин о предстоящем выступлении и особенно об открытом голосовании, тем больше он убеждался, что это выше его сил. Не с кем даже было посоветоваться по этому щекотливому вопросу: тетка уехала за город, а о том, чтобы позвонить кому-нибудь из товарищей по работе, нельзя было и думать.

А время шло. Бородулин ворочался с боку на бок и все никак не мог заснуть. Часы отбивали свой неустанный бег; слышно было, как на кухне капает вода из плохо закрытого крана. И от этого холодного и такого неотвратимого бега времени, от сознания своей беспомощности Бородулину стало не по себе, засосало под ложечкой. Он вдруг вспомнил свое детство, пионерские сборы у костра, веселые песни во время походов, и ему так мучительно захотелось стать маленьким, ну, например, учеником четвертого класса. «Какая безмятежная жизнь была!» — подумал он.

Как-то летом он вместе со всем пионерским лагерем отправился на прополку картошки. Первый день Володя работал с большим удовольствием и даже съел за ужином две тарелки дымящейся молодой картошки с маслом и зеленым луком. Это было восхитительно! На второй день работа на картофельном поле показалась ему уже не такой привлекательной. С непривычки у Вовы настроение испортилось, ныла спина. На третий день он написал маме письмо. Она сразу же примчалась в деревню и забрала Вову домой.

— Что вы, что вы! — сказала она старшей пионервожатой.— У мальчика ревматизм, и ему нельзя заниматься сельскохозяйственными работами!

Обиженно поджав губы, она села с Вовой в машину и укатила, оставив в недоумении весь лагерь.

«Золотое невозвратное детство!» — с горечью вспоминал Бородулин.

А маятник попрежнему отбивал секунды, вязал их в минуты и часы. За окном разлилась предрассветная муть. Бородулин вдруг с поразительной ясностью представил себя на трибуне, выступающим с критикой в адрес начальства. Он почувствовал, что у него начинается озноб.

«Надо что-то предпринять,— подумал он.— Не выступишь — плохо, испортишь отношения с председателем месткома. Выступишь— еще хуже. Что же делать?»

Вдруг счастливая мысль озарила его мозг: «Надо заболеть, и вся проблема будет решена... Но чем заболеть?»

Все знали, что у Бородулина отменное здоровье.

«Можно было бы, конечно, заболеть гриппом,— прикинул Бородулин,— но кто же в июле болеет гриппом? Не поверят».

И вдруг Бородулин вспомнил, что у него когда-то был приступ аппендицита. «А что, если заболеть аппендицитом? — подумал он.— Это же верняк... Прекрасная идея! Все знают, что у меня был приступ».

Через минуту Бородулин почувствовал, что у него ноет в правом боку. Он начал пальпировать живот. Где-то внутри заныло.

«Может быть, у меня в самом деле начинается приступ?» — испуганно подумал Бородулин. От страха он застонал.

«Боже мой, что же делать? В квартире никого нет. А что, если это в самом деле приступ?» — подумал Бородулин. В животе подозрительно заурчало.

От страха, что он может умереть, его начал бить озноб. Резкая боль разлилась по всему телу.

Холодея от ужаса, Бородулин встал с постели, неверными шагами подошел к телефону и, путаясь в отверстиях диска, с трудом набрал 03.

— Скорая помощь! — услышал он в трубке.

— Приезжайте немедленно. Кто заболел? Я заболел... Умираю... Неотложку? Будет поздно. У меня приступ аппендицита... перфуратум... да, прободение... Умоляю!..

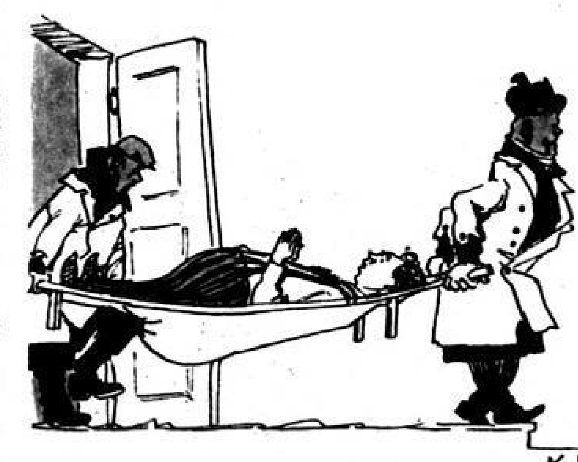
— Высылаю карету,— ответили по телефону.

Бородулин ползком добрался до кровати. И вдруг необычайное спокойствие овладело им. Боль утихла, как будто ее и не было. Ему захотелось спать.

«Как же быть,— подумал он,— сейчас приедет «Скорая помощь»... Скандал!.. Они сообщат на работу... А почему мне вдруг стало лучше? Может быть, это затишье перед новым приступом?»

За окном загудела сирена санитарной кареты. Через минуту в квартиру вошел врач с двумя санитарами.

— Доктор, спасибо, что так



быстро приехали... Ужасная боль...

Врач присел на постель и осторожно прощупал правую сторону живота.

— Больно?

— Да,— заикаясь, ответил Бородулин и громко застонал, хотя боли он не чувствовал.

— Спокойно, больной, вам опасно двигаться. Кладите на носилки! — приказал врач санитарам.— Так, спокойнее, несите осторожно...

Вскоре Бородулин лежал на операционном столе.

— Доктор, может быть, не надо оперировать? Мне уже лучше,— взмолился Бородулин, но на всякий случай еще раз застонал.

— Лежите спокойно, молодой человек! Отпусти вас, так все равно завтра снова вызовете. Аппендицит — пустяк, но в случае нагноения — штука опасная. Давайте! — обратился он к медицинской сестре, стоявшей наготове со шприцем.

* * *

Через восемь дней Вольдемар Бородулин, томный и бледный, вышел из больницы. Операция прошла вполне благополучно. Врач, оперировавший Бородулина, проводил его до двери и, дружески похлопав по плечу, сказал:

— Откровенно говоря, молодой человек, аппендикс ваш можно было и не вырезать. Он был в преотличном состоянии. Но вы так напугали нас своими криками и стонами, что я не имел права отпустить вас домой. Да и симптомы все были налицо. Зато аппендицит вам теперь не грозит. Так что не тужите. Желаю успеха, молодой человек!

Несколько дней после операции Бородулин провел дома, набираясь сил, отдыхая и вообще сибаритствуя, а потом пошел на работу.

В институте его встретили радостным гудением, как обычно встречают сотрудников, возвратившихся из отпуска или длительной командировки.

— Поздравляю! — встретил его председатель месткома Карпухин.— Я ведь давно избавился от этой дряни. Слепая кишка не товар, это уж точно, поверьте мне.— И он дружески взял Бородулина за пуговицу и покрутил ее несколько раз.

— Ну, что у вас нового? — спросил его Бородулин.— Как прошло собрание? Надо же было мне заболеть тогда!

— Вы о каком собрании? — спросил Карпухин.— На котором мы должны утверждать характеристику Белоусова?

— Да,— ответил как можно более безразличным голосом Бородулин.

— Так вы не беспокойтесь, батенька: мы перенесли собрание на конец месяца! Белоусов отчет готовил для министерства. Весь институт был занят. А собрание будет послезавтра. Так вы уж помните наш уговор: массы ждут вашего слова, покритикуйте нашего бюрократа, да пожестче.— И он взял Бородулина за другую пуговицу.— Мы уж на вас надеемся...

Семинар фельетонистов

На днях в Центральном Доме журналиста проведен творческий семинар фельетонистов пятидесяти областных, республиканских газет и местных сатирических журналов.

В работе семинара приняли участие фельетонисты, писатели-сатирики и редакционные работники центральных газет и журналов.

На снимке: группа участников семинара беседует с Д. И. Заславским.

Фото Р. Лихач.

СНЕГУРОЧКА И ДЕД МОРОЗ

Ребята, живущие в Первом Красноармейском переулке в Москве, уже привыкли к тому, что на каникулах они получат от дяди Бори славный подарок.

Не обманулись они в своих ожиданиях и в этом году. Несколько ночей трудился шофер Б. Я. Яковлев, и вот в одном из дворов готовы снежно-ледяные скульптуры Снегурочки и деда Мороза; одежды их раскрашены яркими красками.

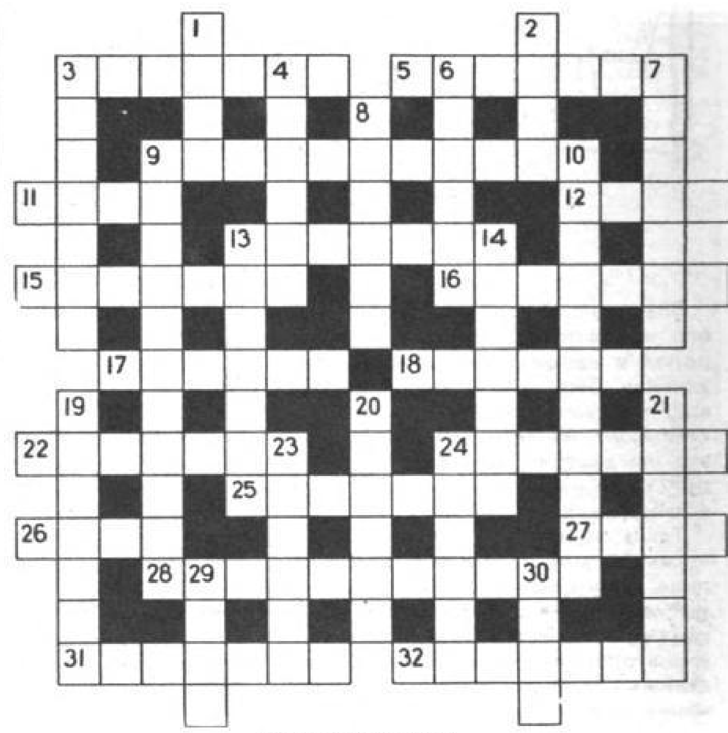
Р. КОНСТАНТИНОВА

Куриная слепота

И. ЗОЛОТАРЕВСКИЙ

В различных видах
куры,
редко гуси
на вас глядят со всех его холстов.
Он их писал уверенно,
во вкусе
прославленных фламандских мастеров.
В других сюжетах
он не знал удачи...
Что ж так убог его диапазон?
Художник жил безвыездно
на даче,
и куры — всё,
что в жизни видел он.

КРОССВОРД



По горизонтали:

3. Сорт яблок. 5. Предприятие, связанное с другим в производстве изделий. 9. Опыт. 11. Ткань. 12. Скотовод в Монголии. 13. Вещество, участвующее в химической реакции. 15. Радиоактивный элемент. 16. Высокогорный курорт на Кавказе. 17. Раствор, применяемый в фотографии. 18. Звук речи. 22. Рулевое колесо. 24. Приток Куры. 25. Обезьяна. 26. Польский писатель. 27. Бельгийский скрипач-виртуоз и композитор. 28. Установление размеров заработной платы. 31. Научное сочинение. 32. Вид горных работ.

По вертикали:

1. Ударная часть молота. 2. Выдающийся русский актер. 3. Штрихи, тени на рисунке. 4. Травянистое растение, медонос. 6. Мгновение. 7. Устный приказ. 8. Опорная балка. 9. Цирковой артист. 10. Дальномерная геодезическая съемка. 13. Шведский парламент. 14. Совокупность машин механического оборудования. 19. Искусственный кровельный материал. 20. Сила природы. 21. Представительница одного из народов, населяющих Азию. 23. Низменная впадина. 24. Опера А. Спендиарова. 29. Вид перекрытия. 30. Порт на Янцзыцзян в Китае.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 5

По горизонтали:

1. Итака. 6. Кременчуг. 9. Представитель. 12. Канна. 13. Якорь. 14. Актив. 19. Вольфрам. 20. Абориген. 21. Рубероид. 22. Контракт. 25. Сикан. 26. Кулон. 27. Схема. 30. Подразделение. 31. Рефлектор. 32. Ганти.

По вертикали:

2. Тематика. 3. Киноварь. 4. Гряда. 5. Муфта. 7. Трансформатор. 8. Электротехник. 10. «Нахлебник». 11. Диаграмма. 15. Кварц. 16. Дания. 17. Обзор. 18. «Унита». 23. «Мурзилка». 24. Коверкот. 28. Ордер. 29. Щегол.

В этом номере на вкладках: четыре страницы репродукций картин с выставки произведений художников РСФСР и четыре страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Оформление И. Уразова.

А 00719. Подп. к печ. 1/II 1956 г. Формат бум. 70 X 108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 000 000. Изд. № 158. Заказ № 30. **Рукописи не возвращаются.**

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ

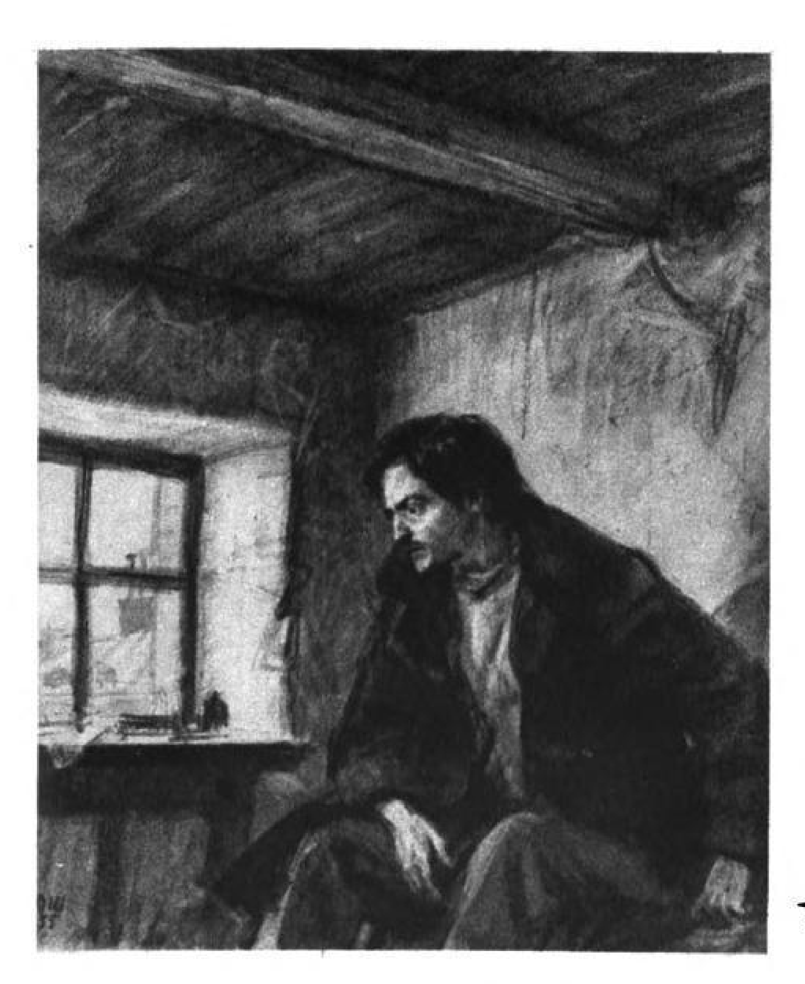
ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

Иллюстрации Д. Шмаринова.

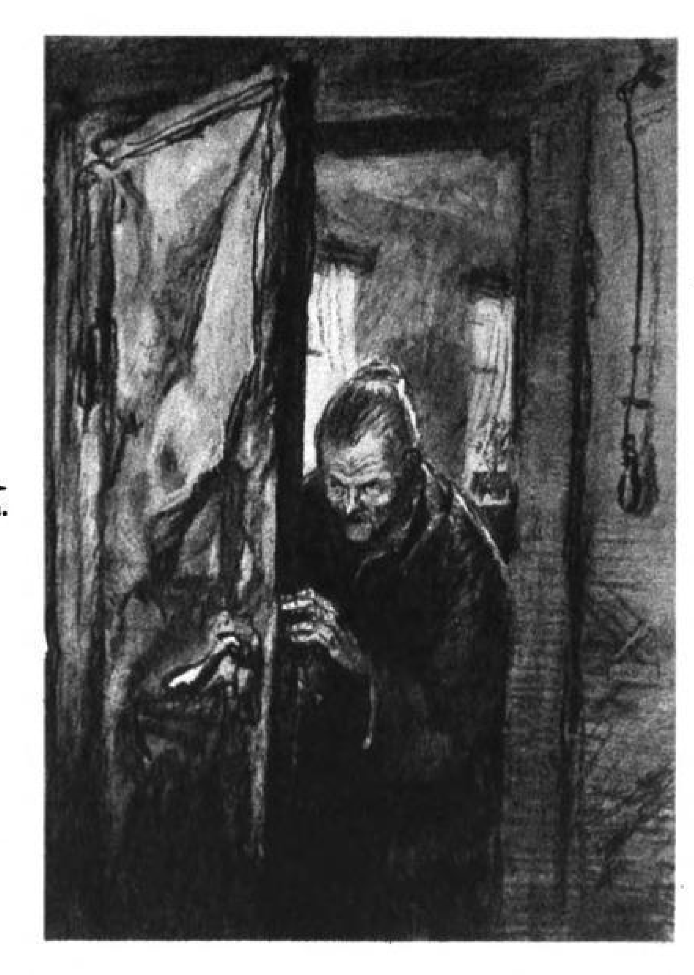
Раскольников признается Соне в преступлении.

Двор дома, где жила процентщица.

Свидригайлов и Дуня.



← Раскольников.



→ Старуха-процентщица.

Цена номера 3 руб.